

• Советская Россия •

Д. Иванов

Сила самых сильных

Тяжелая атлетика
на
Олимпиадах

И. М. -
Д. Иванов

Сила самых СИЛЬНЫХ

Тяжелая атлетика
на
Олимпиадах

Москва
«Советская
Россия»

Иванов Д. И.

И20   Сила самых сильных: Тяжелая атлетика на Олимпиадах.— М.: Сов. Россия, 1979.— 176 с., 8 л. ил.

Книга представляет собой художественно-документальный рассказ о советских тяжелоатлетах-олимпийцах — победителях Игр в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио, Мехико, Мюнхене и Монреале. Автор вводит читателя в мир атлетов, начиная повествование с истории зарождения тяжелоатлетического спорта.

Особый интерес представляют репортажи автора с олимпийских турниров, которые чередуются с зарисовками и очерками о таких знаменитых чемпионах, как Аркадий Воробьев, Юрий Власов, Яан Тальтс, Леонид Жаботинский, Виктор Куренцов, Василий Алексеев, Давид Ригерт и другие.

60902-055

И — БЗ-40-1979 № 11 4202000000

М-105(03)79

7А3.1

© Издательство «Советская Россия», 1979 г.

МИР АТЛЕТОВ

Вместо предисловия

ШТАНГА! Поднимают ее, соревнуясь в силе, мужчины. Казалось бы, что в этом привлекательного? Однако сотни тысяч, миллионы людей в разных странах волнуются, особенно в дни мировых чемпионатов и олимпийских турниров, хотят знать: кто же самый сильный и какова его сила?

В наше время штанга у всех в почете. Ее «обхаживают» боксеры и борцы, с нею дружат легкоатлеты и пловцы, конькобежцы и футболисты... Даже грациозные мастера фигурного катания на коньках упражняются с этим простым спортивным снарядом.

А для тяжелоатлетов штанга — нечто большее, чем средство развития максимальной мускульной силы. Это и союзник, и соперник. Штангистом нельзя быть на час-другой. Им становятся на всю жизнь.

Атлеты не ломают подков, не рвут цепей, не гнут железных балок и не завязывают бантиком кочергу. В их соревновательном арсенале нет ничего сенсационного, показательного, что можно увидеть, скажем, на цирковой арене. И все же состязания силачей чрезвычайно увлекательны.

Это только так, для красного словца, некоторых больших атлетов называют «железными», «стальными»... Каким бы ни был волевым силач, он выходит на соревновательный помост с надеждой на успех и... сомнениями. Никто не желает быть побежденным, но чемпионом может стать лишь один, тот, который укротит самую тяжелую штангу.

Ничтожно малая погрешность, и побеждает не атлет, а штанга. Непокоренная, она глухо падает на дощатый настил, вмиг разрушая золотые надежды спортсмена и его

тренера. И как невыносимо горько бывает им обоим! Но вот попытка увенчалась успехом — рекордный снаряд покорен: счастлив атлет, его учитель, счастливы и зрители. И если вы до этого оставались равнодушны к происходящему на помосте, то теперь непременно преобразитесь: будто бы тоже подняли рекордную штангу.

Дорогой читатель, позвольте пригласить вас в мир атлетов, загадочный и своенравный, парадоксальный и величественный. Немногим известно, чем живет этот мир, во имя чего в наш стремительный век — век сверхмощных подъемных механизмов — он, не щадя «живота своего», тянет и тянет вверх чудовищно тяжелую штангу, ведет бесконечный спор с его Величеством — земным тяготением, отдавая этому азартному увлечению свои лучшие молодые годы.

Я познакомлю вас с наиболее выдающимися советскими тяжелоатлетами, расскажу о их жизни и трудных стартах на помостах Олимпийских игр и чемпионатов мира. Примите героев этой документальной книги такими, какие они есть: с их радостями и печалью, со взлетами и крушениями, с триумфом силы и в конце концов мучительным раздумьем: «Что же дальше?»

Глава первая

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

XX столетие будет, без сомнения, столетием спорта, возрождением культа силы и здоровья...

Человечество вновь делается сильным, потому что оно научилось, как добиться силы.

Георг Гаккеншмидт,
первый российский чемпион Европы и мира, вошедший в историю спорта как «русский лев» за победы на борцовском ковре

Из всех видов состязаний спортивного толка одним из древнейших является поднимание тяжестей. Это занятие столь же естественное, как ходьба, бег, борьба, метания.

Можно предположить, что уже на заре человечества возник культ силы. Не случайно у всех народов мира есть сказания, мифы и легенды о подвигах богатырей. Эти подвиги приукрашены временем, изрядно гиперболизированы, но из самых добрых побуждений. Силачей боготворили, потому как они были защитой и опорой отечества, примером для подражания и воспитания юных поколений.

От Милона Кротонского до Вигго Йенсена

Даже деревьям, как давно было подмечено, необходимо движение, чтобы они были крепкими, жизнестойкими. Силач же, пока здоров, должен ежедневно получать солидную порцию мускульных напряжений, упражняясь с тяжелыми предметами. Это человечество поняло тысячелетия назад, и люди, стремившиеся быть сильными, упражнялись с различного рода тяжестями.

Так, судя по изображению атлета, в Древнем Египте силачи поднимали громадную балку. Известно, что на площади в Афинах лежало увесистое железное ядро, и любой древний эллин мог попытаться его поднять, показать свою силу согражданам.

Древние греки, кстати, первыми взяли в руки каменные и металлические ядра, соединенные ручками. Эти атлетические снаряды, похожие на наши гантели, назывались гальтересы. Примечательно и то, что первыми

ревнителями атлетической гимнастики были древнегреческие врачи.

Знаменитый Гален, описывая в своих медицинских трудах упражнения с гантелями для развития боковых мышц туловища, пояснял, что такие занятия помогают сохранять здоровье.

Самым известным (не мифическим, как Геракл, а действительным) силачом Древней Греции был атлет из Кротона могучий Милон. По утверждению историка Павзания, Милон Кротонский завоевал на Олимпийских играх шесть пальмовых венков. Причем первую «пальму» он получил за великолепные победы в борцовских схватках, будучи еще ребенком.

В дошедших до нашего времени сведениях о силе и ловкости древнегреческих олимпийцев немало красивой фантазии. В действительности же наблюдались и негативные явления. Врачи первыми обратили внимание на то, что «толстый живот не делает ума острее», что среди атлетов, оказывается, были тучные ленивые субъекты, которые тренировались мало, а ели слишком много. Еврипид называл таких «рабами желудка».

Славу Древней Греции как родине атлетизма принесли герои Олимпийских игр, такие, как Милон из Кротона, — сильные, ловкие, красивые мужчины.

Атлетическую культуру древних греков унаследовали римляне. Культ силы царил на арене Колизея, когда в смертельную борьбу вступали гладиаторы и когда давали помпезные представления великие актеры-силачи — Атанат, Рустителий по кличке «Геркулес», Фувий Сильвий.

Тацит писал: «Не быть больным — этого еще мало: мне по душе человек крепкий, веселый, бодрый; недалеко ушел от слабосилия тот, в ком хвалят лишь его здоровье».

Воззрение римлян было таковым: истинному мужчине подобает быть сильным физически. Ведя непрерывные войны, императоры Рима нуждались в крепких, закаленных и мужественных солдатах. Да и сами властители великой империи были под стать своим воинам. Как свидетельствовал Светоний, император Тиберий одним левым пальцем (он был левша) протыкал насквозь свежее яблоко, а щелчком того же пальца мог поранить голову человека.

О богатых способностях римских солдат можно судить по рассказу о коренастом Винии Валенте. Воду раньше хранили и перевозили в кожаных мехах, которые доставлялись на повозках. Так вот Валент однажды

приподнял повозку с водой весом в полторы тонны и держал ее на плечах, пока ее не разгрузили.

С падением Рима постепенно угас интерес к атлетизму. О целенаправленном развитии силы люди вспомнили только в эпоху Возрождения.

В XIV—XV веках английские солдаты специально упражнялись в толкании железной балки. Особенно ценили силу шотландцы. У них было такое «золотое» испытание: каждый возмужавший юноша обязан был поднять камень весом не менее ста килограммов и положить его на другой камень. Только после этого юношу признавали мужчиной и ему позволяли носить шапку.

В царствование королевы Елизаветы (в конце XVI века) физические упражнения с тяжестями рекомендовались молодым англичанам вместо танцев и прочих «пустых забав». Джон Нортбрук доказывал, что занятия с палкой, на концах которой подвешены свинцовые грузила (чем не штанга?!), укрепляют грудь, руки и что атлет при этом испытывает все удовольствия, как в боксе, но зато не получает ударов.

Самым знаменитым силачом Англии в XVIII веке был Томас Тофан. Этот атлет обыкновенной наружности имел очень мускулистое тело. В 31-летнем возрасте Тофан показал такой номер: подпоясавшись, он оторвал от земли три громадные бочки общим весом свыше 750 килограммов. Ученик Ньютона — доктор Дэзагильер свидетельствовал, что Тофан отличался образцовым телосложением, потому что много упражнялся с тяжестями и соблюдал жесткий режим. По словам Дэзагильера, Томас обладал такой силой мышц, что свободно повязывал свою могучую шею железной кочергой, как галстуком. Современники величали Тофана «британским Геркулесом».

Кроме Великобритании, атлетизм успешно прививался на юге Франции, в Италии, Германии, Австрии, Голландии. Примерно с 1860 года началось формирование тяжелой атлетики как вида спорта. Во многих европейских странах, а также в Соединенных Штатах Америки, Канаде, в Австралии возникают атлетические кружки и клубы. Появляются правила соревнований, проводятся первые турниры силачей. Благодаря этому тяжелоатлетический спорт был включен в программу I Олимпийских игр, которые состоялись в Афинах летом 1896 года.

В том же 1896 году, перед Олимпиадой в Роттердаме собрались силачи Голландии, Австрии, Дании, Франции, Германии и провели первый чемпионат Европы. Деления атлетов на весовые категории не существовало, выявлялся, так сказать, абсолютный чемпион. При этом каждый

демонстрировал все, на что был способен. Самым сильным тогда признали пивовара из Баварии Ганса Бека. Он сумел выжать двумя руками 130 килограммов, толкнуть — 135... Достижения же первых олимпийцев оказались намного скромнее, поскольку в состязаниях сильнейшие атлеты почему-то не участвовали. Золотую олимпийскую медаль завоевал датчанин Вигго Йенсен, который сумел толкнуть в Афинах штангу весом в 111,5 килограмма.

Примечательно, что уже в то время в России были силачи мирового класса. В Первом Всероссийском чемпионате, проведенном в Петербурге в 1897 году, все участники намного превысили достижения чемпионов Афинской олимпиады. Так, петербуржец Гвидо Мейер, ставший победителем, выжал двумя руками штангу весом в 114,6 килограмма и толкнул — 131 килограмм.

Утро российской атлетики

В дни Московского чемпионата Европы и мира 1975 года, который состоялся в Лужниках, советская спортивная общественность отметила 90-летие отечественной тяжелой атлетики. Ее «отцом» был уроженец Варшавы, один из передовых людей своего времени, петербургский врач Владислав Францевич Краевский. Это он 10 августа (23-е — по современному счислению) 1885 года в своей квартире на Михайловской площади открыл первый в России «Кружок любителей атлетики».

Вот что об этом писал в 1897 году Владислав Францевич в статье «О влиянии тяжелой атлетики на человеческий организм»:

«...Пишущий эти строки вздумал, для поправки своего здоровья, будучи 44 лет от роду, заняться спортом и, сообразно со своим возрастом, выбрал малые тяжести, а именно — гантели в 10 фунтов. Было это в Петербурге, в 1885 году. Упражнения мои шли усердно, успех был видимый, — польза несомненная. Я увлекся, постепенно прогрессировал, дошел до значительных результатов и в смысле спорта, и в смысле здоровья, — и с тех пор стал восторженным поклонником физических упражнений и их проповедником. Я не остался без подражателей. Не голос мой, но советы, не авторитет, а живой пример имел воздействие на лиц, окружавших меня. Это — общий закон. Пример увлекает. Действие примера выше всяких слов.

И теперь, когда я являюсь в общество молодых людей и вижу их бездействие, я не уговариваю к «работе», — я

беру гири в руки, и — этого довольно. Вместо разговоров начинается «работа». Застучали гири, и пошло веселье!».

Хорошо сказано: «Застучали гири, и пошло веселье!» Так мог сказать о тяжелоатлетической тренировке только тот, кто был беззаветно предан богатырскому виду спорта. Всего себя, все свое состояние Краевский отдал российским силачам, мечтая о времени, когда они, его «пациенты», удивят спортивный мир.

По свидетельству «профессора атлетики» Ивана Лебедева (его цирковой псевдоним — «дядя Ваня»), Владислав Францевич не любил и не умел никому ни в чем отказывать. Его квартира на Михайловской площади была родным домом для всех российских силачей. Многим он помог сделать атлетическую карьеру — Георгу Гаккеншмидту, Владиславу Пытлясинскому, Сергею Елисееву, Ивану Лебедеву, Георгу Луриху...

Нашей отечественной тяжелой атлетике, конечно, очень посчастливилось, что у ее колыбели стоял врач, один из передовых педагогов своего времени. Благодаря этому она сразу же встала на крепкие ноги, получила правильное направление в своем развитии. Ведь тогда во многих европейских странах были в моде силачи невероятно крупных габаритов, страдающие одышкой от ожирения и плохой тренированности.

Владислав Францевич постоянно внушал своим многочисленным ученикам, что основная цель занятий с тяжелыми снарядами — укрепление здоровья, без чего невозможно стать настоящим силачом. Рецепты развития максимальной силы, которые выписывал Краевский своим ученикам, не устарели по сей день, потому что в основе его методики было всестороннее физическое совершенствование атлетов. Кружковцы доктора, устанавливая рекорды в поднимании тяжестей, прекрасно боролись, многие увлекались гимнастикой, боксом, велоспортом, все отлично плавали.

Самым выдающимся учеником Краевского был эстонец Георг Гаккеншмидт, который, рассказывая о себе, писал:

«Я упражняюсь и тренируюсь по следующим принципам: ем и пью все, к чему у меня имеется аппетит, но без излишества; вполне воздерживаюсь от спиртных напитков. Упражняюсь ежедневно, но не останавливаюсь на каком-либо одном виде спорта. Моя тренировка заключается преимущественно в прыгании через скакалку (упражнение, особо пригодное для велосипедистов, бегунов и т. д.), в плавании, поднимании гирь и борьбе. Но и в этом я избегаю излишества».

Первым, кто поднятие тяжестей стал называть «тяжелой атлетикой», был Краевский. Вот как он это аргументировал: «Физические упражнения с тяжестями составляют одну из самых трудных и важнейших отраслей спорта, так как они больше остальных развивают мышцы всего тела. Это объясняется степенью большого мышечного напряжения, всегда пропорционального весу тяжести, с которой упражняемся. Вес тяжести подчас бывает очень значителен. По этим двум причинам поднятие тяжестей—в буквальном и в переносном смысле слова—составляет «тяжелую атлетику».

К счастью, Владислав Францевич был свидетелем первых всемирных побед своих кружковцев. В июле 1898 года он с тремя своими лучшими учениками был приглашен в Вену для участия в чемпионате Европы по французской борьбе и во Всемирном турнире по поднятию тяжестей. В этих состязаниях триумфатором стал Георг Гаккеншмидт. Он завоевал золотую медаль за свободный жим штанги одной рукой и установил официально рекорд мира в рывке левой рукой. «Гак» вымахнул вверх, даже по нынешним понятиям, громадный вес—85,1 килограмма.

Несмотря на то что Гаккеншмидт соревновался не во всех упражнениях (их тогда было великое множество), в итоге он занял почетное третье место. Следует еще учесть, что собственный вес русского силача был только 89 килограммов, а его главный соперник австриец Вильгельм Тюрк весил 120 килограммов.

После изнурительных состязаний гиревиков Георг вышел на ковер и своими мощными бросками быстро положил всех соперников на лопатки. На четырех первых борцов он затратил лишь 3,5 минуты.

Венская газета «Альгемайне спорт цайтунг» писала: «Русский Геркулес боролся с особым блеском. Он делал с противником все, что хотел: легко поднимал их в воздух в своих мощных захватах, бросал на ковер и переворачивал на лопатки... Его борьба с Валишем была, по существу, игрой кошки с мышкой. Через полминуты австриец был, как ребенок, перевернут на спину. В приемах русского борца была видна феноменальная сила, в движениях—молниеносная быстрота... Данное ему прозвище «русский лев» соответствует и его силе, и его манере борьбы...»

Международный дебют удался, и Петербург с восторгом встретил своих силачей. Одна газета сообщала: «Наши богатыри возвращаются настоящими аргонавтами, везут трофеи, призы и золотые жетоны. Гаккеншмидт

перепоясан серебряным призовым поясом, Мейер украшен медалью, и Шмеллинг имеет вид самого Язона с золотым руном... Железномускульный муж, победитель Ветаза, неистовый Шмеллинг, выражаясь слогом Гомера, отныне стал европейской знаменитостью. Гаккеншмидт, сей знаменитый, самому лишь Гераклу подобный, бросал своих противников одного за другим, как будто это были мячики, а не люди... Ничего подобного даже с троянскими героями не случилось. Гаккеншмидт затмил обоих Аяксов».

В марте 1899 года произошло еще одно знаменательное для российских силачей событие. Во Всемирном турнире, состоявшемся в итальянском городе Милане под эгидой «Гадзетты делло спорт», блистательную победу одержал Сергей Елисеев. Этот талантливый уфимский богатырь, тренируясь у В. Ф. Краевского в Петербурге, за год упражнений с тяжестями доказал свое право на поездку в Италию выдающимися достижениями.

«К штанге,—как писал Иван Лебедев,—уфимец подходил медленно, крадучись, как к врагу. И злился он на «железо» так, что становился бледным. Елисеев обладал удивительной способностью—поднимал рекордные веса с первой попытки». Вот какого бойца послал в Милан Владислав Францевич. И не ошибся.

Хотя Сергей весил лишь 92,2 килограмма (соперники были тяжелее его на 20—40 килограммов), он превзошел их по всем статьям: толкнул правой рукой 86,8 килограмма, выжал двумя руками 116,7 и вытолкнул вверх 143,3 килограмма.

Устроитель турнира маркиз Монтичелли вручил Сергею Елисееву золотую медаль как чемпиону мира (официальных первенств тогда не проводилось—не было Международной федерации тяжелой атлетики).

Вход только для красивых

Бесспорно, что Сергей Иванович Елисеев на рубеже столетий был одним из самых даровитых атлетов-любителей. Но ему не довелось участвовать, как и другим русским силачам, в олимпийских турнирах. В 1901 году не стало доброго доктора: В. Ф. Краевский, поскользнувшись, упал на Аничковом мосту, после чего с постели не поднялся. Атлеты России остались без руководителя, без друга и наставника. В разных городах возникали атлетические группы, создавались даже клубы, но победная нить была потеряна.

Атлетов разъединяли бесконечные распри. Каждое «удельное княжество» считало, что его «метода» развития мышц более совершенная. Научно обоснованные принципы тренировки Краевского пропагандировались только его бывшими учениками — атлетами Петербурга.

В России нашлись сторонники «новейшей системы» Сандова. Аристократов она вполне устраивала — не нужно было «таскать тяжелые штанги». Сандов обещал, как делают это в наши дни ревнители культуризма, «силу, красоту и здоровье» тем, кто будет по его методу поднимать легкие гантели и упражняться с резиной.

Методику занятий «доброго доктора» любители «красоты» стали высмеивать. Больших силачей изображали людьми ограниченными, тупыми. Подводилась под это даже «научная» аргументация.

Особенно воинственно вели себя поклонники Сандова в Киеве и в Москве. Они стали создавать свои атлетические заведения для лиц, имеющих «высокое положение в обществе».

Вот как отреагировал на это петербургский журнал «Спорт»: «В Москве образовалось атлетическое общество «Джентльменский атлетический клуб». Газеты говорят, что в него будет открыт доступ только лицам, общественное положение которых будет «строго соответствовать названию клуба». Об этом нельзя не пожалеть, так как при таких условиях о развитии любительской атлетики в Москве нечего будет и думать».

В дальнейшем этот журнал сообщал: «В клуб принимают только «красивых», щеголяющих «воздержанием и лаконизмом речи».

В пику аристократам «Спорт» стал пропагандировать «гимнастику для небогатых», давал советы, как изготовить штангу из дерева и глины. «Профессор» российской атлетики Иван Лебедев открыл на страницах этого журнала «школу» для любителей гиревого спорта, где печатались методические указания, как упражняться с тяжестями, чтобы приобрести здоровье и силу. Лебедев доказывал: «Каждый человек может сделаться раза в два-три сильнее, и тяжелые гири — один из могущественных способов сделать человека сильнее».

Интерес к гиревому спорту был громадный, пожалуй, не меньше, чем сегодня к футболу. И подогревали его профессиональные атлеты, выступавшие на цирковых аренах. В одном из петербургских спортивных изданий 1901 года можно найти такие строки: «Если бы в прошлом году нас спросили, какой спорт больше всего распространен в России, мы бы, не задумываясь, ответили —

распространен только велосипедный. Остальные виды спорта у нас не распространены. Теперь мы этого не сказали бы. У нас есть спорт, который все же распространен сильно, — атлетика. Любителей борьбы и гири у нас оказывается масса и, главное, масса любителей увлеченных».

В провинции часто любителю физических упражнений положительно невозможно помериться с кем-нибудь силой — он тогда борется против воображаемого соперника, против рекорда. И для этого наиболее подходящий вид спорта — гири. Этим объясняется обилие в провинции «гиряков».

Да, любителей «железных игрищ» было немало. Но таких могучих силачей, какими были Гаккеншмидт, Елисеев, не стало. Впрочем, во всем мировом тяжелоатлетическом спорте тогда наблюдался кризис. Этим, вероятно, и объясняется отсутствие состязаний штангистов в программах Парижской олимпиады 1900 года, крайне низкие результаты чемпионов-силачей на III Олимпийских играх в Сент-Луисе (США, 1904 г.): самый сильный — им был провозглашен грек Какоузис — поднял двумя руками только 111,67 килограмма. Дальше — хуже: тяжелая атлетика была исключена из состязаний IV и V Олимпиад.

Права олимпийского гражданства тяжелоатлетический спорт вновь обрел лишь в 1920 году после создания Международной федерации, которую возглавил энергичный француз Ж. Россе.

Было бы неверно утверждать, что в начале XX столетия перевелись настоящие силачи на великой Руси. Они, конечно, были, но их знали лишь по цирковым трюкам. Так, непревзойденным гиревиком слыл москвич Петр Крылов, выступавший на балаганных подмостках.

«Плохо приходится пророку в своем отечестве, — писала одна из прогрессивных газет. — В то время как наши спортсмены наперечет знают всех зарубежных атлетов и борцов, наши русские силачи почти незнакомы им. Именно это можно сказать и про Петра Крылова. Будь он немец или француз, слава его гремела бы по всей России, но так как он русский, известность Крылова в России далеко не так велика, как оно должно было быть».

Действительно, нелегко приходилось «пророкам» в своем отечестве. И мы сегодня, полные благодарности, снимаем шапку перед всеми пионерами российской тяжелой атлетики. Это они зародили в нашем народе здоровый интерес к тренировкам со штангой и гирями, к спорту богатырей.

Попытку объединить российских силачей в 1913 году предпринял председатель общества «Санитас» Л. А. Чаплинский. Он создал Всероссийский тяжелоатлетический союз, который выработал первые правила соревнований.

Становление

Новая страница в истории нашей тяжелой атлетики начинается после Великой Октябрьской социалистической революции. Атлеты (а ими были в основном рабочие) создают спортивные организации, кружки гиревого спорта. Даже в очень тяжелое для страны время — в 1918 году разыгрываются чемпионаты Москвы и Петрограда. Так как Всероссийский тяжелоатлетический союз прекратил свое существование, роль организатора взяла на себя Московская тяжелоатлетическая лига. Она утвердила пять весовых категорий — от полулегкой (до 60 кг) до тяжелой (свыше 82,5 кг).

В 1919 году москвичи провели чемпионат РСФСР. Спустя четыре года был разыгран I чемпионат Советского Союза. В Москве собрались 58 атлетов из разных городов страны. Штангисты соревновались в пятиборье: рывок и толчок штанги одной рукой, жим, рывок и толчок — двумя руками. Вот имена первых чемпионов СССР в порядке весовых категорий: Александр Бухаров (Москва), Иван Жуков и Давид Эхт (оба — Киев), Ян Спарре и Михаил Громов (оба — Москва).

Современному поколению атлетов их имена почти неизвестны — имена первых чемпионов Советского Союза. А какие это люди! Некоторых из них мне посчастливилось застать за судейским пультом. Для ветеранов помошта каждый чемпионат был праздником. И были они в меру важные, чинные, и лица их молодели, морщины разглаживались, когда кому-либо из атлетов удавалось поднять рекордную штангу.

Многие из первых чемпионов ныне здравствуют. Нет в живых Александра Васильевича Бухарова, которого штангисты звали просто «дядей Сашей», уже давно не слышно звонкого металлического голоса Яна Юрьевича Спарре: «Елки с палки! Хотите быть сильными, ешьте овсяную кашку!»

С первых дней Советской власти до победного выхода советских богатырей на олимпийский помост нашу тяжелую атлетику возглавлял А. В. Бухаров.

Победу Великого Октября он, голодный и разутый, месяц спустя отметил мировым рекордом, пусть не офици-

альным, но рекордом. А когда стала налаживаться мирная жизнь в стране, «дядя Саша», бывший мальчик из магазина чайной фирмы «Перов и сыновья», вместе с крикливым Яном, металлистом с завода братьев Бромлей (ныне «Красный пролетарий»), сплотил силачей страны и повел их на штурм рекордных высот.

Они были очень разные — Бухаров и Спарре. Роднила их лишь фанатическая любовь к атлетам, к штанге.

Александр Васильевич Бухаров умер, как чаще всего умирают атлеты: скоропостижно, сердце отказало на перроне вокзала, когда возвращался с командного чемпионата страны, где пришлось изрядно поволноваться. Умер, высокопарно говоря, на боевом посту. Но дело его жизни процветает. В мире нет сильнее атлетов, чем советские. Они побеждают на всех соревнованиях — на мировом и олимпийском помостах. Советская школа тяжелой атлетики, которую пестовал в трудное время «дядя Саша», стала мировой. Наши штангисты ведут счет только большим золотым медалям, которых уже завоевано свыше 270. Сборная команда Советского Союза — победительница двадцати чемпионатов мира и двадцати шести первенств Европы. Она была сильнейшей на пяти Олимпиадах. И все эти замечательные достижения — небоскребы — имеют прочный фундамент, который закладывали А. В. Бухаров и его сподвижники, те, кто совершал революцию, героически сражался за Советскую власть на фронтах гражданской войны и мечтал о нашем спортивном величии на мировом помосте. И не только мечтал.

Как-то, перелистывая пожелтевшие, изрядно потертые страницы журнала «Известия спорта» за 1923 год, я обратил внимание на фотографию молодого атлета в популярной для силачей того времени позе — со скрещенными на груди мускулистыми руками и гордым, независимым видом. Рядом была небольшая заметка:

«29 мая 1923 года М. Буйницкий в присутствии представителей Петроградской тяжелоатлетической лиги в помещении спортивного клуба Петроградского военного автотранспорта («Петроват») установил новый мировой рекорд в рывке левой рукой — 149,5 фунта (старый рекорд равнялся 146,5 фунта). В тот же день Буйницкий установил новый всероссийский рекорд в том же движении правой рукой. Он вырвал 149,5 фунта, побив прежнее достижение, установленное 13 лет назад Херудзинским, на 3,5 фунта».

Далее сообщалось, что Михаил Буйницкий «уроженец Нижнего Новгорода, выдающийся атлет легчайшего веса,

ему 20 лет, тяжелой атлетикой занимается с 1920 года. В настоящее время он служит в «Петровате» в качестве помощника кладовщика и руководит тяжелой атлетикой в клубе части».

По свидетельству прессы того времени, это был первый мировой рекорд, установленный после Великой Октябрьской социалистической революции.

«И здесь бьем буржуазию!» — так откликнулась на это событие молодежная газета Петрограда. Новость о мировом рекорде красноармейца-силача была встречена с восторгом, хотя в те годы «рекордизм» официально не поощрялся. Рабочие Петрограда вручили Буйницкому медаль с надписью: «Первому рабоче-крестьянскому рекордсмену мира».

Стоило Михаилу Ивановичу Буйницкому превзойти рекорд француза Дюпре, как в борьбу за обладание высшими достижениями подключились и другие советские силачи. Их было в то время немного, но жили они дружно. В Киеве «качали мускулы» Иван Жуков, Давид Эхт и Яков Шепелянский. В Петрограде, кроме Буйницкого, верховодили Петр Хрястолов, Митрофан Шишов и другие атлеты. В Москве тон задавали Бухаров и Спарре.

В нашем тяжелоатлетическом спорте стали появляться незаурядные силачи, многие из которых в дальнейшем прославились не только в мире спорта.

«Сделать из человека атлета и в то же время ученого — прямо невозможно. Для того чтобы упорядочить организм согласно физиологическим законам, нужно, чтобы физическая работа находилась в обратном отношении к умственному труду. Только при этом условии вместо противодействия можно достигнуть желаемого равновесия... Итак, на наш взгляд, нелогично требовать, чтобы молодой человек, утомленный школьными занятиями, мог восстановить равновесие утомлением мускулов».

Вот какую опасную мину подводил под гиревой спорт Петр Яновский, редактор и издатель журнала «Велосипед» в девяностых годах прошлого столетия: мол, если хочешь быть умным, то смирись с физическим несовершенством.

Ученик реального училища Михаил Громов не знал, что так «опасна» его дружба с гирями и штангой. Может, поэтому он и стал одним из самых знаменитых людей нашей страны — Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации, профессором. А ведь был штангистом...

Учил самолеты летать...

От рекордов на тяжелоатлетическом помосте до мировых достижений в завоевании голубых далей — таков диапазон спортивных успехов Героя Советского Союза М. М. Громова. Когда шла гражданская война, 19-летний авиатор Михаил Громов был участником боевых операций на Восточном фронте и учил таких же молодых людей, каким был сам, летать.

И что удивительно, в то трудное время Громов не забывал о спорте. Благодаря этому он в 1923 году выступил в состязаниях штангистов и стал первым чемпионом СССР в тяжелой весовой категории.

Когда наша авиация обретала надежные крылья, молодые летчики учились у Михаила Михайловича Громова не только искусству пилотажа, доведенного до виртуозности, но и культуре труда, умению дерзать, преданности Родине. В 1934 году прославленному летчику было присвоено звание Героя Советского Союза за мировой рекорд полета по замкнутой кривой на расстояние свыше 12 тысяч километров. Тогда он сказал: «Я отвечу на эту награду максимальным напряжением своих сил и не сложу крылья, а постараюсь дать еще целый ряд новых рекордов. Все свои силы отдам служению великой Родине».

И Михаил Михайлович сдержал слово. Летом 1937 года Громов вместе с С. А. Данилиным и А. Б. Юмашевым устанавливает мировые рекорды, совершив перелет Москва — Северный полюс — Сан-Джасинто (США).

В годы Великой Отечественной войны М. М. Громов командовал ВВС Калининского фронта, затем 3-й и 1-й воздушными армиями. Он награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной Звезды и медалями. Первым из советских летчиков, получившим награду Международной авиационной федерации (ФАИ) — медаль де Лаво, был наш дорогой Михаил Михайлович.

«Чтобы надежно управлять техникой, надо научиться управлять собой; чтобы управлять собой, надо уметь постоянно следить за своим поведением, за своей деятельностью, — говорит о своих формулах воспитания М. М. Громов. — Но легко сказать: научиться управлять собой. Возникает вопрос, каким образом? Многие здесь зависят от индивидуальных природных качеств, или, как говорил Павлов, от типа нервной деятельности. У одних, к примеру, от волнения — прилив крови к голове, мозг работает интенсивно, а у других «душа уходит в пятки»,

кровь отливает от головы, человек бледнеет, делает глупости и, случается, погибает. Все это так. Но надо прямо сказать, если хочешь в чем-то максимально, в частности в спорте, проявить свои способности, то совершенствуй себя, свою психику. Мой главный совет: молодой человек должен отчетливо представлять свой идеал как в поведении, так и в повседневной деятельности. Чтобы идти к определенной цели, надо быть самокритичным и уметь строго с себя спрашивать: самому себе быть самым строгим судьей. Это воспитывает волю: задумал — сделаю! Свершенное же должно приносить не стыд и раскаяние, а радость и удовлетворение. Я счастлив, что эти две формулы родились во мне своевременно».

На всю жизнь Михаил Михайлович сохранил любовь к тяжелоатлетическому спорту. Ему восемьдесят лет, а он частенько упражняет свое тело штангой.

«С тяжелой атлетикой я дружен с тех пор, как себя помню, — рассказывает молодежи М. М. Громов. — Упражнения с гирями и штангой ценю за то, что они делают нас сильнее физически и морально. Тренируясь, мы учимся владеть собой. Когда атлет выходит на помост, он самому себе приказывает: «Взять и держать!»

* * *

В двадцатые годы тяжелоатлетический спорт в основном культивировался как средство эффективного развития мускулатуры и укрепления здоровья. Силачи выступали в рабочих спортклубах, в парках культуры и отдыха. Однако к 1928 году состязания в поднимании тяжестей стали настолько популярными, что они были включены в программу I Всесоюзной спартакиады, в которой участвовали и зарубежные штангисты.

После перестройки всей физкультурной деятельности в стране на основе комплекса ГТО в тяжелой атлетике начался бурный рост результатов. Штурм мировых достижений был начат 27 мая 1934 года московским динамовцем Николаем Шатовым. Он поднял в рывке левой рукой 78,4 килограмма и тем самым превысил рекорд мира немца Швейгера. Это была победа не только штангистов, а всего советского спорта. Вскоре Шатова поддерживали другие выдающиеся советские силачи: рекордсменами мира стали Георгий Попов, Серго Амбарцумян, Митрофан Шишов, Николай Кошелев, Алексей Жижин, Дмитрий Наумов.

В 1935 году на антифашистском слете во Франции и в 1937-м — на мировой рабочей Олимпиаде в Бельгии советские тяжелоатлеты заняли первые командные места,

выиграв состязания во всех весовых категориях. В этих соревнованиях особенно уверенно выступал киевлянин Георгий Попов. Он превысил мировые рекорды американца Тони Терлаццо.

В предвоенные годы интересным было соперничество двух прославленных советских штангистов тяжелого веса — ереванца Серго Амбарцумяна и киевлянина Якова Куценко. Первым 400-килограммовый «рубикон» в троеборье перешел Куценко. Амбарцумян, потренировавшись под руководством Яна Юрьевича Спарре, набрал в троеборье 433,5 килограмма, намного превысив абсолютный мировой рекорд чемпиона Берлинской олимпиады немца Йозефа Мангера, которого фашистская пропаганда превозносила как «супермена» и «чистого арийца».

В предвоенные годы советские штангисты соревновались с зарубежными атлетами в основном заочно. Мировые и олимпийские турниры разыгрывались без нашего участия, поскольку мы не входили в Международную федерацию тяжелой атлетики и физической культуры. По этой причине не признавались в качестве мировых и рекордные достижения богатырей СССР. Но не считаться с их прогрессом было нельзя. Достаточно сказать, что на 1 января 1941 года из 35 всесоюзных рекордов 27 достижений стояли выше мировых.

Центрами воспитания штангистов высокого класса были Москва, Ленинград, Киев, Минск, Тбилиси, Ереван, Баку, Ашхабад, Севастополь, Саратов, Сталинград. Наиболее сильными атлетами славились общества «Динамо», «Строитель», «Спартак», «Локомотив», успешно выступали штангисты Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Список советских рекордсменов мира в предвоенные годы пополнился именами таких силачей, как Григорий Новак, Яков Куценко, Ефим Хотимский, Владимир Крылов, Рубен Манукян, Моисей Касьяник, Алексей Петров, Александр Божко.

Как только началась война, тысячи спортсменов поднялись на защиту социалистического Отечества. Среди них были чемпионы и рекордсмены по тяжелой атлетике. Так, добровольцами вступили в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения москвичи Николай Шатов и Владимир Крылов. Партизанами стали киевлянин Александр Донской и москвич Лев Механик. В Севастополе сражались командиры морских пехотинцев Николай Лапутин и Иван Мальцев. Легендарным среди черноморских моряков было имя полковника Дмитрия Васильевича Красникова. Командуя бригадой морских пехотинцев, а в нее входили в основном спортсмены, Красников участво-

вал в боях под Новороссийском, на Малой земле. В годы войны ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта. За мужество, за отвагу!

На всех фронтах сражались воины-атлеты. На Северном флоте служил полковник Владимир Симаков, ныне судья международной категории. Генерал-майор танковых войск Давид Эхт (он трехкратный чемпион СССР) всю войну находился на острие главных сражений. Майор Евгений Лопатин воевал под Сталинградом. Соединениями командовал полковник Андрей Степанов, неоднократный рекордсмен СССР.

Победу ковали и те спортсмены, которые несли службу далеко от линии фронта. Например, лейтенант Григорий Новак как специалист по физической подготовке преподавал в военных училищах Новосибирска, Омска.

Не всем довелось дожить до победного часа. Не вернулись домой подрывники ОМСБОНа Владимир Крылов, посмертно награжденный боевым орденом, и Василий Чудновский. Пали в боях Виктор Горюнов, Константин Милеев, на посту у Мавзолея осколком бомбы был сражен Василий Гасаненко...

В августе 1945 года в Ленинграде собрались ветераны отечественной тяжелой атлетики. Отмечая 60-летие со дня основания В. Ф. Краевским «Кружка любителей атлетики», участники юбилейного торжества приветствовали легендарных богатырей Ивана Поддубного, Ивана Лебедева, Ивана Заикина, а также таких прославленных чемпионов, как Ян Спарре, Александр Бухаров, Петр Хрястов, Клементий Буль. Минутой молчания почтили память атлетов, отдавших жизнь за Родину. Велики были потери: из 25 тысяч штангистов довоенных лет в строю богатырей осталось лишь 8 тысяч.

Глава вторая

ТАК «ПРОРУБАЛИ ОКНО» В МИР

После войны советская тяжелая атлетика поднималась, как поднимаются города из руин и пепла...

Как тяжело давалась каждая победа! Сейчас к прежним рекордам прибавлены пуды, но не так-то легко прибавить что-нибудь к силе духа, стойкости и доблести силачей первых послевоенных лет.

Аркадий Воробьев,
двукратный олимпийский чемпион,
доктор медицинских наук, профессор

Законодателями мод в тяжелоатлетическом спорте всегда были европейцы. Особая заслуга принадлежит французам. Именно силачи Франции доминировали на всех предвоенных Олимпийских играх начиная с 1920 года. Всемирную известность приобрел Шарль Ригуло, чемпион Парижской олимпиады 1924 года. Всего же на пяти предвоенных Играх французы завоевали девять титулов олимпийских чемпионов. Преуспевали также итальянцы (четыре чемпиона), австрийцы, немцы, египтяне. Из атлетов Египта выделялся Кадр Эль Туни, победитель Берлинской олимпиады 1936 года.

Навечно вписал свое имя в историю олимпийских турниров замечательный эстонский силач Арнольд Нейланд, чемпион VII Игр в Антверпене 1920 года. Популярны были также атлеты Чехословакии, Бельгии, Швеции.

На Американском континенте повышенный интерес к тяжелоатлетическому спорту связан с именем чемпиона США по... академической гребле Боба Гоффмана. Этот предприимчивый спортсмен удачно воспользовался своей чемпионской популярностью в годы кризиса, потрясавшего весь капиталистический мир. В 1933 году он за бесценок приобрел два журнала «Стрэнгс» и «Хэлс» и стал ежемесячно издавать свой богато иллюстрированный журнал «Стрэнгс энд Хэлс» («Сила и здоровье»).

Переквалифицировавшись в «отца тяжелой атлетики», Боб Гоффман создал в Иорке, первой столице США, тяжелоатлетический клуб.

— Я всегда мечтал иметь свое дело,—признался миллионер во время нашей беседы в Москве лет двадцать назад.—Начал с журнала, а теперь у меня пять фирм. Я изготавливаю спортивный инвентарь и строю жилые дома, мои

предприятия выпускают протеины и витамины, фюзеляжи для самолетов...

Фирмам Гоффмана была нужна надежная и дешевая реклама. И такой рекламой стали лучшие американские штангисты. Уже на Олимпийских играх 1936 года успеха добился Тони Терлаццо, выиграв золотую медаль в категории до 60 килограммов. Этот первый олимпийский чемпион США в троеборье побеждал на чемпионатах мира 1937 и 1938 годов. Теперь он уже был не одинок. Из питомцев Гоффмана золотыми медалистами мировых первенств стали Джон Терпак и Джон Дэвис.

После второй мировой войны, принесшей чудовищные страдания и бедствия народам, особенно европейского континента, в спорте на передовые позиции вышли американцы. К 1946 году преуспевающий Боб Гоффман «сколотил» такую мощную тяжелоатлетическую команду, какой не знал мир атлетов. Еще в силе были те штангисты, которые победно выступали в довоенные годы, к тому же в Йорк, что расположен на юге штата Пенсильвания, стекались молодые способные спортсмены со всей Америки. Наиболее одаренные становились «представителями» фирм Гоффмана. Разумеется, их обязанность сводилась к одному — «качать» силу и побеждать на мировой арене. И они побеждали, чем прославляли своего мецената и продукцию его фирм...

Победная поступь атлетов США началась на Парижском чемпионате мира 1946 года: они завоевали два чемпионских титула и первый командный приз. Через год в Филадельфии американцы были полными хозяевами положения — выиграли все шесть золотых медалей чемпионов мира. Затем на Лондонской олимпиаде 1948 года «мальчики» Боба Гоффмана взяли восемь наград, из которых четыре золотые (олимпийскими чемпионами стали Джо Де-Пиетро, Франк Спеллман, Стенли Станчик и Джон Дэвис).

Но уже спортсмены другой страны с полным правом претендовали на мировое и олимпийское первенство в тяжелоатлетическом спорте — атлеты Советского Союза.

Серебряный дебют в Париже

Итак, 1946 год, Париж. Первый послевоенный чемпионат мира.

«...То было время, когда спортсмены нашей страны не были членами ни одной спортивной международной феде-

рации, — вспоминает наш первый чемпион мира Григорий Ирмович Новак. — Мы прилетели в день открытия чемпионата (конечно, не по нашей вине — визы задерживались). Прилетели и не знали: будем участниками чемпионата или только зрителями. В этот день проходило заседание конгресса Международной федерации тяжелой атлетики, на котором должен был решиться вопрос о приеме нас в члены этой организации.

В три часа дня наши представители уехали на заседание конгресса, а мы сидим в гостинице, ждем... Ждем час, другой, третий... Наконец, нам позвонили и радостно сказали: «Танцуйте! Мы приняты!!»

И мы, честное слово, плясали...

А в семь вечера наша «дружина» выстроилась на сцене дворца «Шайо» — десять участников чемпионата мира, представителей Советского Союза.

Хотя наша сборная была укомплектована атлетами, прошедшими через войну (большинство вернулось в строй богатырей после тяжелых ранений), ветераны штанги, имена которых гремели в довоенные годы, не подвели. Особенно впечатляющим было выступление знаменитого киевлянина Якова Куценко. Соревнуясь в тяжелом весе, Яков намного опередил всех, кроме негра Джона Дэвиса. Серебряная награда была и у легковеса из Тбилиси Владимира Светилко. Закрепляли наш успех бронзовые медали, завоеванные Георгием Поповым и Моисеем Касьяником.

Должен заметить, что по очкам мы тогда проиграли сборной США, но это нас ничуть не огорчило. Наш дебют удался. К тому же по сумме поднятых килограммов мы обошли американцев на четверть тонны!»

Серебряный дебют советских штангистов «позолотил» Новак. У него было около двадцати соперников-атлетов весом не более 82,5 килограмма. Главных конкурентов француза Феррари и американца Кейя наш рекордсмен послал в глубокий «нокаут» в начале состязаний.

Хозяин помоста Феррари выжал 115-килограммовую штангу. Кей остановился на 120. Новак же вступил в борьбу с мирового рекорда, принадлежавшего Дэвису, — со 125 килограммов. «Меня вызвали на сцену, — рассказывает Новак, — и когда я подошел к штанге, в зале раздался смехок, неприятный, холодящий душу. В чем причина? Что во мне смешного?... Только назавтра, познакомившись с французской прессой, я все понял. Чего только о нас, советских, тогда не писали?! «В Париж приехала загадочная команда из России. В составе команды грузчики и бурлаки, умеющие поднимать мешки и

перетаскивать пианино... И вообще «советский килограмм—семьсот французских граммов». На каждого из нас были шаржи. На меня такой—кружочек, в середине точка, маленькие ручки, кривые ножки и что-то похожее на голову. И подпись: «Новак выкатился на сцену, как шарик, выстрелил 125 килограммов и укатился».

Я не помню, чтобы я «катился». Но штангу, помню, выжал легко. И чтобы успокоить зрительный зал, сделать его доброжелательнее ко мне, сразу же заказал 140. (Сейчас эти килограммы не звучат, а тогда звучали еще как!) Когда вышел на арену, то даже испугался: неужели публика ушла?—такая была тишина...

Выжав 140, я обыграл ближайшего соперника на 20 килограммов. Товарные весы, на которые меня поставили в чем мать родила, показали, что вешу 82,600, то есть на 100 граммов выше нормы. Рекорд мне не зачислили, а жаль. Как потом выяснилось, весы «ошибались» не в пользу атлетов почти на полтора килограмма. Когда объявили, что рекорд не засчитан, в зале поднялся такой шум, что соревнования продолжать было невозможно. Публика требовала заменить судей, и в новую судейскую «тройку» вошел наш Александр Васильевич Бухаров».

Состязания возобновились, и в рывке Новак поднял 130 килограммов. На этот раз собственный вес атлета оказался в норме, и был зафиксирован новый рекорд мира—первый официальный мировой рекорд в истории советской тяжелой атлетики! Рекордным получилось достижение Григория и в троеборье—425 килограммов. Серебряный призер чемпионата Феррари проиграл Новаку 30 килограммов.

«Самое приятное для спортсмена—убедительная победа. Я не сентиментальный человек, но сейчас, часто наблюдая, как наши спортсмены приглашаются на мировой пьедестал, как под звуки Гимна СССР поднимается алое знамя Советского Союза, у меня появляются слезы на глазах. А тогда, в Париже, я, признаюсь, плакал. Плакал от счастья, радости. Ведь это была наша первая золотая медаль чемпиона мира!»

Сразу после чемпионата на зимнем велодроме в Париже, вмещающем около 20 тысяч зрителей, состоялся «вечер рекордов». В нем участвовали атлеты США, Египта, Франции и Советского Союза. На этот раз Григорий Новак установил мировое достижение в жиме. Ереванский штангист тяжелого веса Серго Амбарцумян превысил рекорд мира в рывке левой рукой (тогда фиксировались достижения и в упражнениях на одну

руку). Яков Куценко под занавес «вечера» толкнул 171 килограмм.

«Вот так тремя рекордами мира и завершился наш визит в Париж!—с гордостью вспоминает наш первый чемпион.—Так мы открыли советскому спорту «окно» в мир! Уезжая, мы прочли в одной из газет: «Русский килограмм весит ровно тысячу французских граммов».

Хороший был сделан почин! Однако руководители советской тяжелой атлетики понимали, что силами лишь ветеранов сборную США, крепнущую год от года, нам не одолеть. По всей стране начался поиск молодых талантов. Повсюду проводились массовые конкурсы силачей, без состязаний или показательных выступлений штангистов не обходилось ни одного праздничного события. Где только не демонстрировали силу и ловкость атлеты-ветераны, агитируя за свой любимый вид спорта: во дворцах культуры и красных уголках, в цехах и на полевых станах, в садах и парках отдыха. Даже на площади Свердлова в Москве спортсмены поднимали тяжести—штангу и гири. Тысячи, десятки тысяч молодых людей приобщились к тяжелой атлетике, и кумиром многих был Новак.

Мы все хотели быть Новаками

«Подъемный кран», «фабрика рекордов», «советский Геркулес»—как только не называла пресса Григория Новака в годы его триумфа! Не проходило месяца, чтобы он не порадовал любителей тяжелой атлетики новым мировым достижением. Велико и неотразимо было обаяние этого великого спортсмена. Мы все хотели быть, хотя бы чуточку, похожими на него—чемпиона и рекордсмена мира. Вот признание Аркадия Воробьева, заслуженного мастера спорта:

«Первый советский чемпион мира Новак стал знаменем нашего спорта. Тысячи новобранцев пришли в тяжелую атлетику только потому, что в ней был их кумир—Новак. Команда равнялась по нему. Сам я, почувствовав силу, как о большой удаче мечтал о возможности выступать с ним на одном помосте. Мечтал, замирая от собственной дерзости, побить хоть один его рекорд».

О том, как Григорий Новак нашел свое спортивное призвание, лучше всех рассказывает он сам:

«Что было для меня раньше: цирк или спорт, трудно сказать. Не было бы цирка, не было бы спорта. И наоборот.

Но все же с цирком я познакомился очень рано. Мне было одиннадцать лет, когда я увидел людей, которые так здорово порхают в воздухе, собачек, которые крутят сальто-мортале, лошадей, которые вальсируют и даже смеются, людей, которые поднимают невероятные тяжести. И мне казалось, что это недостижимо для простых смертных. Во всяком случае — для меня.

Мне захотелось стать таким же сильным, смелым, ловким, и я «заболел» цирком и, как видите, навсегда.

Очень скоро стал выступать как акробат — верхний стоячник. Выступал на эстраде, в цирке, в кружках самодеятельности. А когда моя семья переехала в Киев из небольшого городка Чернобыль, что в Киевской области, где мы жили, я стал интересоваться многими видами спорта и, как все мальчишки, хотел объять необъятное. Искал себя.

А остановился на штанге. Вначале киевские газеты писали, что появился в городе Гриша Новак, акробат, подающий надежды молодой штангист. А через два — два с половиной года — рекордсмен и чемпион Украины Гриша Новак. А еще через год — рекордсмен Советского Союза и мира, мастер спорта Григорий Новак.

А потом — война: лейтенант Новак.

А вскоре после войны — заслуженный мастер спорта, чемпион мира. Последние четверть века — я в цирке. Уже — Григорий Ирмович Новак.

Недавно шел на работу по Цветному бульвару. Слышу, кто-то крикнул: «Гриша!» Я обернулся: не меня... Мать звала сынишку. А жаль. А что, если бы все — сначала. Опять было бы то же самое: штанги, гири, «железо» — много-много «железа»! Я как-то подсчитал, что за свою жизнь поднял восемьдесят миллионов килограммов. Это восемьдесят железнодорожных составов!

Какие же из этих килограммов для меня самые памятные, самые тяжелые? Трудно сказать — ведь легких килограммов и не бывает...»

К этому я должен добавить, что восхождение Новака как атлета было стремительным. Благодаря отличной акробатической подготовке он, попав к тренеру Александру Конкину, за три года занятий штангой стал таким сильным, что в девятнадцатилетнем возрасте был грозой для именитых штангистов довоенного периода. В 1939 году двадцатилетний киевлянин устанавливает свой первый всесоюзный рекорд в жиме, превышающий мировой, — 119,5 килограмма. Через год Новак становится чемпионом Советского Союза в категории до 75 килограммов. В дальнейшем он еще семь раз завоевывал титул чемпиона

страны, на его счету 111 всесоюзных рекордов, из которых около 70 выше мировых. Кстати, по числу установленных рекордов Новак до сих пор никем не превзойден, даже Василием Алексеевым.

Каждый рекорд — веха. Каждый одинаково дорог атлету, но Григорий Ирмович с гордостью вспоминает о рекорде 1942 года.

«Меня, — рассказывает шестидесятилетний ветеран, — вызвал член Военного совета Сибирского военного округа и спросил:

— Лейтенант Новак! Помнится, вы должны были 22 июня сорок первого года выступить в Киеве на открытии нового стадиона.

— Так точно!

— И не просто выступить, — продолжал член Военного совета, — а выступить на побитие всесоюзных и мировых рекордов. Не так ли?

— Так точно!

— А не смогли бы вы сейчас здесь, в Новосибирске, показать эти результаты!

— Разрешите обратиться: кому нужны сейчас рекорды? Война идет...

— О нет, товарищ лейтенант, вы многого не понимаете. Именно сейчас, здесь рекорды очень нужны. Ведь пропаганда Гитлера и Геббельса нас уже похоронила, а мы живем и будем жить. А если у нас еще есть «порох» тренироваться и устанавливать спортивные рекорды, то такой народ победить невозможно. Ясна задача?

— Так точно!

— Выполняйте!

— Есть!..»

Через две недели лейтенант Григорий Новак доложил о выполнении задания: в канун Первой — 30 апреля 1942 года атлет выжал штангу весом в 128,7 килограмма, превысив на 11 килограммов мировой рекорд немецкого силача Дейча.

«За свою спортивную жизнь я установил свыше ста рекордов, — вспоминает Григорий Ирмович. — Но самый дорогой — сибирский! Тогда я впервые понял, что стоит за рекордом!..»

Выполнив спортивное задание, Новак вернулся к своим обязанностям начальника физической подготовки и добросовестно нес службу, по возможности сочетая ее с тяжелоатлетическими тренировками. Это и помогло ему прийти к первому послевоенному чемпионату мира в боевой готовности.

Благодаря успеху на Парижском чемпионате мира

Григорий Новак стал самым популярным спортсменом у нас в стране и за рубежом. Но большая слава—это нелегкое бремя. Наш первый мировой чемпион чувствовал себя обязанным постоянно находиться в форме и подтверждать свою высокую репутацию феномена силача весовыми килограммами—новыми и новыми рекордами. И Новак не скупился на мировые достижения. Казалось, нет предела физическим возможностям этого рекордсмена. Каждый старт он отмечал рекордами мира, даже на показательных выступлениях. Вот как Новак побогатырски отметил День физкультурника летом 1947 года.

«Не знаю,—задумчиво говорит Григорий Ирмович,— может, я постарел. Но мне кажется, что спортивная жизнь раньше была интереснее, красивее. Вспоминаю, как все союзные республики готовили к Дню физкультурника спортивно-театральные представления. Каждой республике давалось от 7 до 15 минут, в зависимости от количества выступавших. Я же один в сорок седьмом году получил 6 минут для того, чтобы показать свои наивысшие достижения. Это большая честь и большая ответственность.

На трибунах стадиона «Динамо» (Лужников тогда не было) шестьдесят тысяч зрителей. В центральной ложе—руководители партии и правительства... После выступления делегации Украины на зеленом поле стадиона остался я, судьи, помост и штанга. Вел спортивный праздник известный спортивный комментатор Всесоюзного радио Вадим Синявский.

Первый подход—разминочный. Легко поднял штангу и сразу попросил установить рекордный вес. Когда я подошел к штанге и только нагнулся, чтобы взяться за гриф, Синявский, опережая события, объявил в эфир и зрителям, что рекорд уже установлен. А я еще к штанге не притронулся. А на «Динамо» все близко, все видно... Самое страшное слово для штангиста—«попытка». И я это слово услышал. Я стоял посреди стадиона как в воду опущенный. Ко мне подошел мой тренер: «В чем дело, Гриша? Вспомни, где ты находишься!!!»

У меня оставалось еще две минуты и одна попытка. «Во что бы то ни стало нужно поднять штангу!»—приказываю себе.

Я стал бегать, кувиркаться, прыгать, ни на кого не обращая внимания. И когда Синявский предложил мне третий подход, он сказал примерно следующее: «Итак, последняя попытка Новака. Я надеюсь, что он меня не подведет».

«Я его не подведу...» И я действительно не подвел. Когда зафиксировал рекордный вес на прямых руках, судье-фиксатору пришлось трижды сказать: «Опустить!»—пока я выполнил его команду. Зрители бурно аплодировали...»

Можно бесконечно вспоминать о памятных событиях в жизни Новака-спортсмена. К примеру, о том, как он опять-таки с мировым рекордом победил на чемпионате Европы 1947 года в Хельсинки, где чемпионских званий удостоились также ереванец Иван Аздаров, москвичи Лев Механик и Николай Шатов, киевлянин Яков Куценко.

Последний раз честь сборной СССР Новак достойно поддержал на XV Олимпийских играх в Хельсинки. Ему шел уже тридцать четвертый год, его одолевали травмы, однако он сумел выиграть серебряную медаль и принести команде очень драгоценные очки.

...Всему, к сожалению, бывает начало и конец. Каким бы железномускульным ни был атлет, рано или поздно он вынужден уступить дорогу молодой смене. Вскоре после Олимпиады Новак ушел с соревновательного помоста. Перед ним не было дилеммы: кем быть дальше? Он вернулся к своему юношескому увлечению—к цирку.

Примечательно, что заслуженный артист РСФСР Григорий Ирмович Новак и на цирковой арене—страстный пропагандист спорта, тяжелой атлетики. Выступая с сыновьями Аркадием и Романом, он, несмотря на шестидесятилетний возраст, по-прежнему славил силу, молодость, красоту. Щедрый на добрые дела, Григорий Ирмович, охотно встречается с молодыми штангистами. Рассказывает им о цирке, о спорте, о славных богатырских традициях нашего народа.

Первые покорители Олимпа

Весной, в олимпийском году—1952-м, Куценко, соревнуясь в Иванове, вновь победил молодого Алексея Медведева, чем как бы доказал свое право на участие в большой «железной игре». Однако ветеран добровольно отказался от места в составе олимпийской сборной. Вместе с двумя Николаями Ивановичами—Лучкиным и Шатовым—Куценко готовил наших лучших атлетов к первому восхождению на Олимп.

Заключительный этап подготовки проходил в Выборге, откуда до Хельсинки было рукой подать. За плечами тех, кто претендовал на место в олимпийской команде, стояли суровые испытания военных лет. Кое-кому из них не

хватало знаний, культуры, война помешала получить образование. Однако чего у всех было в избытке — так это желания и умения преодолевать любые трудности: работать — кровь из носа, учиться — до рези в глазах, до звона в ушах, поднимать штангу — пока из зала не выставят. То были настоящие бойцы.

В решении вопроса: кому выступать в Хельсинки участвовали, кроме тренеров, такие уважаемые специалисты, как Александр Васильевич Бухаров, Ян Юрьевич Спарре и Константин Васильевич Назаров, последний, кстати, на тяжелоатлетическом конгрессе в Хельсинки был избран вице-президентом Международной федерации. Нужна была командная победа над сборной США — одна на всех. Поэтому отобрали атлетов, способных принести как можно больше зачетных очков. Зная, сколь сильны американцы в полусреднем и тяжелом весах, решили за медали с ними в этих весовых категориях не спорить, а выставить по два участника там, где наши позиции надежнее. Тренерский совет постановил, что в легчайшем весе выступит ростовчанин Иван Удодов, в полулегком — тбилисец Рафаэл Чимишкян и свердловчанин Николай Саксонов, в легком — москвич Евгений Лопатин, в среднем — свердловчанин Аркадий Воробьев и москвич Трофим Ломакин, в полутяжелом — Григорий Новак.

Итак, Хельсинки, 1952 год. Олимпийский стадион. Торжественное событие — открытие Игр — проходило под сплошным ливневым дождем. Но это не испортило настроя. Штангисты были особенно горды тем, что впереди колонны советских олимпийцев шел со знаменем их тренер — Яков Григорьевич Куценко. Бурными аплодисментами сопровождали зрители шествие посланцев Страны Советов по красочному стадиону.

«Мы понимали, какая на нас возложена ответственность», — вспоминает Аркадий Никитич Воробьев. — «Выступить только хорошо! К этому нас обязывал долг перед партией, народом, Родиной. Мы знали, что к нам, советским, впервые выступающим на олимпийской арене, будет приковано особое внимание».

И вот днем 25 июля настал час испытаний. На сцену «Месухали-2» вышли 19 самых низкорослых, самых легких штангистов из разных стран.

...Их долгое время не признавали за силачей — тех, кто весил не более 56 килограммов. Первым чемпионом мира и Олимпийских игр стал карлик из Голливуда Джо Де-Пиетро. На Олимпиаде в Лондоне «коротышка Джо» выжал 106,5 килограмма, чем затмил даже полулегковесов. Джо мечтал о славе, об аплодисментах, снимался во

многих фильмах, но знаменитым его сделал не кинематограф, а штанга.

Американские атлеты, а они были, напоминая, сильнейшими, носили своего черноглазого коротышку на руках...

Казалось, что легчайшая весовая категория создана для гегемонии таких, как Джо Де-Пиетро, — коротконогих, короткоруких. Однако на первенстве мира 1949 года карлик из Голливуда проиграл: чемпионом стал красавец иранец Махмуд Намдью. Это был атлет пропорционального сложения, с гармонично развитой мускулатурой, он побил мировой рекорд американца, набрав 312,5 килограмма. На чемпионате мира 1951 года в Милане темпераментный Намдью в третий раз поднялся на высшую ступень пьедестала почета и, вскинув руки, повернувшись к востоку, благодарил за это аллаха.

Ныне одна из улиц Тегерана носит имя «Великого пехлевана» (так называли богатырей в Иране) Махмуда Намдью. Ему-то и прочили олимпийские лавры в Хельсинки, но...

Остановил Намдью ростовчанин Иван Удодов, удалой, не знающий страха. Остановил в Хельсинки. Он приехал на Олимпиаду, как на битву, и, отвечая на вопрос: «Не подведешь, Ваня?» — по-ростовски нараспев поклялся: «Да я из них, Яков Григорьевич, душу выну...»

— Верю! Только следи за всеми, особенно за иранцем, — посоветовал тренер Яков Куценко.

Помощником у Намдью был его юный ученик и соперник Али Мирзаи. Вдвоем сподручнее справиться с одним, но русский оказался загадкой. У Ивана не было литых бицепсов, как у иранских атлетов. Да и откуда им быть, если молодые годы преподавателя физкультуры Удодова прошли в немецких концлагерях. Чудом выжил Иван, доведенный до крайнего истощения: человек-скелет, когда его освободили, весил лишь 28 килограммов...

— Зубами я их, зубами... — куражился Иван, когда готовился толкать победные 127,5 килограмма.

И толкнул! Загнал Намдью на 132,5 килограмма, что было намного выше рекорда мира. Иранец, стоя перед штангой, то сжимал кулаки, то молитвенно складывал ладони, но ни злость, ни аллах не помогли... Победил советский атлет (через год в Стокгольме Удодов завоевал звание чемпиона мира). Закончив состязания с новым олимпийским рекордом в троеборье — 315 килограммов, отважный ростовчанин открыл «золотой счет» нашей команды штангистов.

В тот же день, вечером, олимпийские награды оспари-

вали атлеты полулёгкого веса—до 60 килограммов. От Советского Союза выступали серебряный призер Парижского чемпионата мира тбилисец Рафаэл Чимишкян и свердловчанин Николай Саксонов, дебютант международных состязаний. Их превосходство над двадцатью соперниками из других стран было неоспоримым.

Толчок наши стали выполнять тогда, когда остались вдвоем. Молодой Чимишкян сумел поднять 135-килограммовый снаряд и завершил борьбу с новым олимпийским и мировым рекордом в троеборье—337,5 килограмма!

У Саксонова был шанс отыгаться, поскольку у него оставалось два неизрасходованных «патрона». И он как старый вояка, чтобы превзойти достижение своего соотечественника, решил атаковать 140-килограммовую штангу—на два килограмма тяжелее рекордной. И дважды Николай держал над головой этот снаряд, но... остался на втором месте. Не удалось ему укротить бунтующую штангу. Вырывалась она из его израненных рук...

Подвиг разведчика

...Мы, атлеты сборной страны, не знали, сколько ему лет. Казалось, около сорока, хотя Николаю Саксонову в те годы не было и тридцати. Бритоголовый, с круглыми, как шары, бицепсами, он весил немного, был атлетом полулёгкого веса, но характер у Николая—сверхтяжелый. Свердловчанин не признавал правил «хорошего тона». Его бестактность нас часто обескураживала.

Стоило кому-нибудь высказать похвалу в адрес начальства, как Саксонов отрезал: «Это подхалимство!» Если кто-то хотя бы чуть что присочинял, то Николай тут же обрывал: «Врешь!» Словом, неуживчивым был Саксонов, непокладистым.

Нам было известно, что он воевал. Об этом свидетельствовали его боевые шрамы на руках и ногах. Но как и где воевал—никто его не спрашивал.

Оказывается, за годы войны Саксонов получил четыре ранения. Он четырежды лежал в госпиталях и неизменно возвращался в свое разведподразделение. И дрался Николай с фашистами до последнего дня, до победы, причем только на передовой...

Его призвали в сорок первом осенью, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет, и направили в пехотное училище. Однако науку воевать Саксонову пришлось

осваивать на фронте, потому что враг стоял под стенами Москвы. Молодой воин попал в конную разведку. Но первое ранение он получил в пешем строю.

Вот что рассказал мне об этом Николай Николаевич:

— Это было мое боевое крещение. Отобрали троих, наделили сухарями, салом, и под покровом ночи мы поползли в тыл к немцам. Я был в дозоре, когда увидел заматававшихся фашистов, по-видимому, кого-то из нас обнаружили и забили тревогу. Решил опередить их—вскинул автомат, дал очередь. То ли убил кого, то ли ранил, но после этого с их стороны был лишь один выстрел—в меня. Разрывная пуля попала в правую руку. Хорошо, что навывлет... в госпитале провалялся недолго.

Потом молодой разведчик уходил в тыл врага чуть ли не каждую ночь.

— Из некоторых операций, в которых я участвовал, нас возвращалось меньше половины. Вскоре меня снова ранили—прострелили, опять-таки разрывной, левое предплечье. Как бы для симметрии,—невесело шутит Николай Николаевич.—Затем попали в ногу. Вот сюда,—показывает Саксонов голень.—А однажды подорвался на противопехотной мины нашего производства. Сознание только на миг потерял, приполз к своим. Что такое, думаю, винтовка больно коротенькая. Смотрю, мать честная!—приклада нет—один ствол. Как я на ту мину не наполз грудью?! Костей бы не собрали...

Сколько лет я знаком с Саксоновым и не знал, что он кавалер многих боевых медалей и орденов.

Николай Николаевич маленькими глотками пьет черный кофе и продолжает свой неторопливый спокойный рассказ.

— Ничего особо героического не было. Воевал, как все. Помню, летом 1943 года решили провести разведку с боем и захватить «языка». Подползли к нейтральной полосе. Минеры и саперы, пока говорила наша артиллерия, расчистили путь. После артналета мы бросились вперед, уничтожая противотанковыми гранатами мало заметные препятствия.

Ворвались в траншею, кто—налево, кто—направо. Я метнулся налево... Обрато возвращался с немцем на спине, тащил его один—видно, уже тогда силенка была.

Одного человека все же потеряли, хорошего парня-казаха: не успел прыгнуть в траншею—со второй линии резанули...

За участие в этой операции меня орденом Красной Звезды наградили, за «языка». Видно, «полезного» немца приволокло...

— Как же после всего этого атлетом стал?

— Молодой был — двадцать четвертый год шел, когда демобилизовался. Приехал в свой Свердловск, устроился на завод слесарем и поступил в техникум физкультуры на второй курс. Как-то в феврале сорок шестого разговорился с Борисом Назаровым, штангистом «Локомотива».

— Тебе бы, — говорит, — штангой заняться. Приходи к нам, к «дяде Ване» Лебедеву.

Я пришел. Увидел знаменитого в прошлом атлета. Был «дядя Ваня» уже дряхлым стариком. Грудь огромная, как колокол, живота не было. Он остался страстным популяризатором спорта сильных.

После тренировок он вел нас к себе, в шестиметровую комнатушку, где на электроплитке кипел большой чайник. Мы вынимали по луковице и куску черного хлеба. Этот, казалось бы, пустяковый ритуал, придуманный «дядей Ваней» для подкрепления наших истощенных сил, был своего рода священнодействием. Мы молча выпивали по кружке кипятку, съедали с солью луковицу и хлеб и расходились по домам. А через день снова спешили к «дяде Ване». Тренироваться, пить чай...

После двух лет тренировок Николай Саксонов выиграл звание чемпиона РСФСР и попал в сборную страны. В феврале 1949 года он поднимает в рывке 105,5 килограмма и вычеркивает из списка рекордсменов мира египтянина Файяда. Но этот успех остался почти незамеченным. И вот почему: всесоюзный рекорд был на три килограмма тяжелее и принадлежал знаменитому киевскому спартаковцу Георгию Попову, одиннадцатикратному чемпиону СССР. Довоенный «король» среди полутяжеловесов немец Либш выиграл титул сильнейшего в мире с результатом 305 килограммов, а наш Попов уже набирал в троеборье 332,5 килограмма!

За свою пятнадцатилетнюю спортивную карьеру Георгий Попов установил 89 всесоюзных рекордов, из них 38 превышали мировые достижения. Вот на какого атлета держал равнение бывший фронтовик, студент Свердловского медицинского института Николай Саксонов.

Почти все современные силы выполняют рывок и толчок способом «разножка», то есть подсаживаются под штангу, «разбрасывая» ступни в стороны. А в послевоенные годы так «работал», причем очень искусно, едва ли не один Попов. У него-то и перенял «разножку» Саксонов. Потом Николай добрался и до всесоюзного рекорда маститого ветерана нашей штанги.

В Хельсинки же, на Олимпийских играх, главным соперником Саксонова был шофер из Тбилиси, совсем

еще юный Рафаэл Чимишкян. Они оба метили в чемпионы, но спортивное счастье сопутствовало южанину, Николай очень досадовал на себя, что не смог удержать над головой 140-килограммовую штангу и оказался на второй ступени пьедестала. Однако Саксонов не сдался. Через год, выступая на Стокгольмском чемпионате мира, они поменялись местами. Золотые награды европейского и мирового достоинства завоевал Саксонов, а серебряные — Чимишкян.

Свой последний — десятый — рекорд мира Николай установил в тридцатипятилетнем возрасте зимой 1958 года, когда его уже и за конкурента не признавали. Толкнув в легком весе 154,5 килограмма, Саксонов побил рекорд египтянина Чамса, установленный еще в 1938 году.

Спорт спортом: штангу Николай Николаевич Саксонов поднимает и сегодня, хотя ему уже за 55 лет. Важно другое. Разведчик стал врачом, педагогом, кандидатом медицинских наук. Вся его жизнь — пример для молодых.

Победный финиш

После Чимишкяна и Саксонова на другой день выступал московский динамовец Евгений Лопатин. В газетных отчетах с Олимпийских игр о нем говорилось скупое: «В легком весе серебряным призером стал советский атлет Е. Лопатин».

Да, в то время всеобщее восхищение вызвал другой силач — молодой американец Томми Коно. Он сумел выиграть у нашего атлета 12,5 килограмма. Однако никакие килограммы не способны перетянуть чашу весов, на которой взвешивалось бы мужество Евгения Ивановича Лопатина, защитника Сталинграда.

...Трое суток бойцы лейтенанта Лопатина сдерживали атаки вражеских танков. Его батальон, выдвинувшись в степь под Ерозовкой, только за день уничтожил семь рвавшихся к Волге грозных машин. Лопатинцы подвергались атакам и с воздуха — их бомбили, обстреливали. Командир вел огонь по штурмовику, когда шальная пуля перебила ему кисть левой руки...

Потом был госпиталь в родном Саратове, где до войны молодой Лопатин работал преподавателем в школе. Врачи спасли ему кисть, но пальцы, скрюченные пальцы руки не слушались.

— Отвоевался, молодой человек, — сказал пожилой врач, осматривая изуродованную ладонь бывшего атлета,

не веря, что Лопатин сумеет «оживить» пальцы — избавиться от контрактуры.

Евгений любил рисовать, увлекался фотосъемками, но не мог жить без тяжелой атлетики. И, чтобы вернуться в строй силачей, он по собственной методе несколько лет приводил «в чувство» пальцы левой руки: упражнял их резиновым мячом, кистеукрепителем собственного производства и, наконец, взялся за гири и штангу.

Это было чудом из чудес — Лопатин не только вернулся к атлетам, но как сильнейший легковес страны вошел в олимпийскую сборную.

Шансов на успех Лопатин почти не имел. Ему шел 35-й год, соперники были намного моложе, здоровее физически. Пальцы Евгения хотя и удерживали штангу, но — увы! — ненадежно.

А тут еще новая американская «звезда», японец по происхождению — Томми Коно с Гавайских островов. Сильный, ловкий и гибкий.

После жима Лопатин оказался шестым — ему покорились лишь 100-килограммовая штанга. Коно поднял 105, после чего ушел далеко вперед, вырвав 117,5 килограмма. Наш атлет взметнул 107,5 и переместился на четвертое место. О «золоте» он и не мечтал, но в тройку призеров обязан был вклиниться. Иначе стыд и позор: зачем, спросят, согласился ехать в Хельсинки?

Коно, затем австралиец Барберис и Ким из Южной Кореи толкнули по 140 килограммов. Американец победил с олимпийским рекордом в сумме — 362,5!

Лопатину 140-килограммовый результат ничего не давал. Ему нужно было толкнуть 142,5. И бывший инвалид, собрав всю волю, поднял самую тяжелую штангу легковесов. Это и принесло ему и нашей сборной драгоценную серебряную медаль.

Судьба командной битвы между сборными СССР и США была предрешена в нашу пользу исходом состязаний в среднем весе, где до этого хозяйничал американец Стенли Станчик. На этот раз он проиграл москвичу Трофиму Ломакину. Причем Стенли оказался бы и третьим, но другому нашему средневесу свердловчанину Аркадию Воробьеву судьи «подставили ножку» — не зачли поднятые им 170 килограммов.

В жюри тогда главенствовали американцы Уортман и Гоффман, которые оказывали давление на судей. В знак протеста англичанин Киркли и финн Вейхконен покинули судейские места.

«Легко беру 170 килограммов на грудь и толкаю вверх, — вспоминает Воробьев о том, как его лишили

золотой медали. — Держу штангу на прямых руках. Держу две секунды, как положено по правилам, но нет команды — опустить! Стою, смотрю на судью-фиксатора — чего он ждет? Тяжесть «ожила», я бросаю штангу... Смотрю на табло — два арбитра из трех не засчитывают поднятый вес.

В зале крики возмущения, свист. Подаем протест. Его разбирают минут тридцать... не в мою пользу. Француз Жан Дам так возмущен, что отказывается судить... Я проиграл, но меня обнимают, целуют. Наш руководитель председатель Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту Николай Николаевич Романов, оказывает, все видел и понимает, что творится в моей душе. «Спасибо, Аркадий. Ты сделал все!» — говорит он, обнимая меня, и его глаза становятся влажными».

К «золоту» и «бронзе» наших средневесов серебряную награду добавил Григорий Новак. В интересах команды он выступал в чужом для себя весе — полутяжелом и пропустил вперед только Норберта Шеманского, чемпиона мира 1951 года. И хотя в тяжелой категории доминировали тоже американские силачи, в неофициальном первенстве сборная США впервые проиграла советской команде два очка.

Все семь наших атлетов — с медалями, у американцев — шесть медалистов. Правда, у нас три чемпиона — Удодов, Чимишкян, Ломакин, а у них — четыре — Коно, Джордж, Шеманский, Дэвис.

ЧЕМПИОНЫ САМИ НЕ УХОДЯТ

Жажда славы—последняя, от которой отрешаются мудрецы

Публий Корнелий Тацит

На покой большие чемпионы обычно сами не уходят. Всех их к этому рано или поздно принуждают или соперники, или чрезвычайные обстоятельства.

Гаргантюа из штата Теннесси

У меня с 1953 года хранятся вырезки из стокгольмских газет, которые я привез с чемпионата мира. Крупноформатные фотоснимки красноречивее любого репортажа напоминают о той драме, которая разыгралась на помосте в последний день турнира. На одном из них—победитель в тяжелом весе канадец Даг Хепбурн: красивая голова гордо приподнята, левая рука опирается на ремень, правая—согнута в локте, напряжена для показа мощи бицепса нового, самого сильного атлета планеты. А рядом—другой снимок—поверженный Джон Дэвис, знаменитый «черный Аполлон», победитель шести чемпионатов мира и двух Олимпиад. Гигант, как дитя, стоит на четвереньках и печально смотрит на непокоренную штангу, ту штангу, которая своей тяжестью сломала Дэвиса, поставила его на колени. В той же газете был еще один выразительный снимок: могучий атлет скорбно обхватил руками курчавую голову—это был Джим Бредфорд, которому тоже не покорилась победная штанга.

Когда сборная США прибыла на чемпионат мира 1953 года в Стокгольм, тренер команды Боб Гоффман в интервью корреспондентам заявил: «Мы бы не приехали в Стокгольм, если бы не рассчитывали на реванш за проигрыш в Хельсинки». Но реванш не состоялся. Наша богатырская дружина впервые, теперь уже официально, завоевала командный титул чемпиона мира. В эту историческую для советского спорта победу внесли вклад Иван Удодов, Николай Саксонов, Аркадий Воробьев—обладатели золотых наград, Рафаэл Чимишкян, Дмитрий Иванов, Трофим Ломакин—серебряные призеры и Юрий Дуганов—бронзовый призер. Правда, нашей сборной неплохо помог Даг Хепбурн. «Хромой канадец», о существо-

вании которого никто из знатоков тяжелоатлетического спорта даже не подозревал, «нокаутировал» обоих американских гуркулесов, что и отбросило сборную США на второе место.

Боб Гоффман был так разгневан, что оставил великого Дэвиса и его молодого друга и ученика Джима Бредфорда в Швеции без средств на пропитание и обратную дорогу. Команда улетела восвояси, а негритянские атлеты, отнюдь не из любви к эстраднему искусству, пели и плясали в кабаках Стокгольма, зарабатывая таким непривычным для них способом деньги на дорогу через океан.

Почему же «отец мировой тяжелой атлетики»—так афиширует себя Гоффман—поступил столь бездушно, особенно по отношению к Дэвису? Гнев его вызван был, конечно, тем, что команда США впервые за многие годы оказалась второй. Но самым огорчительным было, думается, другое: поражение Дэвиса, феноменального тяжело-веса, имя которого пятнадцать лет не сходило со страниц спортивной печати, наносило удар по золотому сейфу миллионера.

В то время в тяжелой атлетике штангисты подразделялись на семь весовых категорий (ныне их десять). Казалось бы, победа в каждом весе одинаково почетна—медали ничем не отличаются, и призы те же самые. И все же наибольшей славой всегда окружены победители состязаний в тяжелой весовой категории. Только их величают «сильными мира сего», потому что они поднимают, как правило, самую тяжелую штангу.

После Стокгольмского первенства мира Гоффман уже не мог написать в своем журнале «Стрэнгс энд Хэлс», что самый сильный человек живет в Соединенных Штатах Америки. А это неизбежно сказывалось на бизнесе миллионера, поскольку двигатель торговли—хорошая реклама.

Первое поражение Дэвиса было и последним. Знаменитый «черный Аполлон» находился в расцвете физических сил, мог бы еще соревноваться и соревноваться, если бы не был сломлен морально. Лишившись материальной поддержки Гоффмана, Дэвис стал тюремным надзирателем в цитадели американской тяжелой атлетики—в Йорке. А его место в команде занял американец польского происхождения олимпийский чемпион в полутяжелом весе Норберт Шеманский.

Этот очень упорный атлет пережил на большом помосте всех соперников, сражался до последнего «патрона», но победить сумел лишь однажды—на первенстве мира 1954 года в Вене.

Венский чемпионат впервые нам принес перевес над американцами и по числу завоеванных золотых медалей. Это нас радовало, но героем турнира оставался по-прежнему атлет США. Шеманский первый в мире поднял над головой 200-килограммовую штангу. Сделал он это с нарушением правил: сначала приподнял снаряд на бедра, с бедер — на ремень, а потом — на грудь... Был продемонстрирован так называемый «континентальный толчок», но факт остается фактом — атлет без посторонней помощи толкнул вверх два центнера.

Великолепно выступил на венском помосте Норберт Шеманский. Однако резонанс его успеха был небольшим. Видимо, только потому, что на тяжелоатлетическом горизонте появилась фигура Пауля Андерсона.

В Вене Шеманский узнал, что Андерсон на тренировках поднимает веса, о которых он — чемпион мира — и не мечтает. Гоффман всем показывал телеграмму с сенсационным сообщением об удивительной силе молодого «супермена» из штата Теннесси.

— Почему же вы не взяли его на чемпионат? — спрашивали все у миллионера.

— Пауль несколько месяцев назад попал в автокатастрофу, и я думал, что он надолго вышел из строя. К счастью, его лишь слегка помяло...

Десятипудового «крошку» Пауля Андерсона советские любители спорта увидели в июне 1955 года, когда штангисты США приезжали к нам для товарищеских состязаний. Наши атлеты тогда выиграли все матчи, но эти победы были чем-то вроде мыльных пузырей, их никто не воспринимал всерьез, они никого не волновали: в метро, учреждениях, магазинах — везде и всюду люди, порой очень далекие от спорта, говорили только об удивительном американце, который толще баобаба и поднимает более полутонны.

За Паулем ходили толпы народа. Было зябко, моросил назойливый дождь, а он, медленно переставляя бревноподобные ноги, прогуливался по Москве в одной темной сетчатой полурукавке: будто нарочно выставлял напоказ свои умопомрачительные шары-бицепсы. 22-летний Гаргантюа из Америки что-то насвистывал и через головы прохожих взирал на достопримечательности нашей столицы. Его полное женственное лицо иногда озарялось улыбкой доброго, спокойного, очень уверенного в себе человека.

Фурор произвел Андерсон и в Ленинграде. Хотя он изрядно утомился, штангу поднимал проворно и namного превысил официальные абсолютные рекорды мира.

В моду начали входить атлеты весом не менее 150 килограммов, способные за присест выпивать несколько литров молока, съесть по десять порций сосисок. Наши тренеры искали «суперменов» и не замечали того, что спустя четыре года бросит вызов рекордам Андерсона.

...Юрию Власову шел двадцатый год, когда он, сидя в семнадцатом ряду Зеленого театра Парка культуры и отдыха имени Горького, со смешанным чувством уважения и недоумения следил за выступлением Андерсона. В тот пасмурный июньский вечер он, штангист-разрядник, мечтал лишь о звании мастера спорта. Как могла прийти ему в голову мысль, что именно он, Власов, развенчает знаменитого американского «супермена»?! Даже чемпион страны Алексей Медведев проиграл Паулю около 70 килограммов.

На чемпионате мира 1955 года — он состоялся осенью в Мюнхене — Андерсон поднимал рекордные веса без усталости, видимого напряжения, и Гоффман не отходил от него ни на шаг. Самый сильный атлет закончил выступление с феноменальным (по тому времени) рекордом в троеборье — 512,5 килограмма.

Сборная дружина СССР вновь (в третий раз!) возвратилась с первым командным призом. Нам, разумеется, было чем гордиться. Но для полного удовлетворения явно недоставало эффектной концовки — золотой медали в тяжелой весовой категории. Медведев лишь был на подступах к 500-килограммовому барьеру, а Власов... Власова пока не знали.

Мельбурн-56: **«лебединая песня» силачей США**

Начиная с Хельсинки борьба за мировую «гегемонию» между штангистами СССР и США заслонила атлетов других стран, вывела их из большой игры. Никто, кроме нас и американцев, не протягивал руки к сейфу с золотыми медалями. Исключением был лишь успех канадца Хепбурна, который после победы исчез столь же загадочно, как и появился в Стокгольме.

В достижении успеха все большую роль стали играть не столько сила, сколько техническая и психологическая подготовленность атлетов. Именно на это и обращали внимание наши тренеры, когда кандидаты в олимпийскую сборную проводили тренировки в Ташкенте. (Этот город был выбран потому, что его осенний климат в какой-то мере соответствовал весеннему в Мельбурне.) Нас бы

тогда «попридержать», потому что каждая тренировка превращалась в неистовое состязание за путевку на Олимпиаду. Никто не хотел оставаться дома — все рвались в бой. И таял запас нервной энергии, такой необходимой в олимпийских сражениях, где любая мелочь может оказаться роковой.

Команда пополнилась новобранцами, но не все из них обладали хорошей техникой, особенно толчка. Это и склонило чашу весов в Мельбурне в пользу штангистов США.

Первым из наших на олимпийский помост, установленный в выставочном зале «Экзебишенхолл», должен был выйти чемпион мира Владимир Стогов. На взвешивании американец Чарльз Винчи его спросил:

— Сколько хочешь поднять?

— 335—340! — ответил Владимир.

Винчи от удивления приподнял смолистые брови и сказал:

— А я — 325—330.

«Хитрит, — подумал Стогов, — хочет сбить с толку»...

Так уже на весах началась борьба нервов. Впрочем, процедура взвешивания очень тяжко далась Винчи. Чтобы войти в границы весовой категории, ему пришлось лишиться курчавой смолистой шевелюры.

...Летом 1954 года сборная СССР готовилась к Венскому чемпионату мира на берегу Москвы-реки под Звенигородом. У входа в гараж (мы приспособили его для тренировок) всегда толпились любознательные. Некоторые пробовали поднимать штангу, но отходили от нее сконфуженные.

Однажды к 80-килограммовому снаряду подошел приземистый паренек, снял солдатскую гимнастерку и запросто выжал пятипудовую штангу.

— Быть тебе чемпионом, — сказал я солдату.

— Что вы, разве мне можно...

Мне понравился крепыш, как-то сразу в него поверил, но я не думал, что новичок раскроет свой талант так быстро. Уже в мае следующего года перворазрядник Владимир Стогов вышел на всесоюзный помост и неожиданно выиграл у всех мастеров. А осенью он произвел фурор на чемпионате мира в Мюнхене — побил в жиме мировой рекорд семилетней давности Джо Де-Пиетро и одержал победу над новым чемпионом Америки Чарльзом Винчи.

Это были соперники, достойные друг друга, не боящиеся трудностей, потому что у обоих детство было отнюдь не сахарным, трудовым.

Винчи — из бедной семьи. С девяти лет он, согнувшись в три погибели, чистил сапоги. Из-за малого роста Чарльз до поры до времени терпеливо сносил все оскорбления и унижения. Повзрослев, он узнал, что на свете есть спорт, который может сделать его достаточно сильным, чтобы «давать сдачи».

После трех лет тренировок с тяжестями кривоногий силач превратился в красивейшего атлета. Журналисты называли Винчи «мышечным чудом» США.

Рано узнал, как нелегко добывается трудовая копейка, и Стогов.

Отец Володи погиб в бою на подступах к Москве. А некоторое время спустя в автомобильную катастрофу попала мать. Жители деревни Гомово, чем могли, поддерживали семью Стоговых, но 12-летний Володя старался все делать сам. Он считал себя взрослым.

Мальш на диво оказался крепким и выносливым: ходил за плугом, валил лес, косил — в общем, справлялся со всякими крестьянскими работами. А когда Володя подрос, то устроился в лесозаготовительное хозяйство, где жизнь была, как он вспоминает, «прочнее и сытнее». Здесь Стогов освоил автодело, стал шофером. А штангой он увлекся в армии. Бывало, вернется из рейса, поставит машину в гараж и при свете ее фар тренируется...

Потом писали, что Винчи перехитрил Стогова. Это неверно. Толкнул бы Владимир 132,5 килограмма (он имел в жиме и рывке, как и Винчи, 105), и стал бы «золотым». Но ему пришлось довольствоваться результатом в 127,5 килограмма.

Чарльз Винчи победил с мировым рекордом — 342,5 килограмма.

Вторую золотую медаль команде США принес Исаак Бергер. Не выручил нашего Евгения Минаева рекордный жим 115-килограммовой штанги, потому что в рывке он осилил лишь 100 килограммов и толкнул с трудом 127,5. Бергер же блеснул отточенной техникой рывка и толчка и, набрав в сумме 352,5 килограмма, опередил Минаева на 10 килограммов.

Быть вторым на Олимпийских играх — это здорово! Но только не для штангиста Советского Союза. У нас, уж так повелось (с Новака), счет ведется лишь золотых наград.

В легкой весовой категории состязания проходили под знаком подавляющего превосходства советских штангистов.

...Это было в Харькове на студенческих состязаниях. Молодой силач вскинул на грудь 140-килограммовую

штангу и, предельно напрягаясь, начал вставать из подседа, чтобы вытолкнуть снаряд вверх на прямые руки. Но тяжесть была слишком велика. Зрители стали подбадривать спортсмена: «Давай, парень, вставай!..» Вдруг с места поднялся коренастый мужчина, сделал шаг к помосту и загремел: «Игорь, брось эту железную штуку, брось... Это я тебе говорю, твой папа!»

Но парень не послушал отца: поднял штангу... И вот он, студент Харьковского медицинского института Игорь Рыбак,— олимпийский чемпион. Рядом с ним на пьедестале почета Равель Хабутдинов, обладатель серебряной медали. Им обоим, сильным и красивым, австралийцы устроили горячую овацию.

Очень серьезный соперник был у ленинградского офицера Федора Богдановского— пятикратный чемпион мира, обладатель олимпийского золота хельсинкской чеканки американец Питер Джордж. До встречи в Мельбурне они противостояли друг другу в Вене и Мюнхене, и каждый раз на высшую ступень мирового пьедестала поднимался Джордж. Богдановский довольствовался серебряными наградами.

Из своих поражений Федор сделал один очень важный вывод: победить Питера он сможет только в том случае, если станет сильнее его в заключительном упражнении— толчке...

Перед началом состязаний в Мельбурне, как и во время последней мюнхенской встречи, Джордж показал Богдановскому свою «палочку-выручалочку»— карманный молитвенник: дескать, бог не с тобой, а со мной, верующим. Однако и без божьей помощи Федор обставил Питера на 7,5 килограмма. В жиме советский атлет ушел далеко вперед, но в рывке американец был сильнее и сократил разрыв. Венцом победы Богдановского стал толчок. Джордж сумел поднять 162,5 килограмма, а Федор— 165! Наш богатырь закончил борьбу с новым олимпийским и мировым рекордом в сумме троеборья— 420 килограммов.

После состязаний полусредневесов счет золотых наград, добытых атлетами СССР и США, выравнился— 2:2. И изменил его в пользу американской сборной знаменитый Томми Коно. Его выступление на мельбурнском помосте завершилось двумя мировыми рекордами: толкнул 175 килограммов и набрал в троеборье 442,5! Наш дебютант балтийский моряк Василий Степанов, завоевав серебряную медаль, оттеснил на третью ступень второго американского соперника— Джима Джорджа, младшего брата Питера. Наши тренеры были довольны таким

исходом соревнований в средней весовой категории. О победе над Коно тогда никто и не помышлял— «железного гавайца» считали непобедимым.

В день состязаний атлетов полутяжелого веса «Экзебишенхолл» был переполнен: зрители толпились даже в узких проходах. Австралийская и американская пресса предсказывала захватывающий поединок между Давидом и Голиафом. Роль Голиафа отводилась Аркадию Воробьеву, которого должен был повергнуть юный Давид, Шеппард, один из сильнейших штангистов США.

Шеппард вел себя перед состязаниями в Мельбурне не очень скромно. Он в печати заверял своих поклонников, что «без конкуренции завоеует золотую медаль». Воробьев на эту психологическую атаку ответил тем, что на последней тренировке с необыкновенной легкостью поднимал чуть не рекордные веса, чем и охладил воинственный пыл Давида.

Крайне неуверенно чувствовал себя на олимпийском помосте американец. Он лишь с третьей попытки избежал нулевой оценки— выжал-таки 140-килограммовый снаряд. Воробьев же установил мировой рекорд— 147,5 килограмма. В рывке их возможности оказались равными— оба подняли по 137,5.

Толчок Шеппард начал со 165 и, пока Воробьев не закончил борьбу, на сцене не появлялся. Когда Давид вышел на помост, чтобы отыгаться, вопрос— кому быть чемпионом?— был решен. Советский атлет, толкнув 177,5 килограмма, установил новый рекорд мира в троеборье— 462,5! Шеппард был чуть легче Воробьева, но это уже не имело никакого значения: американцу нужно было поднять 185 килограммов. Он потянул штангу вверх, и только... Принять ее на грудь побоялся. «В зале раздается величественная мелодия Гимна Советского Союза. Все встают. Я переживаю самые лучшие, самые волнующие минуты своей жизни— счастье победы. Только ради этих пяти неповторимых, прекрасных минут можно отказаться от развлечений, провести много лет в упорном труде и постоянном нервном напряжении»— так потом напишет, вспоминая свою победу в далеком Мельбурне, Аркадий Воробьев в книге «На трех олимпиадах».

Итак, выиграв у Шеппарда, капитан сборной СССР вывел свою команду на первое место. Однако все наши атлеты финишировали, а у американцев был в запасе главный «козырь»— Пауль Андерсон.

Его не узнавали. За год после Мюнхена, где Андерсон стал абсолютным чемпионом мира, «крошка Поль», как его называли в США, заметно похудел. Он задумал

жениться, и невеста поставила перед ним условие — стать легче хотя бы на ...сорок килограммов. На мельбурнских весах Андерсон вместо былых 170 потянул 137,9 килограмма. До свадьбы было недалеко, а до золотой олимпийской медали... Она могла достаться и другому.

Пивовар из Аргентины Хумберто Сильветти, выжав 175 килограммов, на 7,5 опередил золотую надежду команды США. В рывке оба осилили по 145. И когда Сильветти, толкнув в зачет 180, набрал в троеборье полтонны, Андерсон сразу же пошел на 187,5 килограмма. Иначе он оказывался вторым. Однако две попытки справиться с весом не удалось. В трансе Боб Гоффман и его команда. Пауль в отчаянии. «Что со мной? Что со мной?» — спрашивает атлет самого себя.

Решающий подход. Обладатель феноменальных мировых рекордов берет штангу на грудь, встает, толкает, но снаряд тянет силача в сторону, гнет к помосту. Андерсон и доли секунды не фиксирует штангу на прямых руках, бросает ее, и — о чудо! Спасительное чудо — три судьи зажигают белые лампы. Вес засчитан...

Аргентинский гигант выбегает на сцену с поднятыми кулаками. Он протестует, со слезами на глазах призывает судей быть справедливыми. Но протест не принимается — таково правило: единогласное решение обжалованию не подлежит.

На пьедестале — Андерсон. Ему вручают золотую медаль, Сильветти — серебряную... Оба — удрученные, надломленные...

Наша сборная проиграла команде США одно очко. Это было последнее противоборство. Год спустя, когда советские штангисты завоюют в Тегеране шесть золотых медалей чемпионов мира, а американцы лишь одну, их мельбурнский успех будет назван «лебединой песней».

Да, чемпионы сами не уходят. Их к этому принуждают. Великий Андерсон больше не испытывал спортивное счастье на помосте. Он ушел в профессионалы: стал поднимать стальные сейфы с долларами...

«Человек из породы титанов»

После Григория Новака второй, самой крупной фигурой в нашем тяжелоатлетическом спорте стал Аркадий Воробьев. «Человеком из породы титанов» назвал его известный спортивный журналист и писатель Станислав Токарев. Очень метко назвал. Аркадий Никитич Воробьев действительно человек особого сорта. Более тридцати лет мы

знакомы. Сначала я знал «Никитича» как бессменного капитана нашей тяжелоатлетической сборной — волевого, настырного, бескомпромиссного. Потом — как старшего тренера, молодого ученого, руководителя кафедры тяжелой атлетики ГЦОЛИФКа. Ныне доктор медицинских наук, профессор А. Н. Воробьев является ректором Московского государственного областного института физической культуры. Доводилось мне быть рядом с ним и после больших его удач, и в минуты несчастий. Видел его восторженным и окрыленным, видел — мрачнее тучи, дерзким и злым, видел всяким, но подавленным, опустошенным — никогда!!!

Он готовил себя к подвигам с детства. Не было в волжском городке Тетюшах более спортивного парнишки, чем Аркаша Воробьев, капитан школьной футбольной команды. Если он переплывал Волгу, то в самом широком месте, если доставал камни со дна реки, то делал это там, где глубже. Спал он с ранней весны до глубокой осени только во дворе на поленище, иногда просыпался засыпанный снегом... Бегал на лыжах, поднимал гири и мечтал стать солдатом, простым пехотинцем...

Шла война. В 1943 году Аркадий закончил десятилетку, и его за «отменное здоровье» определили в военные моряки — усадили на парту водолазной школы. Ему приказали учиться, а он, недовольный, строчил одну просьбу за другой, чтобы его отправили на фронт. Наконец, повезло: Воробьева зачислили в роту морских пехотинцев, которая сражалась на берегу Черного моря. Вооруженный ручным пулеметом, Аркадий очищал советскую землю от фашистов, освобождал Румынию и Болгарию. И первой его кровной солдатской наградой была медаль «За отвагу».

Война закончилась, и Воробьев вернулся в водолазную школу. Потом он, ежедневно рискуя жизнью, восстанавливал подводное хозяйство одесского порта. Морские глубины были «нашпигованы» минами, и Аркадию приходилось их обезвреживать.

Моряки-водолазы — народ здоровый, азартный. На берегу моря валялся скат от вагонетки. Им и «баловались» иногда матросы, соперничая на спор в силе. И Воробьев, такой уж он человек, не мог себе позволить, чтобы кто-то одолел его в этом споре.

Там же, в Одессе, Аркадий узнал, что такое тяжелая атлетика. Попад в секцию Клуба моряков, Воробьев для начала вцепился в 90-килограммовую штангу.

— Не много ли? — участливо и предостерегающе спросил штангист-тяжеловес Валентин Лебеденко, но новичок

отмахнулся и потянул снаряд вверх. Вроде бы легко пошла штанга, а на грудь не легла...

— Я же вам говорил — многовато! — сказал Лебеденко и попытался снять несколько «блинов», чтобы облегчить вес снаряда. Но Воробьев воспротивился и в конце концов победил несговорчивого железного «противника».

После этого все перевернулось в жизни водолаза. Теперь он знал, чего хочет добиться. Всего себя Аркадий подчинил строжайшему режиму — во всем! Спустя всего лишь три месяца после начала занятий Воробьев становится чемпионом Черноморского флота. Казалось, вот так, семимильными шагами он пойдет в спорте и дальше, но тернист путь к большой славе... Перестарался моряк, его стали преследовать травмы, и пришлось ему демобилизоваться.

Он поселился в Свердловске, где поступил учиться в медицинский институт.

— Хотел знать, как лечить свои и чужие «болячки» — так объясняет свой выбор Аркадий Никитич.

Учился он прилежно и тренировался теперь с умом. Подлечил спину и выдвинулся в число лучших средневесов страны. На чемпионате Советского Союза 1950 года Воробьев завоевал свой первый чемпионский титул из десяти. При этом он превысил всесоюзный рекорд в рывке Григория Новака и мировой — американца Стенли Станчика, подняв 132,5 килограмма. В тот же год, осенью свердловчанин дебютировал на чемпионате мира в Париже. Как и Станчик, он набрал в троеборье победную сумму килограммов, но, к сожалению, оказался на несколько граммов тяжелее именитого соперника, победителя Лондонской олимпиады.

Первую из пяти медалей чемпионата мира Воробьев завоевал в 1953 году, выступая в Стокгольме. На этот раз он оставил Станчика далеко позади. Американец так был деморализован поражением, что уже не мог обрести веру в себя и тихо сошел с помоста. А капитан нашей дружины богатырей, перейдя в полутяжелую весовую категорию, победил на мировых первенствах в Вене, Мюнхене, Тегеране, Стокгольме. За выдающиеся спортивные достижения в олимпийском Мельбурне Воробьева наградили орденом Ленина. Спустя четыре года ветеран сборной получил вторую золотую медаль олимпийского чемпиона.

Неугомонный, он сражался за титул сильнейшего до последнего «патрона». Но это не мешало ему заниматься научной работой. В 1962 году Аркадий Воробьев стал кандидатом медицинских наук, успешно защитив свой труд «Изменение сердечно-сосудистой системы под влиянием

подъема тяжестей». Потом, возглавляя кафедру тяжелой атлетики ГЦОЛИФКа, он исполнял обязанности старшего тренера сборной СССР. Под руководством А. Н. Воробьева наши штангисты одержали победы на Олимпийских играх в Токио и Мехико, с его помощью как ученого они со щитом вернулись и с последней Олимпиады из Монреаля.

Он хотел быть простым солдатом, а стал «генералом» почти трехсоттысячной армии советских тяжелоатлетов. «На помосте надо либо вообще забыть о сопернике, либо ощущать его именно как соперника — яростно, даже люто», — учил и учит штангистов «человек из породы титанов». «Не принимать на веру то, что найдено другими, — советует профессор А. Н. Воробьев, — а искать свое и, главное — не трусить!»

По его книгам — учебникам, монографиям, очеркам — науку поднимать ныне осваивают почти во всех странах мира. Благодаря Аркадию Никитичу Воробьеву советская школа тяжелой атлетики прочно встала на научные рельсы.

Свой капитанский жезл он нес с честью и после Рима передал его в крепкие руки атлета, с именем которого мир сильных людей приобрел исключительную привлекательность.

Пионер тяжелоатлетического космоса

И до Юрия Власова у нас были выдающиеся чемпионы и рекордсмены. Однако по моему глубокому убеждению, «золотой век» советской штанги начался с успехов этого Великого атлета.

Впервые я увидел его в 1957 году, высокого, юношески стройного. Он стоял на московском помосте, и перед ним «затаилась» штанга рекордного веса, что-то около 185 килограммов. И было непонятно и даже жутко за него: как он, интеллигентного вида молодой человек, осмелился выйти на этот дощатый помост, который мы часто называем «эшафотом». Чего он искал на нем?

Юрий, видно, и сам боялся своей дерзости — слишком долго стоял перед штангой. Его голова с высоким открытым лбом была чуть запрокинута назад, крупные бескровные губы что-то шептали. И смотрел он через большие роговые очки куда-то вперед-вверх.

В то время Власов был слушателем Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского. Ему шел

двадцать второй год, и в тот день он стал рекордсменом страны.

Странно и непонятно почему, но это событие не очень обрадовало тренеров. Может быть, потому, что Власов выглядел по сравнению с Андерсоном слишком утонченным и хрупким. Хрупким для того, чтобы поднимать громадные тяжести.

— Сломается! — безапелляционно заявляли знатоки «железного дела». — Позвоночник не выдержит...

И мне, честно говоря, представлялось, что Власов взялся не за свое дело: ничем он не был похож на нашего брата штангиста.

...Он был дискоболом, когда зашел к штангистам «подкачать» мышцы, чтобы дальше метнуть диск. Зашел и «завелся». Было это в 1953 году. Секцию тяжелой атлетики в академии тогда возглавлял «большой чудак» — такелажник Евгений Шаповалов, который, тренируя молодых офицеров, по-мальчишески задорно сам «тягал» штангу, ходил по залу... на руках, крутил сальто и даже предлагал ученикам помериться с ним силой в борьбе. У такого тренера не заскучаешь, потому-то 17-летний «новобранец» и стал одним из самых прилежных учеников Шаповалова.

Как-то Власов пришел на тренировку утомленным от академических занятий и ночных бдений над книгами. Штангу поднимать не пожелал. И тогда Шаповалов, чтобы «завести» его, предложил: «Давай поборемся!»

Молодой Геркулес сгреб в охапку своего наставника и... потом ходил к нему, виноватый, в больницу.

— Ничего, — успокаивал Юрия выздоравливающий Шаповалов, — кости мои заживут, а тебе пора подумать о большом помосте, о звании мастера.

Когда Власов стал мастером спорта, рекордсменом страны, у него появился новый тренер — майор Сурен Богдасаров.

Я считаю, что, сменив тренера, атлет потерял друга, очень мужественного и надежного, настоящего, как он говорил, мужика. И где-то потом, когда Власов стал знаменитым, это, мне кажется, сказалося...

Возможно, и не Андерсон был «виноват» в том, что первые рекорды Власова не стали сенсацией, а московский богатырь Алексей Медведев. Он первым из советских штангистов стал «пятисотником», завоевав на тегеранском помосте титул чемпиона мира в тяжелом весе. Через год в Стокгольме Медведев снова поднялся на высшую ступень мирового пьедестала.

Долгим был путь Алексея Медведева к успеху. Одиннадцать лет этот настойчивый спортсмен из московских «Крылышек» боролся за самое почетное место под тяжелоатлетическим солнцем. Он приходил в зал один, молча разминался и молча по три-четыре часа кряду шлифовал технику жима, рывка, толчка, «качал» силу рук, ног, спины. С ним не очень дружили, но его уважали. Да и как было не уважать атлета, который с упрямой отрешенностью тренировался, готовя себя в чемпионы страны, Европы, мира...

Авторитет Медведева стал неоспоримым. Летом 1958 года атлет побывал в США и там трижды победил «черного Геркулеса» Джима Бредфорда, подняв «потолок» всесоюзного рекорда до 507,5 килограмма. После этого Медведев взял на прицел мировую сумму Андерсона — 512,5 килограмма. И, возможно, он превысил бы этот «бородатый» рекорд, но помешал Власов.

Приход весны 1959 года останется для Юрия незабываемым. С отличием защитив в академии диплом инженера, он через несколько дней, 15 марта не менее удачно справился с другой задачей — в международных состязаниях на приз Москвы перешагнул заветный для тяжелоатлетов рубеж в 500 килограммов. Власов стал четвертым «пятисотником» в мире, вслед за П. Андерсоном, Х. Сильветти и А. Медведевым.

Отчаянно защищал Медведев свое, с таким трудом добытое положение сильнейшего тяжелоатлета, но Власов — он уже был не робким соискателем рекордов — уверенной победой как бы подчеркнул: «Отныне первым буду я! Пришел мой час».

Отправляясь через месяц на первенство Вооруженных Сил СССР в Ленинград, Юрий решил бросить вызов Андерсону, побить его мировой рекорд в толчке — 196,5 килограмма.

...И вот он на армейском помосте. Рослый, подтянутый, без традиционного для тяжелоатлетов грузного живота, Власов вызывает симпатию у зрителей. Его встречают аплодисментами. Он уже завладел рекордом мира в рывке, подняв 151,5 килограмма. И вот последний решающий подход: атлет стоит перед штангой весом в 197,5 килограмма, хочет побить рекорд Андерсона в толчке.

«Взять и держать!» — неслышно приказывает себе Юрий и мощным усилием тянет штангу на грудь... Теперь надо встать и послать ее вверх, на прямые руки... Встал и толкнул!

Пал один из трех рекордов Андерсона. И побил его атлет, который ничем внешне не напоминал «супермена».

БОГАТЫРИ С ВОЛГИ НА БЕРЕГАХ ТИБРА

Власов был выше ростом и намного легче—весил 115 килограммов (Пауль в расцвете сил тянул около 170). Своими рекордами Юрий произвел настоящий переполох в стане тяжеловесов. Оказалось, совсем необязательно иметь громадный собственный вес, чтобы устанавливать абсолютные рекорды.

Мир еще не видел Власова, но уже знал его неплохо. Когда Юрий в составе сборной страны приехал в Варшаву на чемпионат мира 1959 года, американцы немедленно прислали к нему своего «разведчика» — чемпиона Мельбурнской олимпиады Исаака Бергера. До часа ночи гость расхваливал силу своих соотечественников — Ашмана и Бредфорда, но взять Власова на испуг ему не удалось.

Через семь дней в зале «Гвардия» торжественно прозвучали фанфары, и советский инженер-лейтенант Юрий Власов впервые взшел на верхнюю ступень пьедестала почета. Справа стоял Бредфорд. Он не улыбался (вторые, если они метили быть первыми, никогда на пьедестале не улыбаются).

Постепенно Власов вживался в роль кумира любителей спорта. Выходя на сцену, он раскланивался, на приветствия улыбался, жестами просил тишины. Он и зрители, а штанга была чем-то вроде давно растоптанного врага, из которого веревки вить можно. И однажды, весной 1960 года, из-за столь неуважительного отношения к штанге Юрий чуть было не поплатился чемпионским званием.

Миланский чемпионат Европы заканчивался очередным триумфом советской сборной. Полутонный командный приз — «Геркулес, поднимающий колонну», был уже завоеван, когда Власов подошел к 185-килограммовой штанге, чтобы, подняв ее, поставить последнюю точку в нашей победной реляции. Подошел, встреченный аплодисментами, небрежно, с улыбкой. И тут же был жестоко наказан — штанга вырвалась из его рук... Хорошо, что с третьей попытки Юрий поднял снаряд. С тех пор я не видел, чтобы перед поединком с металлом Власов улыбался. Он понял: штанга шуток не любит.

Путешествие в Вечный город — Рим обещало нашему богатырю титул чемпиона XVII Олимпийских игр.

«Героем последнего дня состязаний тяжелоатлетов, а этот день с полным правом можно назвать самым блистательным из всех, был русский богатырь Юрий Власов...»

Из сообщения агентства Франс Пресс

Третий день развевался на ветру Государственный флаг СССР в олимпийской деревне, а наши тяжелоатлеты еще тренировались в Москве.

Тем временем штангисты США проводили последние репетиции неподалеку от соревновательной арены. Они были полны решимости дать бой нашим и польским силачам, которым проиграли на Варшавском чемпионате мира 1959 года.

«Русские остаются нашими самыми опасными соперниками, — сказал Боб Гоффман в интервью корреспонденту французской газеты «Экип», — но из Рима мы уедем непобежденными. Если в Варшаве нам удалось завоевать один титул, то теперь возьмем три. Мы привезли в Рим самую большую и самую сильную команду».

Все верно — американцы подготовились к Олимпиаде превосходно, в чем советские штангисты убедились, как только прибыли в Рим и побывали в тренировочном зале. Однако и наша сборная не имела изъяна — все семь атлетов метили в чемпионы. Американцы, японцы, англичане, французы, итальянцы — все с почтением следили за тем, как советские силачи готовятся к старту. Одни приходили подучиться, другие вели разведку.

И вдруг накануне турнира наши остались вшестером против семи американцев. Чемпион мира Рудольф Плюкфельдер на последней тренировке повредил спину и от выступления отказался. Какая досада! Президент Международной федерации тяжелой атлетики финн Бруно Нюберг говорил: «Плюкфельдер может лишиться золотой медали лишь в том случае, если он не будет выступать на Олимпийских играх». Вот каким высоким был авторитет советского атлета...

Первая и... последняя

7 сентября в 9 часов утра сильнейшие тяжелоатлеты земного шара заполнили «Палаццетто делло спорт». За час до начала состязаний в раздевалке появились спортсмены легчайшего веса. Советские тренеры решили в этой весовой категории не выставлять участника. Борьба за первое место должна была разгореться между чемпионом Олимпиады в Мельбурне американцем Чарльзом Винчи и рекордсменом мира японцем Иосинобу Миякэ. Положение Винчи было предпочтительнее.

Двадцать два штангиста вышли на помост, но золотую медаль оспаривали лишь двое — Винчи и Миякэ. Вот как протекал их поединок. Миякэ остановился в жиме на 97,5, а Винчи повторил олимпийский рекорд — 105 килограммов. Чарльз начал рывок со 100, а Иосинобу проявил неслыханную дерзость: он в первом подходе решил вырвать 105, еще год назад это был мировой рекорд. И тут, как бы наказывая спортсмена за дерзость, штанга рухнула на помост. Казалось, что Миякэ не сумеет в повторных попытках взять снаряд. Но японец блестяще зафиксировал вес.

Винчи поступает более расчетливо. Он вырывает 105, затем 107,5 килограмма. Попытка Миякэ поднять рекордную штангу не удалась. Однако он продолжал борьбу.

Японец, обладающий отличной техникой толчка штанги способом «разножка», надеялся отыгаться в последнем упражнении. Увы, его надежда на золотую медаль не сбылась. Винчи толкнул 132,5 и закончил состязание с новым олимпийским рекордом в троеборье — 345 килограммов. Он принес команде США первую золотую медаль, которая оказалась и... последней.

...Морозный февральский день 1942 года. За побелевшим окном свирепствует метель. Евгений присел у печки и протянул к огню маленькие посиневшие руки. С мороза всегда приятно домашнее тепло.

Встал он рано, натаскал полную кадку воды и груды заснеженных поленьев. Евгений хотел бы еще что-нибудь сделать для матери и маленького брата, но усталость его так одолела, что едва держится на ногах.

— Мам, а мам,— говорит малыш,— если б я был сильным, тогда бы тебе все-все переделал...

— Мужичок ты мой с ноготок, для этого надо было каши побольше есть.

А в доме не то что каши — шелухи картофельной не было...

Закончилась война. Жить стало полегче, и вскоре забылись голод и горе. 15-летний Женька слесарничал на заводе, и ему хотелось от жизни чего-то необычного, из ряда вон выходящего.

Увидел он однажды выступление цирковых акробатов и уже на следующее утро, к удивлению матери, стал «задирать вверх ноги». Много шишек и синяков заработал он из-за того, что слабые руки не выдерживали тяжести тела. Однако Евгений не сдавался. Было у него еще одно увлечение — игра на трубе. Утром рано он изо всех сил прочищал легкие, извлекая из инструмента громоподобные звуки.

С тяжелоатлетическим спортом Евгений познакомился во время службы в армии. Однажды, когда солдаты отдыхали после длинного перехода, Евгений в шутку сказал: «Лучший способ для отдыха ног — пройти на руках». И тут же закинул ноги вверх и браво прошел по кругу.

— Штангу бы тебе, Минаев, поднимать,— заметил с восхищением командир.

Через месяц Евгений был уже на помосте. Новичок победил опытных спортсменов и выиграл звание чемпиона части.

Весной 1956 года в Московский дворец тяжелой атлетики, что на Цветном бульваре возле Госцирка, зачастил худощавый на вид солдат. Он удивлял нас не столько жимом 100-килограммовой штанги, сколько оригинальной разминкой — каскадом акробатических трюков. Словно человек-каучук, солдат подпрыгивал, делал одно сальто с места за другим, выполнял несколько фляков... Никто из нас, чемпионов, ничего подобного сделать не мог.

Это был Евгений Минаев. Через несколько месяцев, участвуя в I Спартакиаде народов СССР, он устанавливает свой первый мировой рекорд для атлетов полулёгкого веса.

Осенью в далеком Мельбурне Евгений по неопытности проиграл Бергеру.

Через год они встретились в Тегеране. На этот раз победил наш атлет. Его сумма 362,5 килограмма — новый мировой рекорд. Но курчавый голубоглазый Исаак — оптимист. Прощаясь с Евгением, он предостерегающе заявляет: «В Стокгольме чемпионом мира буду я! И рекордсменом!» И он там победил. Счет поединков стал 3:1 в пользу американца.

Было около трех часов ночи, когда под сводами «Палаццетто делло спорт» прозвучал Гимн Советского Союза. Евгений принес нашей команде первую золотую медаль на римском помосте.

Все внешне было очень просто... Девять «выстрелов» сделал Минаев, и каждый попал в цель. Но обо всем по порядку.

Как только покинули помост штангисты легчайшего веса, на арену вышли полулегковесы. В этой категории на золотую медаль претендовали три замечательных атлета: олимпийский чемпион американец Исаак Бергер, неоднократный призер мировых первенств итальянец Себастьяно Маннирони и мировой рекордсмен Евгений Минаев.

За последнее время американец добился таких результатов, что его, как и прыгуна в высоту Джона Томаса, считали стопроцентным победителем олимпиады. Но советские тренеры придерживались иного мнения. Они надеялись на успех Минаева. Итальянцы, естественно, желали удачи своему любимцу — полицейскому из Рима — Маннирони.

Изнурительная борьба затянулась до утра. Достаточно сказать, что к соревнованию в толчке атлеты приступили лишь в первом часу ночи. Пока на штанге был малый вес, некоторые зрители, утомленные впечатлениями дня, улеглись спать прямо на скамейках.

Чтобы сберечь силы, Минаев вышел подышать свежим воздухом.

— Старайся показать хорошую сумму,— сказал Евгению старший тренер Куценко.— Ты силен, как никогда, идешь впереди Бергера на 7,5 килограмма.

— Я, Яков Григорьевич, мечтаю об одном — толкнуть 142,5 килограмма, и тогда, мне кажется, все будет в порядке,— ответил Минаев.

А Бергер тем временем сидел в душной прокуренной комнате. Вид у него был растерянный. Понять атлета нетрудно. Наверстать упущенное в первых двух упражнениях почти невозможно. Выручить Бергера мог лишь отличный толчок. Сколько раз на тренировках он выпаривал 25 долларов, толкая 152,5 килограмма! Сможет ли он поднять столь колоссальную тяжесть, если будет такая необходимость? Состязания оказались изнурительными, он исчерпал почти всю энергию.

В списке 27 участников состязаний первым стоял австралиец Оскиер. Не осилив в жиме 90 килограммов, он попросил установить 95, но дважды покидал помост

skonфуженным. Первый номер и первый ноль. Долго шептал что-то, прежде чем подойти к 110-килограммовой штанге, японец Фуруяма. Не помогло... На весе 107,5 остановился Маннирони.

Все спортсмены сошли с жимовой дистанции. На штанге — 112,5. Сначала Бергер, затем Минаев выжимает этот вес. Покорены со следующей попытки и 117,5. Двое огромных, флегматично пожевывающих резинку ассистентов устанавливают 120 килограммов — вес, равный мировому рекорду, принадлежащему Минаеву. Эта тяжесть американцу оказывается не под силу.

Слово за советским атлетом. Он блестяще выжимает снаряд и уходит вперед.

Перед тем как приступить ко второму упражнению — рывку, произошло оживление у телеаппаратуры. Итальянское телевидение на время прервало другие передачи с олимпиады, когда вышел на помост Маннирони. Операторы оказались хорошими провидцами. Маннирони установил новый олимпийский рекорд — 110 килограммов! Не прошло и двух минут, как это достижение повторил Минаев. Советский штангист очень легко вырвал снаряд. Чувствовалось, что он способен на большее.

— Обидно, не рассчитал попыток,— посетовал Минаев.

А Бергер? К этому времени он был позади Минаева на 7,5 килограмма. Американец начал рывок со 105 и «уговорил» несговорчивую штангу лишь с третьей попытки.

... Но вот большинство атлетов выбыло из соревнований, и по залу прокатилось итальянское «силенцио» (тише). К штанге подходит Минаев. Начинается заключительный этап состязаний. Кто же будет чемпионом? Евгений четко вскидывает на грудь 135 килограммов и осторожно выталкивает их вверх. Бергер, стремясь уменьшить разрыв, легко толкает 140, устанавливая тем самым олимпийский рекорд. Минаев не остается в долгу. Он также фиксирует этот вес.

Никогда еще так хорошо не выступал Евгений. У Минаева перед последней попыткой была сумма 370. Это новый рекорд Советского Союза, который всего лишь на 2,5 килограмма меньше мирового достижения Бергера.

Ночь. На часах половина третьего. Но зрители не расходятся. Забыв об отдыхе, они наблюдают за поединком непревзойденных силачей полулегкого веса. Минаев под бурные аплодисменты толкает 142,5 килограмма и становится зрителем. Что-то покажет Бергер? Ему необходимо толкнуть 152,5 килограмма, так как он несколько тяжелее советского спортсмена. Но нет: в последней

решающей попытке огорченный американец не смог затащить штангу даже на грудь.

Одержав победу над Бергером, Евгений взял реванш за проигрыш ему в Мельбурне и Стокгольме. Он принес первые семь очков нашей сборной. Американцы такого исхода поединка явно не ожидали. Уплыла от них, казалось бы, верная золотая медаль, а с нею и надежда на выигрыш у команды СССР.

На следующий день наши богатыри преподнесли атлетам США еще один сюрприз.

Триумф волжанина

Невозможно без волнения рассказывать о том, что произошло в «Палаццетто делло спорт» в день соревнований штангистов легкого и полусреднего веса. Испытание на их долю выпало очень тяжелое. Например, атлеты легкой весовой категории вступили в борьбу в девять утра, а закончили в восьмом часу вечера. От Советского Союза выступал трехкратный чемпион мира горьковчанин Виктор Бушуев. Его главными соперниками были японец Кендзи Онума, сингапурец Дань Хао-лян, атлет из Ирака Абдулвахид Азиз, чемпион Европы и рекордсмен мира поляк Мариан Зелинский. Забегая вперед, скажем, что советскому атлету никто не смог составить серьезной конкуренции.

Как же проходила спортивная борьба в этой весовой категории? Японец Онума, который прошел отличную школу в США у знаменитого Томми Коно, долго стоял перед штангой весом в 112,5 килограмма. Но сколько он ни старался собрать воедино все силы, как это умел делать Коно, вес выжать ему не удалось. Неудачными оказались вторая и третья попытки. Так выбыл из «железной игры» один из претендентов на олимпийское «золото». Рвутся вперед Дань Хао-лян и Зелинский. Но и они останавливаются в жиме на результате 115 килограммов.

И вот после того, как последний соперник советского атлета Азиз зафиксировал 117,5, в состязание вступил Бушуев. Взят один вес, другой. Устанавливается 125 килограммов. Не торопясь, чуть приподняв голову, к снаряду подходит чемпион мира. Выполнив упражнение, он опускает штангу на помост, четко делает шаг назад и уходит со сцены.

Безупречным был каждый подход советского атлета и в рывке. Он зафиксировал сначала 115, затем 120 и 122,5

килограмма. Это новый олимпийский рекорд. Ближайший соперник Бушуева черноволосый Азиз осилил лишь 115. Всем стало ясно: догнать Бушуева невозможно.

Толчок. Сотни зрителей поднялись с мест, когда Виктор с изумительной легкостью поднял 145 килограммов. Шквал аплодисментов долго не смолкал под сводами Малого дворца. Еще бы! Бушуев уже после первого подхода побил свой же официальный мировой рекорд в сумме троеборья. Но по всему было видно, что волжанин способен на больший подвиг.

Бушуев не заставил долго ждать. Он легко поднял 150 килограммов и выиграл золотую медаль с новым олимпийским и мировым рекордом — 397,5!

... В пятидесятом году на строительство Горьковской ГЭС приехала семья Бушуевых. Виктору тогда было шестнадцать лет, но он не хотел отставать от отца: вместе с ним трудился на стройке.

Работы было много, но молодость — сила. Вечерами паренька тянуло к людям. Он приходил в клуб строителей и играл там на баяне свою любимую песню: «Есть на Волге утес»...

Примерно тогда же Виктор подружился со штангистами. Его приятель силач Горшков где-то «откопал» старую ржавую штангу. Друзья довели ее до блеска и приступили к тренировкам. Мать Виктора, Устинья Еремеевна, глядя на занятия сына, сокрушенно качала головой и выговаривала: «Не делом занимаешься, родной мой. Упаси бог — еще надорвешься».

Но отец был иного мнения: «Пусть поднимает. Дело это мужское. Крепче будет!»

И отец не ошибся. Виктор преобразился удивительно быстро. И в армию пошел служить, обладая атлетической выправкой.

Старшина роты, присмотревшись к горьковчанину, сказал: «Вот попомни меня, Бушуев, быть тебе чемпионом мира».

Солдаты рассмеялись, старшина был одесситом и любил пошутить. Усмехнулся и Виктор: «чемпион мира» едва выполнял второй спортивный разряд.

После службы волжанин вернулся на ГЭС и, работая слесарем, готовился выполнить норму мастера спорта. Мечту осуществил на чемпионате России в Горьком в 1956 году. Кое-кто тогда говорил, что Бушуеву родные стены помогли стать мастером спорта. Но через год он едет в Москву на III Всемирные студенческие игры и возвращается оттуда с золотой медалью и мировым рекордом.

— Молодец,— говорил при встрече Георгий Федорович сыну, рассматривая золотую медаль,— но не задавайся! У тебя одна медаль, а я полный георгиевский кавалер.

В Риме волжский силач был назван «фантастическим легковесом». Это действительно было фантастикой: легко-вес вплотную подошел к 400-килограммовому рубежу, о котором недавно мечтали сильнейшие тяжеловесы. Помню, как диктор на чемпионатах страны торжественно объявлял: «Если имярек поднимет этот вес, то наберет в троеборье че-ты-рес-та ки-ло-грам-мов!» А перед штангой куражился гигант весом в два раза больше Бушуева.

Ну, как было не восхищаться триумфом волжанина на Тибре!

...И «железный гаваец» отступил

В тот день, когда стокгольмские любители тяжелой атлетики приветствовали американского штангиста Томми Коно, установившего мировой рекорд в толчке для штангистов полусреднего веса— 168,5 килограмма, в спортивный зал своего института впервые вошел казанский студент Саша Курынов. Это было в августе 1953 года.

Тренировался Курынов самозабвенно. Ему по душе пришелся спорт, от занятий которым мускулы наливались силой и тело становилось красивым. Вечерами после тренировок он с удивлением разглядывал набухающие, как по весне почки деревьев, упругие мышцы.

— Сашок-то наш прямо-таки богатырем становится,— с уважением говорили друзья-студенты.

Шли месяцы. Курынов по-прежнему после учебы спешил в гиревой зал к своему наставнику Владимиру Александровичу Павлову. А после тренировок учитель вел его к себе домой. Сыграет с Сашей партию-другую в шахматы, предложит: «Давай поужинаем!..»

Окончилась экзаменационная сессия. Курынов на лето уехал к родителям во Владимирскую область. Но привычка трудиться не давала покоя.

— Батя, возьми меня с собой поработать,— говорил он отцу.

— Дело, сынок.

Но мать воспротивилась: «Ни к чему — пусть отдыхает, как другие...»

Однако Саша устроился работать грузчиком. И когда принес зарплату, мать, всплеснув руками, спросила: «Откуда у тебя такие деньги?» — «Заработал». Обрадовалась

мать: «Хочешь, на эти деньги козу купим. Все лето молоко будешь пить...»

Осенью, приехав в институт, Курынов удивил штангистов тем, что стал выигрывать одно соревнование за другим. Его имя замелькало на страницах газет. Курынова стали приглашать на заводы, в дома культуры, на спортивные вечера...

Но бывает же иногда: чем больше старается спортсмен, тем труднее ему дается успех. Так случилось и с Александром. Блеснув на спортивной арене в 1955 году, он остановился в своем росте. Вечерами после тренировок Курынов с тренером вновь и вновь разбирал причины неудач.

Очень эмоциональный, Александр «перегорал» до начала состязаний, выходил на помост опустошенным. Да и на тренировках он слишком много тратил нервной энергии — то и дело пытался поднимать штангу предельного веса.

Нужно было развеяться, отвлечься от «железа».

— А не погостить ли тебе, Саша, у родителей?! — предложил Владимир Александрович.

Трудовая летняя «сессия» помогла Курынову сдвинуться с мертвой точки. Весной 1958 года он занимает на чемпионате СССР второе место, уступает лишь олимпийскому чемпиону Федору Богдановскому, а в сентябре, выступая на матче штангистов Болгарии и РСФСР, становится рекордсменом мира.

Несколькими днями раньше на мировом первенстве, опять проходившем в Стокгольме, Томми Коно в седьмой раз поднялся на высшую ступень пьедестала почета, установив рекорды мира в рывке — 133,5 и в троеборье — 430 килограммов. Под натиском чемпиона мира устоял его же рекорд пятилетней давности в толчке — 168,5. И никто из специалистов не предполагал, что и его время уже пришло. В Ростове-на-Дону Александр Курынов вступил в заочный спор с прославленным гавайцем. Успешно выполнив жим и рывок, он набрал в сумме 260 килограммов.

Начинается толчок. Подняв 160 килограммов, Курынов просит 170!

— Давай, Саша, тяни злей! — напутствовал друга рекордсмен мира Николай Костылев.

Атлет тряхнул черными кудрями и пошел к снаряду... Взрыв аплодисментов заглушил звон дисков покоренной штанги. Судьи взвешивают Александра, потом — снаряд! И наконец, диктор объявляет: «Вес штанги — 169,5 килограмма! Рекорд Томми Коно пал!» Курынов знал, что на Олимпиаде в Риме ему придется бороться с атлетом, которого безуспешно пытались победить такие

прославленные советские силачи, как Евгений Лопатин, Юрий Дуганов, Трофим Ломакин, Василий Степанов, Федор Богдановский.

Он знал, что ему придется очень трудно...

«Загадочный японец», «железный гаваец»... Какими только эпитетами не награждали журналисты американца Томми Коно!

Обладая огромной силой воли, Коно с честью выходил из самых критических положений. На чемпионате мира 1959 года в Варшаве он трижды «висел над пропастью». Казалось, вот-вот победа будет за советским атлетом олимпийским чемпионом Федором Богдановским, но в самый решающий момент неимоверно уставший Коно преобладался.

Курынов решил ни в чем не уступать чемпиону мира. Когда Коно заказал первый подход в жиме к 130, советский атлет сделал то же самое. Оба спортсмена без особого труда справились с начальным весом, затем выжали и по 135 килограммов. Имея небольшое преимущество перед Коно (Курынов был легче соперника), волжанин не рискует, старается, как говорят штангисты, отобрать свои килограммы. Но 137,5 килограмма Александр не может одолеть. Коно же подходит к 140 и с нарушением правил выжимает снаряд. На табло вспыхивают две красные и одна белая лампочки. Все верно: вес не засчитан. Американцы тут же подают протест в апелляционное жюри. И, как ни странно, их просьба удовлетворяется. Против фамилии Коно появляется цифра «140».

Американец впереди. Но Курынов не сдается.

— Ничего, Яков Григорьевич, отыграемся в рывке, — уверенно сказал атлет тренеру, когда тот спросил, каково его настроение.

Томительно тянется время соревнований. Никогда за всю историю тяжелой атлетики они не продолжались так долго. Стрелка часов приближалась к полуночи, но ни Коно, ни Курынов еще не приступали к рывку. Американец, закутавшись в шерстяное одеяло, методично, с каким-то упорством жует резинку. Откинувшись в кресле, сидит Курынов. Взгляд его спокоен, как будто атлет пребывает в беззаботном состоянии. Но кому не известно: ждать да догонять — нет ничего хуже. Каждая минута ожидания — это бесплодное горение, горение не только физической, но и нервной энергии, столь драгоценной в решающие секунды борьбы, тем более с таким грозным соперником, как Коно.

И вот, как по уговору, Коно и Курынов вышли на арену к одному весу — 127,5 килограмма. Курынов легко,

в красивом стиле, способом «разножка» вырывает снаряд. А Коно? Хотя он столь же силен, но техника его менее совершенна. Дважды он выносит вес на прямые руки, но роняет. По залу прокатился шумок. Неужели этот прославленный атлет и в третьей, последней попытке не закончит упражнение? И вновь мы увидели Коно таким, каким знали: мужественным, волевым. Он вырывает штангу, как пушок, однако продолжать борьбу не может: истощены все попытки.

Курынов красиво выхватывает 132,5 килограмма — устанавливает новый олимпийский рекорд.

Перед началом состязаний в последнем упражнении — толчке претенденты на золотую медаль имели в сумме по 267,5 килограмма. Но лидировал теперь Курынов, он легче. Советские тренеры уже не сомневались в победе любимца команды — ведь Курынов очень технично выполняет толчок — «венец победы», в этом упражнении он рекордсмен мира. Но пока медаль лежит на судейском столе и за нее нужно бороться до конца.

Часы показывали 3.20, когда к штанге весом 160 килограммов подошел Коно.

— Пора и тебе, — сказал Куценко Александру.

Курынова знобило: еще ни один полусредневес мира не начинал толчок со 162,5. Но вот сомнения отброшены, и прямо с лестницы, ведущей на помост, атлет спешит к снаряду, ни секунды не мешкая. Александр поднимает вес и затем, окрыленный, толкает и 167,5 килограмма.

И тут все увидели, что Коно никакой не «загадочный», а обыкновенный. Отвага не выручила его — восемнадцать раз он шептал: «Я это сделаю, я это сделаю, я это сделаю...» — но 170-килограммовая штанга не покорилась, и Томми впервые ушел с помоста с низко опущенной головой.

То, что не сделал Коно, легко совершил Курынов. «Даун!» («Опустить!») — выкрикнул старший арбитр, а Александр все держал и держал над кудрявой головой стальную громаду. Он улыбался. Да и как не улыбаться, когда тебе 26 лет и ты олимпийский чемпион, победитель «железного гавайца».

Судьи уточнили вес поднятого снаряда — 170,5. Новый рекорд мира! В сумме классического троеборья казанский студент также установил мировое достижение — 437,5. Коно простился с последним своим мировым рекордом.

Не сбылась мечта замечательного американского атлета Томми Коно сделать то, чего не удавалось ни одному штангисту мира, — в третий раз выиграть звание олимпийского чемпиона. Он проиграл Курынову, проиграл десять

килограммов. Это первое поражение знаменитого американца на мировом помосте подействовало на штангистов и тренеров США удручающе. «Уплыла» еще одна, казалось бы, самая верная золотая медаль.

Десяток рук подхватили Курынова, когда он сошел с пьедестала почета. Спортсмены, тренеры различных стран поздравляли советского штангиста с выдающимся успехом. Ведь он победил американца не потому, что тот был недостаточно силен. Наоборот, Коно никогда не обладал такой силой, как в Риме. Но волжанин оказался покрепче.

— Это самый грозный штангист, с которым мне когда-либо доводилось встречаться. Он достоин победы! — сказал Коно о Курынове.

Так за один день два волжских богатыря прославили советский тяжелоатлетический спорт на берегу Тибра. Бушуев и Курынов принесли команде 14 очков.

«Победа одного из героев Римской олимпиады — советского штангиста Александра Курынова над «железным гавайцем» Коно была поистине сенсационной» — так откликнулась газета «Дейли америкэн», выходящая в Риме.

И рекорд, и победа

Вряд ли даже советские тренеры предполагали, что состязания в Риме сложатся так удачно для нашей сборной. За два дня турнира команда СССР завоевала три золотые медали, а американцы лишь одну. Приближался третий день состязаний в «Палаццетто делло спорт». В этот день должны были выступать средневесы и полутяжеловесы. Как ни порывался Плюкфельдер принять участие в поединке средневесов, но травма давала о себе знать.

Кто же теперь станет олимпийским чемпионом? Многие высказывались в пользу экс-рекордсмена мира американца Джима Джорджа. Штангистам США его победа была крайне необходима. После проигрыша Бергера и Коно они надеялись поправить положение хотя бы в этой категории. Но польские спортсмены и тренеры считали, что настал и их победный час на олимпийском помосте — золотую медаль должен выиграть их соотечественник Иренеуш Палинский.

В строю замерло свыше двадцати богатырей. То один, то другой делает шаг вперед, и диктор каждого представляет зрителям. Атлеты нервничают. У некоторых слегка подрагивают колени, Джим Джордж переминается с ноги

на ногу, сумрачен Палинский. Но вот церемониал представления участников окончен.

О начале состязаний в жиме подробно говорить не стоит. Они проходили спокойно, без особых «инцидентов». Пять атлетов выжимают 130-килограммовую штангу. В том числе и Палинский. Джордж поднимает на 2,5 больше и становится лидером состязания.

Палинский, запахнувшись в просторный красный халат, уходит на отдых. По лицу видно, что он доволен исходом соревнований в жиме.

Начинается рывок. Сходит с арены один атлет, другой... В очень красивом стиле Палинский и Джордж поднимают по 132,5 килограмма.

И хотя впереди был толчок, хотя до конца соревнования оставалось не менее двух часов, никто уже не сомневался, что олимпийским чемпионом станет чемпион Польши. Это, по-видимому, почувствовал и Джордж. В перерыве, чтобы немного успокоиться, он курит, о чем-то возбужденно говорит с друзьями по команде, но вид у него расстроенный. Впрочем, это свойственно Джорджу. Нервный, неуравновешенный, он на всех мировых турнирах терял «запал» задолго до конца состязаний. Обладая огромной силой, замечательной техникой, Джордж в ответственный момент не мог сосредоточиться. Так случилось и на этот раз.

Американец начал толчок со 165 килограммов, а Палинский в то время еще только разминался. Он всем своим видом как бы подчеркивал, что ему некуда торопиться, что победа будет за ним.

И вот после того, как Джордж тщетно попытался поднять 172,5 килограмма, возле помоста появился Палинский. Сбросив халат, он спокойно поднимается на сцену. На дощатом настиле штанга весом в 175 килограммов. Иренеуш и тут не торопится. Долго, секунд тридцать, смотрит он на стальной гриф, затем, тряхнув русой прядью волос, склоняется над снарядом, и, словно шутя, вскидывает его на грудь, и еще легче выталкивает на прямые руки. Он — чемпион Олимпиады!

Нетрудно представить, какой радостью светились лица польских тяжелоатлетов — ведь в истории гиревого спорта Польши не было до этого ни одного олимпийского чемпиона.

Но что это? Палинский, отводя рукой всех в сторону, выходит из окружения и говорит, что продолжает состязание. Теперь он соревнуется сам с собой, со своим мировым рекордом. Он делает попытку толкнуть 180 килограммов.

И этот громадный вес покорился новому чемпиону! Так талантливый атлет выиграл золотую медаль и на полтора килограмма побил свой же мировой рекорд. В сумме классического троеборья Палинский набрал 442,5 килограмма.

Вторая вершина ветерана

Ломакин или Воробьев? Об этом гадали штангисты, когда прикидывали, кто победит в полутяжелой весовой категории. Почему же упоминались только эти две фамилии? Ведь в Рим приехали такие сильные атлеты, как чемпион мира 1959 года Луис Мартин из Великобритании (в Варшаве он сумел выиграть у Воробьева), Джон Пулскамп из США и многие другие. Суть в том, что уже на тренировках в Риме все убедились в полном превосходстве наших тяжелоатлетов.

Возможно, кое у кого из зарубежных штангистов до начала состязаний еще теплилась надежда на выигрыш. Но когда почти все закончили жим, а Воробьев и Ломакин еще лишь разминались, соперники чаще стали поглядывать друг на друга. Они теперь думали только о бронзовой награде. Чемпион мира Мартин остановился на 137,5 килограмма, Пулскамп поднял 140.

Борьбу ведут двое — Трофим Ломакин, победитель Игр в Хельсинки, и Аркадий Воробьев, герой Мельбурна. Воробьев начинает со 145 и просит увеличить вес штанги до 150 килограммов, но первым к снаряду подходит Ломакин. Он плавно выжимает полтора центнера, Аркадий тут же повторяет его успех. Более того, атлет фиксирует в третьем подходе 152,5 килограмма. Так удачно он еще никогда не начинал.

Однако в жиме Ломакин явно сильнее. Он поднимает 157,5 килограмма и становится лидером соревнований за золотую награду.

Ассистенты, согнувшись в три погибели, тащат на весы почти десятипудовый снаряд. После тщательного взвешивания в штанге оказалось 100 граммов провеса. Но это не беда — мировой рекорд, установленный три месяца назад, побит самим же Ломакиным на полтора килограмма! Первым поздравляет спортсмена Воробьев. Атлеты уходят на отдых.

В рывке Ломакина постигает неудача. Легко подняв 130, он дважды не может вырвать 135 килограммов, которыми уже овладел Мартин.

Воробьев вступил в состязание со 137,5. Мартин тут же поднимает этот снаряд и после двух упражнений

набирает в сумме 275 килограммов. У Ломакина — 287,5. Слово за Воробьевым. Он блестяще вырывает 142,5 килограмма и тем самым устанавливает новый олимпийский рекорд и выходит вперед.

Отважный свердловчанин, видно, уже и сам поверил, что во второй раз выиграет титул чемпиона Олимпийских игр, но хотелось закончить состязания красиво, с новым мировым рекордом в троеборье.

Толкнув 170 килограммов, Луис Мартин вышел на третье место, и его лицо озарилось улыбкой. Ломакин поднимает с первой попытки 170-килограммовую штангу, еще не потеряна надежда на победу, он ждет, что покажет товарищ по команде. А Воробьев четко, без видимого затруднения толкает 172,5 и хочет завершить борьбу с результатом 177,5 килограмма.

Вот он прощупывает запястье одной руки, другой, затем поправляет ремень и, вздохнув, берется за гриф. Проходит мгновение, и штанга на груди. Еще одно усилие, и атлет поднимется с нею. Но не так-то просто это сделать. Снаряд тянет спортсмена в сторону. Огромным усилием воли Воробьев удерживает его, встает и толкает с груди. Неточно... Кажется, вот-вот тяжесть обрушится на помост. Однако в последний момент на самом краю дощатого настила Воробьев ловит центр тяжести и фиксирует штангу над головой. Следует команда: «Опустить!»

Ломакин, видя, что достать соперника невозможно, идет на 180 килограммов, но при взятии штанги на грудь допускает ошибку — касается коленом помоста.

Дуэль закончилась победой Воробьева. Он набрал 472,5 килограмма. Это новый мировой рекорд!

Так за один вечер наши ветераны установили по мировому рекорду и принесли команде золотую и серебряную медали.

Перед началом состязаний тяжеловесов наша сборная имела 33 очка. У штангистов США было 25.

Знаменосец

Его рекорд феноменальный
Всех в изумление поверг.
И ныне даже кран порталный
На Юру смотрит снизу вверх!

Евг. Ильин

Олимпийский Рим увидел его, рослого, статного, в момент, когда он во главе колонны советских спортсменов вышел из ворот «Стадио Олимпико» для церемониального

марша. Атлет шагал впереди колонны с алым знаменем нашей Родины. Это было 25 августа 1960 года. Знамя Советского Союза несет Юрий Власов, спортсмен, которого журналисты назовут героем Римской олимпиады.

Боб Гоффман очень рассчитывал на успех своих тяжеловесов — Норберта Шеманского и Джима Бредфорда, надеялся, что они возьмут Власова в железные клещи. Не вышло!

На римском помосте Власов победил не только этих двух американских силачей. Он отобрал рекорд мира в толчке у Дэйва Ашмана, но самое главное — на 25 килограммов превысил мировое достижение в троеборье Пауля Андерсона. В течение семи часов колоссального нервного и мускульного напряжения наш богатырь уверенно соперничал с Шеманским и Бредфордом, ломая привычные представления о пределе физических возможностей человека.

Вот как это было.

Жим. Что-то беззвучно шепчет, подходя к 180-килограммовой штанге, черный исполин Джим Бредфорд. Он кажется в два раза крупнее Власова. Вес надо «взять», надо догнать русского, который только что гордо сошел с помоста, одолев эту огромную штангу. Бредфорд крестится и, склонившись над снарядом, замирает...

Рев потряс шарообразный свод «Палаццетто делло спорт», когда Джим плавно, словно домкратом, выдавил массивными руками штангу вверх.

Итак, лидеры Власов и Бредфорд, Шеманский отстал на 10 килограммов, но еще все впереди...

Рывок. Американцы в ударе — оба поднимают по полтора центнера. Это опасно. Шеманский, очень похожий на Власова и фигурой, и овалом лица, и цветом волос (даже очки у них одинаковые), не намерен проигрывать в рывке ни грамма. Однако советский атлет действует решительно и выхватывает 155 килограммов.

Этот рывок был предвестником грядущей победы. Блистательной победы!

Толчок. Он остался один — наш Власов, когда на световом табло вспыхнула цифра «195». Перед этим Шеманский безуспешно пытался обойти Бредфорда — толкал 192,5 килограмма. Американец боролся с американцем — русский был далеко впереди. В первой попытке Власов поднял 185-килограммовый снаряд — стал олимпийским чемпионом и рекордсменом мира. В сумме получилось 520 килограммов! Рекорд Андерсона пал. Но пал только официальный рекорд. Известно, что «крошка

Поль» поднимал и 533 килограмма. Победа будет неполной, если не удастся превзойти и это достижение.

Гудит потрясенный силой русского богатыря «Палаццетто»: 195 килограммов подняты блестяще. И тут вспыхивает цифра 202,5!

Если и эту штангу поднимет Юрий, то побьет рекорд Ашмана и превысит неофициальное мировое достижение Андерсона.

Диктору не нужно было просить тишины, когда Власов поднялся на помост. Тишина наступила такая, что слышно было, как скрипит магнезия между ладонями атлета. И вот «железо столкнулось с железом». Как коромысло, изогнулся стальной стержень под тяжестью стальных «блинов», и штанга послушно легла на грудь. Еще несколько томительных секунд невиданного мускульного напряжения, и снаряд замер сверху, над головой самого сильного человека планеты!

— Bravo. Брависсимо!!!

Римляне, обезумевшие от восторга, хлынули на арену и подняли на руки атлета. Буря радостных чувств бушевала в сердце каждого свидетеля триумфа Юрия Власова.

«Сверхчеловек» Пауль Андерсон превзойден обыкновенным и очень понятным человеком из России. 537,5 килограмма — вот каким стал рекорд Олимпийских игр и мира!

Атлет в алой майке стоял на пьедестале выше всех. На центральном флагштоке секунданты подняли знамя Советского Союза, справа и слева был флаг США. Под вспышками блицев Юрий Власов взял черную руку Бредфорда и белую Шеманского, соединил их и сверху положил свою. Как потом писали газеты: «Три большие ладони сплелись в одну, демонстрируя крепость олимпийской дружбы».

Было три часа ночи. По Риму легкой беззаботной походкой шел человек в красной майке с советским гербом. Утром, когда мир проснулся, миллионы людей узнали имя героя Римской олимпиады.

«Героem последнего дня состязаний тяжелоатлетов — а этот день можно с полным правом назвать самым блистательным из всех — был русский богатырь Юрий Власов. Именно он унаследовал золотые олимпийские лавры американского «подъемного крана» Пауля Андерсона. Установив олимпийские рекорды в жиме и рывке и показав из ряда вон выходящие результаты в толчке, Власов выступил еще лучше. После того как он в великолепном стиле поднял 202,5 килограмма, зал словно охватило общее безумие. Десятки зрителей бросились на помост и торжественно

унесли на руках русского триумфатора», — экстренно сообщило агентство Франс Пресс.

На другой день состоялась церемония закрытия Игр. Вновь во главе колонны советских олимпийцев шел Юрий Власов. Ликующие римляне, приветствуя нашу делегацию, адресовали свои самые горячие аплодисменты знаменосцу Юрию Власову.

«Русские, — писал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», — представили самую большую группу атлетически сложенных спортсменов. Их знаменосец Власов держал развевающийся над головой флаг в прямо вытянутой руке, в строго перпендикулярном положении. В течение десяти минут рука знаменосца ни разу не дрогнула».

«Золотой век» нашей тяжелой атлетики, по моему убеждению, начинается с выходом на мировую арену Юрия Власова. И до него советские богатыри завоевывали титулы чемпионов Европы, мира, Олимпийских игр, и до его прихода в сборную наша команда выигрывала одно мировое первенство за другим. Но нашим замечательным победам не хватало эффектной завершенности, особой убедительности. Американские атлеты при случае всегда могли напомнить, что самый могучий человек живет у них, в США. И неважно, что вместо штанги он поднимает стальные сейфы с долларами: в таблице мировых рекордов было имя Пауля Андерсона и стояло оно выше всех.

Я бы сказал, благодаря Власову после Рима начался «золотой век» и мировой штанги. Возникает небывалый интерес к атлетам, их жизни и делам. До этого, честно говоря, на штангистов смотрели, как на грузчиков, как на представителей грубой физической силы. А тут на олимпийский пьедестал поднялся не просто феноменальный силач, но интеллигентный человек, инженер, с которым можно поговорить и взять интервью не только на русском, но и на французском языке.

Юрий Власов превратился в кумира молодежи, и не только советской. В разных странах к тяжелой атлетике потянулись тысячи молодых людей. Силачи стали быстро входить в моду. В этом была заслуга и журналистов, которые печатным словом миллионными тиражами рассказывали о первом герое Римской олимпиады.

Сила с большой буквы

Рекорды бывают разные. Но смысл их один — движение вперед, к новым вершинам. Во всем, чем бы ни занимался человек, если он стремится жить и творить,

есть место рекордам. Мы с гордостью узнаем о рекордах наших лучших производственников, хлеборобов, восхищаемся достижениями космонавтов и отдаем дань уважения рекордсменам в спорте.

На Олимпиаде в Риме посланцы Советского Союза добились рекордного успеха — завоевали 43 золотые медали, оставив далеко позади делегацию спортсменов Соединенных Штатов Америки (34). В этой общекосмической победе была большая заслуга наших славных силачей. В Мельбурне они уступили американцам, соревнуясь «семь на семь». На римском помосте шесть советских атлетов легко обыграли полную команду — из семи штангистов — США. При этом наши богатыри установили 18 олимпийских, 8 всеозонных и 7 мировых рекордов!

«Сила с большой буквы! — так скажет спустя полгода после состязания в Риме наш главный «оппонент» Боб Гоффман и добавит: — Никто в мире не может сравниться в тяжелой атлетике с советскими штангистами в силе и мастерстве, я бы даже сказал, искусстве. Имея столько прекрасных чемпионов и рекордсменов, Советский Союз будет еще более могучим на тяжелоатлетической арене мира в будущем. Я часто пишу о том, что люблю тяжелую атлетику и штангистов. Теперь более чем когда-либо я люблю и восхищаюсь советскими штангистами. С 1946 года у нас было 20 разных встреч с тяжелоатлетами СССР. Мы знаем всех: Новака, Куценко, Амбарцумяна, Шатова, Божко, Касьяника, Попова (команда 1946 года), Пушкарева, Воробьева, Ломакина, Иванова, Стогова, Саксонова, Фархутдинова, Рыбака и многих других. Как они должны быть счастливы, проложив путь молодежи!»

Родина чествовала героев-олимпийцев. Много хорошего писали и говорили о победителях тяжелоатлетического турнира: Евгений Минаеве, Викторе Бушуеве, Александре Курынове, Аркадии Воробьеве, Юрии Власове. Каждый из них удостоился правительственных наград. Власову был вручен орден Ленина. Получая эту высокую награду, самый сильный человек планеты сказал: «Мы видим смысл наших достижений в борьбе за нового человека, прекрасного во всех отношениях».

В Москве состоялось торжественное заседание президиума Федерации тяжелой атлетики СССР, посвященное выступлению наших штангистов на XVII Олимпийских играх. Председатель федерации Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов в своем коротком докладе рассказал, как проходили олимпийские состязания в Риме, что способствовало исключительному успеху наших атлетов.

— Римский турнир штангистов можно по праву называть триумфом советской тяжелой атлетики,—говорил М. М. Громов.—И дело не только в завоеванных медалях и победных очках. Суть триумфа заключается в том, что наши атлеты вышли победителями в борьбе с превосходно подготовленным соперником. Американцы были блестяще тренированы. За исключением Пулскампа все они с полным основанием могли рассчитывать на олимпийское золото, но этого не случилось. Победил лишь один Винчи. Не случилось потому, что советские штангисты превзошли самих себя. Все вышли из состязаний с новыми рекордами!

Отдав должное чемпионам, Михаил Михайлович призвал спортсменов и тренеров не медля подумать о подготовке к Олимпиаде в Токио.

Да, времени терять было нельзя. Если раньше с нами соперничали только штангисты США, то теперь в некоторых весовых категориях появились атлеты мирового класса и в других странах. Особенно быстро прогрессировали силачи Польши, Венгрии и Японии. В польской сборной за Иренеушем Палинским стояли такие атлеты, как будущие чемпионы мира Вальдемар Башановский и Мариан Зелинский. Из японцев самым перспективным атлетом был коренастый Иосинобу Миякэ... За четыре года до встречи в Токио могли оправиться от поражения и американцы.

В ореоле славы

Около часа я месил глину в районе парка Фили, пробираясь от одной новостройки к другой. Каково же было мое огорчение, когда, разыскав квартиру Власова, услышал бесстрастный голос его жены: «А Юры нет...» Спускаясь по узкой лестнице, я подумал о том, что поступил опрометчиво, дав согласие организовать статью Власова о выступлении наших штангистов в Риме. Попробуй поймай его, побеседуй...

Отошел от дома на солидное расстояние и вдруг слышу: «Корреспондент, вернись!» Оглянулся—в форточке крупное белое лицо чемпиона.

— Ты не сердись, друг,—встречая меня, сказал Юрий.—Отбоя от журналистов нет. Раздевайся. Чаю хочешь?

За кухонным столом мы чаевничали, и Власов рассказывал о том, как он стал олимпийским чемпионом. На нем были потертые тренировочные брюки и белая полурукав-

ка. Задрав штанину, он показал несколько красно-синих пятен.

— Следы фурункулов, видишь? Из-за них чуть все не сорвалось. Пришлось сделать несколько уколов. А как выступал, сам знаешь. Об этом во все трубы трубят,—закончил рассказ о римских делах силач и поделился своими планами на будущее.

Тут я впервые узнал о том, что Власов не только большой книголюб, но и начинающий литератор. Он показал мне свои наброски, кое-что почитал и спросил: «Нравится?»

Что я мог ответить? Мой брат штангист—да еще какой штангист!—взялся за перо. Уже один этот факт мог привести меня в восторг. Я понял, что за Власова ничего писать не надо. И все же, расставаясь, мы договорились, что статью к печати подготовлю я и потом привезу ее завизировать.

Неделю я «охотился» за чемпионом, а он мотался по разным организациям, учреждениям, институтам, школам, заводам... Однажды узнал адрес школы, где он должен выступать вечером. Примчался туда—сотни детишек ждут Юрия Власова. Оказалось, что он немного задержится в гостях у воинов. Я взял на себя роль конферансье, который в ожидании опаздывающих «звезд» забавляет публику старыми анекдотами. Прошел час, другой, а Власова все не было. Наконец, приехал, веселый, сияющий с олимпийской медалью. Пустил эту медаль по рядам, призвал ребят заниматься спортом, немного рассказал о себе, и мы помчались в Московский энергетический институт, где был вечер встречи с интересными людьми. Там Власова ждали, пожалуй, с большим нетерпением, чем любого артиста или ученого. Встретили с цветами и немедленно предоставили трибуну.

Велико было обаяние этого человека. Вместо десяти регламентированных минут чемпион говорил около часа. За кулисами разгорелся скандал: артисты угрожали уехать. Певица Гелена Великанова пошла к выходу. Ведущий умоляюще упрасивал (на весь зал): «Юрий Петрович, ваше время истекло!!!» Но студенты не отпускали атлета с трибуны.

— Рассказывайте,—раздавались дружные возгласы.

Власов, повернувшись к ведущему, приложил руку к груди и сказал: «Простите, но глас народа—глас божий!»

И он рассказывал о себе, о штанге, об атлетах. Отвечал на десятки вопросов...

— ...Часто спрашивают, могу ли я согнуть в трубочку

медный пятак, сломать подкову. Разочарую вас. Никогда не пробовал этого делать.

Почти все интересуются: «Как стать сильным?» Вопрос серьезный. Исчерпывающе не ответишь. Во всяком случае, легче всего силу приобрести в спортивном зале. Если такой возможности нет, можно обзавестись дома гантелями, гирями или предметами, их заменяющими, и заниматься с ними по существующим пособиям. Это вполне доступно для всех. Кстати, я тоже начинал с гантельной гимнастики. Получалось совсем неплохо. Важно только систематически, не поддаваясь лени, упрямо тренироваться.

— Как сумели так быстро добиться славы?

— Вопрос непонятный, пожалуй, даже нелепый. Всегда тренировался с единственной мечтой о победе, не думая о ее других сторонах. Мой путь к успеху в Риме был не таким уж коротким и прямым. Семь лет тренировок. Семь лет упорного труда, иногда очень тяжелого. Семь лет жил интересами работы и спорта. Времени не всегда хватало на остальное. А неудачи, другие заботы, бесконечно следующие одна за другой? Нет, для меня этот путь не быстрый, не легкий.

— Есть ли предел человеческой силе?

— Вероятно, как и разум, она беспредельна. Только со временем рост результатов будет протекать не столь бурно.

— Назовите примерные цифры высшего достижения штангистов тяжелого веса в будущем, в очень далеком будущем.

— Мне кажется, оно будет колебаться где-то в пределах 600—630 килограммов. Результат вполне реальный. Каждый день приносит людям новые познания об окружающем нас мире и о нас самих. Совершенствуются упражнения, в основном методика, постепенно открываются тайны человеческого организма. Впервые по-настоящему изучаются тренировки. Спорт оформляется в науку со всем комплексом сложных знаний: медицины, химии, механики, педагогики с рядом сложных психологических вопросов. Бесконечна работа мысли. Бесконечны познания, которые она приносит. Беспредельны и человеческие возможности, в том числе и физические.

Глава пятая

СИЛА — ДЛЯ ДЕЛА ДОБРОГО

... Сила мышц, словно сливаясь с силой воли, образует ту самую необыкновенную, непостижимую «третью» силу, которая помогает спортсменам устанавливать феноменальные мировые рекорды. Ту силу, которую находят в себе люди, перешагнувшие рубеж, доселе считавшийся недостижимым.

Из высказывания летчика-испытателя
Героя Советского Союза Георгия
Мосолова

Всего четыре года отделяют одну Спартакиаду народов СССР от другой. Невелик срок, но сколько новых талантливых штангистов дают нам эти годы, как существенно преобразается лицо всей тяжелой атлетики!

I Спартакиада народов СССР не знала Юрия Власова. В тот далекий 1956 год юный слушатель Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского жил лишь мечтой о большом помосте. Верховодил в тяжелом весе Алексей Медведев, который готовился к штурму 500-килограммового барьера.

На высшей ступени почета II Спартакиады народов СССР улыбающийся Власов — чемпион и рекордсмен. Через год его провозгласили героем Римской олимпиады, самым сильным человеком планеты.

III Спартакиада народов СССР 1963 года. Снова первый Власов. Думаю, на меня не обидятся славные представители других видов спорта, если я скажу, что первыми героями финальных соревнований Спартакиад народов СССР всегда были тяжелоатлеты. Полистайте страницы истории, и вы убедитесь в том, что именно штангисты своими замечательными достижениями — рекордами страны и мира — создают истинно праздничную атмосферу на всех Спартакиадах.

Богатырская щедрость

Власов готов был разразиться рекордами, он намного стал сильнее, хотя за 1961 год в собственном весе прибавил лишь килограмм. Однако на Венском чемпионате мира рекордные веса не подчинились атлету. И все же

Австрию он покинул с новым рекордом: в пригороде Вены, местечке Швехот, Юрий поднял 208 килограммов.

Год подходил к концу, и его нужно было завершить чем-то из ряда вон выходящим, сенсационным. Без этого Власов — не Власов.

22 декабря. Последний день командного чемпионата страны в Днепропетровске. Началось все вроде бы с неудачи, а закончилось всеобщим ликованием.

— Невезучий я в жиме, опять не взял,— говорил Власов, разматывая бинты на запястьях после того, как не сумел побить последний рекорд Андерсона — рекорд в жиме — 185,5 килограмма. — Сила есть, а жим не получается. И такое странное состояние: хлопок судьи меня испугнул. А рывок, чувствую, пойдет — ноги свежие.

Рывок и в самом деле получился великолепный — 160: побит рекорд мира Норберта Шеманского, сделана заявка на мировое достижение в троеборье. Только бы толчок не заартачился.

— Теперь один рекорд Андерсона остался. Вот, черт, живучий, — весело сказал окружающим атлет, предвкушая прелесть блестящей концовки. — Публика здорово принимает. Просто хочется отблагодарить ее...

Для начала Власов толкает 200 килограммов. Это дает новое мировое достижение в сумме — 540! Но олимпийский чемпион был очень «жаден»...

— Дорогу, дорогу... — слышался возбужденный шепот, когда Юрий пошел поднимать 210-килограммовую штангу.

Потом он стоял под штангой и улыбался, а зал бушевал от восторга... 210 дали в сумме 550!

И тут, когда триумфатор опустил снаряд, произошло довольно символическое событие. На сцену выбежал только что ставший «пятисотником» молодой украинец Леонид Жаботинский и, взяв рекордсмена на руки, унес его за кулисы.

— Надорвешься, Леня, — крикнул кто-то вдогонку.

— Ничего... осилю.

— Вот так, Леонид, ты когда-нибудь вынесешь меня из спорта, — смеясь, пошутил ликующий чемпион.

А зрители все скандировали: «Вла-сов, Вла-сов, Вла-сов!»... Прощаясь с днепропетровцами, атлет снова вышел на сцену, поклонился, прижав ладонь к груди, и сказал:

— Я не знаю, что сказать. Я спел бы вам, если бы умел петь...

...Ему надо было отдохнуть, отвлечься от штанги, а он продолжал увеличивать тренировочные нагрузки. И не писать Власов уже не мог.

— Если бы не штанга, всего себя отдал литературе. Верить? — спрашивал Юрий.

Как было не верить этому большому человеку. Я видел, что лавры чемпиона для него уже не самое главное.

Но вот за океаном послышался голос Андерсона — он бросил вызов нашему чемпиону. Не колеблясь, Власов принял этот вызов. Тренировки, тренировки... до звона в голове, до боли в мышцах. Журналисты вновь атакуют самого сильного человека. Они буквально осаждают зал тяжелой атлетики ЦСКА.

Второго апреля 1962 года в спортивном зале Московского энергетического института пал последний рекорд Андерсона — с первой попытки Власов неописуемо красиво и необычайно легко выжал 186-килограммовый снаряд.

— Это мой первый жим из всех жимов, — сказал рекордсмен.

После этого события от Андерсона ни слуху ни духу. Почувствовав себя в безопасности, Юрий успокоился и на чемпионате мира 1962 года, который проходил в Будапеште, чуть было не лишился титула самого сильного.

«Старик» Шеманский (откуда у него взялись силы?) толкнул 195 килограммов и повторил римский результат Власова — 537,5(!). Наш атлет был явно не в форме: после двух упражнений он проиграл американцу 10 килограммов, и, чтобы отстоять титул чемпиона, ему нужно было поднять 207,5 килограмма. К счастью, поднял.

15 июня 1963 года: впервые в мире по всем правилам человек выжал 190 килограммов. Это было на тренировке в ЦСКА.

— Теперь я могу принять вызов хоть самого дьявола, никто мне не страшен, — рассмеялся Юрий.

Счастье делает людей беспечными. После него всегда случается что-то неприятное, приводящее нас в чувство.

...Играл гимн в честь победы Юрия Власова на спартакиадном помосте, а он вдруг, закусив губу, сошел с пьедестала и удалился за кулисы, закрывая лицо букетом цветов, который ему только что вручили девушки как чемпиону. Потом он, успокоившись, вернулся, поблагодарил москвичей и сказал, прощаясь с ними:

— Это было мое последнее выступление...

Тренеры сборной не на шутку перепугались публичным заявлением Власова, что он оставляет штангу. Жаботинский не готов был к поединкам с американскими атлетами, особенно с Норбертом Шеманским. Приближался чемпионат мира в Стокгольме и нужно было немедленно уговорить Власова остаться на помосте.

...В «Эриксдальсхалле» гремела овация, а Юрий Власов целовал маленькие диски, которые снял с только что покоренной штанги. Тут же ассистенты преподнесли атлету четыре фанерные цифры, означавшие новый мировой рекорд,—212,5 килограмма. И в сумме получился великолепный результат—557,5 килограмма! И снова Власов улыбался.

Улыбался и Жаботинский. Украинский гигант неплохо «размялся»—покорил мировой рекорд в рывке—167,5 килограмма и впервые поднялся на мировой пьедестал. Третья ступенька его не смущала—для начала и она годилась.

Любопытно, что восхождение Жаботинского не воспринималось всерьез. Все так уверовали в непобедимость олимпийского чемпиона, что прочили ему первенство на многие годы вперед. Никто не осмеливался назвать Жаботинского даже потенциальным соперником Власова.

Но у первого богатыря Украины были свои честолюбивые планы, осуществить которые он намеревался в год Токийской олимпиады.

Власов или Жаботинский?

...Был душный августовский день. Мы ели астраханский арбуз и фотографировались на память. Рядом, под крышей теннисного корта «Шахтер» время от времени глухо ухала штанга. Тяжелоатлеты боролись за звание чемпиона Спартакиады народов СССР 1959 года.

День был ничем не примечательный. Но я его запомнил. Вспоминает о нем и Леонид Жаботинский. Когда мы встречаемся, он иногда спрашивает: «А помнишь, когда мы ели арбуз?»

В тот день между мной и Леонидом, то есть корреспондентом и молодым силачом, состоялся разговор о смысле жизни, о дружбе и товариществе. Леониду нужно было кому-то излить душу, поплакаться в жилетку. Что-то пошатнулось в его жизни, неприятность шла за неприятностью. Поползли слухи: мол, здоров парень, но ветер в голове.

До Леонида доходили эти слухи и очень его обижали. Он жаждал поощрения, а выслушивал лишь упреки и наставления. На какое-то время юный гигант (он весил тогда 129 килограммов) растерялся и хотел даже бежать от штанги. (Тренеры по легкой атлетике сулили ему большое будущее в толкании ядра.)

— Вот увидишь,—сказал он, вытирая большое потное лицо,—Ленька еще удивит.

И он удивил, удивил весь спортивный мир.

...Трудно предположить, кем бы был Леонид, если бы осенью 1953 года он не встретился с тренером штангистов Харьковского тракторного завода мастером спорта М. П. Светличным. И встретился он с ним случайно. Леониду было 15 лет, а он уже не признавал авторитетов, считал себя вполне самостоятельным человеком. Эта самостоятельность привела его к тому, что ему пришлось оставить школу... Отец его—Иван Филиппович Жаботинский—работал металлистом. Человек большой трудовой жизни по-всякому толковал с сыном—и по-хорошему, и по-плохому. Ремень часто гулял по широкой Ленькиной спине, но вразумить хлопча отец не мог.

Это сделал Михаил Петрович Светличный, который слыл среди своих коллег-тренеров чудачком. Бывший пограничник, прошедший войну, Светличный обучал мальчишек и взрослых тяжелоатлетическому искусству и... сочинял стихи. Когда ему казалось, что стихи удались, он их читал своим ученикам. В секции Светличного порядок был образцовый. Каждый атлет выполнял определенные обязанности: одни выпускали стенную газету, другие следили за исправностью оборудования, третьи, что поопытнее, помогали тренеру обучать новичков. Вот в такой сплоченный коллектив попал будущий чемпион чемпионов.

— Видишь, сколько «железа»,—сказал Михаил Петрович новобранцу,—балуйся, сколько угодно!

Уже на первой тренировке тренер понял, что ему удалось сделать открытие необыкновенного таланта. Он ничего не сказал новичку, а про себя подумал: «С такими ногами, как у этого мальчугана, можно поднимать не штангу, а целые вагоны».

Однако не подумайте, что Леонид сразу же стал первым силачом в секции. Он весил около 70 килограммов и поднимал лишь 50-килограммовую штангу.

Светличный не спешил готовить из Жаботинского рекордсмена. В первые годы тренировок Леонид не столько поднимал штангу, сколько бегал, прыгал, толкал ядро, метал диск. Технику классических упражнений он изучал с легкой штангой. Такая методика была необычной по тому времени, еще не было никаких рекомендаций, как обучать подростков. В тяжелоатлетические секции принимали только с 16 лет.

Однако Светличный выбрал для своего ученика самый правильный путь к силе, хотя он оказался очень длинным.

Результаты Жаботинского росли по мере увеличения его собственного веса. Вот некоторые любопытные цифры: 18 декабря 1953 года Жаботинский, выступая в полутяжелом весе на первенстве областного совета «Торпедо» — первые соревнования в жизни, — набрал в троеборье 170 килограммов: жим — 50, рывок — 50, толчок — 70. Сам весил 82,6 килограмма. Через два года вес Жаботинского увеличился до 110 килограммов, и он на первенстве Харьковской области показал в троеборье 320 килограммов; 1956 год был для Леонида очень удачным — атлет поправился еще на 10 килограммов и приплюсовал к сумме еще 60 килограммов; в 1958 году двадцатилетний тяжелоатлет становится мастером спорта и рекордсменом Украины.

Этот ошеломляющий прогресс в какой-то мере вскружил голову спортсмену. Он думал, что и дальше пойдет семимильными шагами к мировым вершинам. Но следующий сезон для Леонида оказался удручающим. Его достижения увеличились лишь на 5 килограммов. Не вырос и собственный вес. Не принес атлету успеха и олимпийский год — 1960-й.

Дело пошло на лад, когда Жаботинский переехал в Запорожье. Вот что он вспоминает о том времени:

— В Харькове я вырос, на тракторном заводе стал квалифицированным токарем, закончил вечернюю школу. В Харькове я стал студентом педагогического института. Потянуло к свободе, захотел строить свое будущее самостоятельно. Когда переехал в Запорожье, то был предоставлен «сам себе» и, откровенно говоря, перестал тренироваться интенсивно. И тут я убедился, как много значит в жизни рука настоящего друга — даже в том случае, если это маленькая нежная рука девушки. Мы познакомились на концерте. Девушка невысокая, хрупкая, я шутя поднимал ее одной рукой. Но именно она вдохнула в меня уверенность. Мне захотелось тренироваться много и упорно. Я стал спешить в спортзал, как на свидание. По вечерам мы с Раем, она стала моей женой, посещали концерты, ходили в театр и кино.

Вскоре я оценил пользу перемены в моей личной жизни. Это и помогло мне в Днепропетровске легко одолеть 500-килограммовый рубеж.

Однако в то время Жаботинскому до результатов Власова было так далеко, как от земли до неба. Олимпийский чемпион никого не опасался. Более того, он щедро делился своим опытом, его очерки и статьи, обращенные к молодым силачам, имели большое воспитательное значение. Власов первый провозгласил: «Сила, подобно разуму, может развиваться беспредельно».

И ему поверили. Особенно Жаботинский. Каждая тренировка отнимала много сил, но от этого атлет становился опытнее и сильнее. Быстро рос собственный вес Леонида, росли и его достижения...

В марте 1964 года Жаботинский приехал в Москву для участия в международных соревнованиях. Атлет имел намерение победить Власова, но ему пришлось сражаться лишь с его рекордами.

Перед началом международного турнира я встретился с Жаботинским в номере гостиницы. У него, как свойственно почти всем сильным людям, было добродушное настроение.

— Приезжай, Руслана моего увидишь. Ох, и парень растет! Вот послушай, что Рая пишет...

Жаботинский взял письмо и стал читать: «Ты уехал, и Руслан не находит себе места. Вчера пустила его в твою комнату, так он поцеловал тебя на фотографии...»

— Это же надо — какой парень растет! Понял, как он папку любит!

— Ну, сколько думаешь поднять?

— Тебе за меня не стыдно будет, а сколько — сам увидишь.

В тот радостный вечер для всех любителей тяжелоатлетического спорта Леонид Жаботинский поднял над головой штангу весом в 213 килограммов и завладел абсолютным мировым рекордом в троеборье. Он завершил свое яркое выступление с отличной суммой — 560 килограммов! Даже не верилось, что все это было наяву.

После соревнований мне хотелось пожать руку Леониду, но, увы, — к нему было не подступиться. Он находился в плену у бесчисленных поклонников силы и испытывал, по-видимому, величайшее наслаждение, старательно выводя на каждом протянутом листке цифру «560» и фамилию: «Л. Жаботинский». Леонид явно упивался своим триумфом, и «плен» его не тяготил. Давно он ждал этой минуты...

Власова не было во Дворце спорта «Крылья Советов», когда зрители приветствовали успех Жаботинского. И он не видел, с какой легкостью, прямо-таки играючи, украинский силач завладел высшими достижениями. Это была хорошая заявка на олимпийское «золото».

Для сборной команды СССР, которая готовилась к Токийской олимпиаде, были одинаково дороги и Власов, и Жаботинский. Мы верили, что наши чудо-богатыри — непобедимы.

Великий стимул прогресса — добрая конкуренция! Своими рекордами Жаботинский привел Власова в боевое

состояние. Он выигрывает чемпионат Европы, проходивший в Москве, с мировым достижением в троеборье, а за месяц до начала олимпийского турнира, выступая в Подольске, устраивает фейерверк из абсолютных рекордов в жиме, рывке, толчке и сумме. Потолок мирового рекорда Юрий поднял до 580 килограммов, о чем тогда никто и не мечтал.

— Теперь я спокоен, по крайней мере, на год, — сказал удовлетворенно Власов на импровизированной пресс-конференции.

Однако феноменальные достижения Юрия ничуть не смущали Леонида. Правда, он был не сильнее рекордсмена, но и не слабее, чего герой Рима не признавал.

Итак, Токио, XVIII Олимпийские игры.

— Кто же победит — Власов или Жаботинский?

— Шеманский! — убежденно отвечал Боб Гоффман, все еще надеясь вернуть США титул самого сильного. Кстати, в интервью корреспонденту газеты «Экип» меценат американских штангистов заявил, что на этот раз советским атлетам достанется только два чемпионских титула.

Ошибся «старина» из города Йорка. Уже в первый день олимпийского турнира в зале «Сибуйя» прозвучал Гимн СССР.

Шахтерский «уголек»

Про него не скажешь — косая сажень в плечах. Не вышел Алексей Вахонин и ростом. Словом, с виду — не богатырь.

После удачных выступлений он не терпит одиночества. Ходит, выпятив грудь, локти в стороны, ищет приятного собеседника.

Алексей Иванович Вахонин человек рабочий, с большим трудовым стажем. Еще подростком «вкалывал», как любит он вспоминать, грузчиком на Гурьевском металлургическом заводе. Потом работал слесарем по ремонту шахтного оборудования в Белове, потом перевелся в Киселевск, где добывал уголь на шахте № 4-6...

Писал я и о победах Вахонина, и о поражениях, печатал в газетах и журналах очерки, зарисовки. Но при встречах чего-нибудь снова уточнял. Однажды, находясь в особо удовлетворенном состоянии, желая поговорить «за жизнь», Алексей Иванович спросил:

— Писать собираешься? Пиши. Обо мне и роман написать можно...

Тяжелый наш спорт. Может, потому и называется тяжелая атлетика. И к тому же не очень эмоциональный. А рекорды баснословные — попробуй — доберись до них. Выйти в мировые чемпионы, пожалуй, не менее трудно, чем стать выдающимся актером, признанным ученым или известным литератором. Тяжелоатлетические «звезды» так же редки, как, скажем, Шалапины, Шолоховы, Смоктуновские. Белоручкам не по зубам наш спорт, рекордные килограммы их отпугивают.

...Соревнования близились к финишу. В Народном доме Сибуйя, на который были настроены все телевизоры Японии, кипели тяжелоатлетические страсти. Хозяева Олимпиады только что поздравили с мировым рекордом в рывке 20-летнего студента Сиро Исиносэки. Однако впереди был «железный венгр» Имре Фельди. Этот волевой силач героически толкает 137,5 килограмма, и друзья по команде уносят своего маленького Имре с помоста на руках: есть новый рекорд мира в троеборье — 355 килограммов!

— Тебе, Алексей, предстоит толкать 142,5! На три килограмма больше рекорда, — жарко шепчет Вахонину главный тренер советских штангистов Аркадий Никитич Воробьев.

— Сколько надо, столько и подниму, — ответил атлет.

— Вот это мужской разговор. Готовься, — обрадовался Воробьев.

Не очень верилось в торжество Вахонина, но он укротил рекордную штангу — толкнул ее. Да как толкнул! После команды арбитра «Опустить!» атлет позволил себе даже шутку: удерживая снаряд над головой, он остался на правой ноге и почесал ее носком левой ноги. Вот, мол, смотрите, как надо выигрывать — на одной ноге.

А потом девушка в расшитом золотом кимоно подошла к пьедесталу, губернатор Токио господин Адзума взял у нее с лакированного деревянного подноса золотую медаль, первую медаль, разыгранную на XVIII Олимпийских играх, и вручил этот драгоценнейший приз советскому шахтеру.

В честь победы Алексея Вахонина поют фанфары, раздвигается шелковый занавес за помостом и медленно поднимается алое знамя нашей Родины...

И еще в тот вечер была незабываемая торжественная церемония. У «околицы» олимпийской деревни Вахонина встретили все наши олимпийцы, и руководитель делегации Юрий Машин вручил Алексею золотую медаль за выдающиеся спортивные достижения и знак заслуженного мастера спорта СССР.

А на другой день утром буквально вся Япония говорила о первом из 163 победителей Токийской олимпиады. Имя Алексея Вахонина тысячекратно повторено радио и телевидением. Его фотография на первых полосах всех токийских газет.

«Русский Кинтаро» — так окрестила Алексея Вахонина токийская пресса. В устах японцев нет и не может быть высшей похвалы. Сказочный силач Кинтаро мог поспорить в силе с медведем, чистый и светлый духом, справедливый и трудолюбивый. И кто бы сейчас мог поверить в то, что, когда появился на свет этот мальчонка, соседские кумушки, не уговариваясь, изрекли: «Не жилец малый, лягушонка меньше...» Отец новорожденного — сухощавый кряжистый Иван успокаивал жену: «Не убивайся, выходим, доктора помогут...»

Но и врачи помогали мало. Малыш болел рахитом, ходить научился лишь на пятом году. И это только начало испытаний.

Алеше едва исполнилось восемь лет, как с фронта пришла страшная весть: погиб смертью храбрых отец. Жилось плохо, а стало совсем невмоготу. Видно, поэтому в наших беседах, много рассказывая о себе, Алексей обычно избегал возвращаться в детство.

Поздравления шли отовсюду.

— Расскажите советским людям, что победе Алексея Вахонина вместе с соотечественниками радуются и его японские братья по классу, товарищи по горняцкому ремеслу, — просили советских журналистов рабочие шахтерского города Омута на юге Японии.

В корпункт «Правды» позвонили из профсоюза шахт Минке, известного славными традициями борьбы за интересы трудящихся.

— Мы взволнованы, рады и горды, — сказал кадровый угольщик Ямасита, — потому что знаем, как много делается в социалистической стране для блага рабочего человека, для его всестороннего развития.

«Сила таких спортсменов, как ваш Алексей Вахонин, служит добру. Это добрая сила трудового человека самой миролюбивой страны» — так говорили наши японские друзья на встрече с олимпийцами.

* * *

И снова — зал «Сибуйя». Трибуны переполнены. Это и понятно: в полулегком весе выступает любимец Японии чемпион мира Иосинобу Миякэ и его соотечественник Хироси Фукуда. Единственный, кто может с ними соперничать, американец Исаак Бергер заранее заявил, что на

«золото» не претендует. От сборной СССР нет участника. Нам выгоднее было выставить двух атлетов в тяжелой категории — Власова и Жаботинского.

Соревнуясь в жиме, лидеры продемонстрировали высокий класс. Безупречно они выполняли и рывок. Особенно Миякэ. Он в отличном стиле взметнул вверх 122,5 килограмма, повторив свой рекорд мира.

Толчок хозяин помоста начал со 145 килограммов. Потом он поднял 150 и 152,5 килограмма. В итоге получилась отличная сумма — 397,5 килограмма!

— Я очень счастлив! — признался Миякэ, принимая поздравления. — Все хорошо!

432,5 килограмма и 350 граммов

Мы знали, что у нашего Владимира Каплунова будут в Токио более грозные соперники, чем у любого из атлетов, и поэтому были готовы ко всему.

Польский дуэт легковесов — Вальдемар Башановский и Мариан Зелинский — известен не только рекордными килограммами. Эти спортсмены прославились своей удивительной стойкостью и боевитостью. После взвешивания капитан Войска Польского прославленный силач Зелинский закутался в теплый халат и не спеша ушел в комнату отдыха. На его лице не было и тени озабоченности. По-видимому, атлет чувствовал себя так же уверенно, как и пять лет назад, когда у себя в Варшаве впервые завоевал титул чемпиона мира.

Уравновешеннее, чем на прошлогоднем чемпионате в Стокгольме, выглядел и Башановский. Может быть, сказалось содружество с польским психологом Павлом Родкевичем, который в тренировку Башановского включил метод «самовнушения»? Этот метод, между прочим, придал силы и другому польскому штангисту — Мечиславу Новаку, который накануне превзошел свои возможности и завладел бронзовой медалью в соревнованиях полулегковесов...

Уже почти все спортсмены закончили состязания в жиме, а Каплунов и Зелинский еще не выходили из разминочного зала. К весу 127,5 вызывается американец Антони Гарси. Атлет мужественно одолевает тяжесть и устанавливает новый олимпийский рекорд. Однако это достижение просуществовало недолго. Главный претендент на золотую медаль Башановский выжимает 132,5 килограмма. С таким результатом он вполне может бороться за первенство.

Каплунов для начального подхода заказал 135. Можно представить волнение наших тренеров. Никогда и никто в международных состязаниях не начинал борьбу с такого громадного веса. Но атлет не дрогнул. Он с решимостью вышел на помост и уверенно выжал штангу на прямые руки. А затем Каплунов справляется и со 140-килограммовым весом, повторяя тем самым рекорд мира. Но не сдается второй польский атлет — Зелинский. Он тоже идет к 140 и поднимает снаряд над головой.

Быстро пролетели минуты отдыха. Каплунов и Зелинский приступили к разминке, а Башановский еще прохладается. Ему некуда торопиться. В рывке он чувствует себя увереннее соперников. Он начнет состязания со 127,5, то есть с такого веса, который еще ни разу не подчинялся ни Каплунову, ни Зелинскому.

За Каплуновым ухаживают все тренеры сборной команды, массажист готовит его к выполнению решающего рывка. Атлет во что бы то ни стало должен вырвать 127,5 килограмма. И он сделал это блестяще.

А Башановский поднял 132,5 и 135, что на 2,5 килограмма выше мирового рекорда, принадлежащего ему же. Зелинский в этом упражнении выступил неудачно и, остановившись на 120, фактически выбыл из борьбы за золотую медаль.

Итак, Башановский ликвидировал разрыв, догнал Каплунова. Теперь все должен был решить толчок — третье завершающее упражнение.

Наш спортсмен проявил завидную волю к победе. Он начал состязание со 160, потом так легко толкнул 165, что привел в восхищение всех зрителей. Диктор объявил о рождении нового мирового рекорда в сумме троеборья — 432,5 килограмма!

Но радоваться было рано. К поединку со штангой сосредоточенно готовился Башановский, через три минуты он тоже толкнул 165 и повторил результат Каплунова.

Кто же рекордсмен? Кто чемпион? Этот вопрос решили весы. Решили не в нашу пользу: Каплунов был на 350 граммов тяжелее Башановского.

Третье место с результатом 420 килограммов занял Зелинский, который пытался выйти вперед, штурмуя снаряд весом в 172,5 килограмма. (До этого он толкнул 160.) Последнюю попытку отвоевать золотую медаль предпринял и Каплунов. Он держал над головой 167,5, но не дождался команды судьи «Опустить!».

Отважный офицер из Хабаровска получил серебряную медаль, но ее без натяжки можно назвать и золотой: силы-то были равными.

А на другой день «серебряным» оказался ученик Каплунова — Виктор Куренцов. С полным основанием мы рассчитывали на выигрыш Виктора. Атлет одержал серию блистательных побед в различных соревнованиях, несколько раз обновлял всесоюзные и мировые рекорды. Мы надеялись, что Куренцов продолжит список наших олимпийских чемпионов в полусреднем весе. Напомню, что впервые советские штангисты выиграли «золото» в этой категории на Олимпиаде в Мельбурне. Ленинградец Федор Богдановский победил американца Питера Джорджа. Тогда тренеры сборной США вернули в полусредний вес Томми Коно, однако на Олимпийских играх в Риме и он проиграл.

За последние четыре года у нас появилась целая плеяда талантливых полусредневесов, среди которых лучшим, бесспорно, был Куренцов. Это исключительно волевой спортсмен. В июне двадцатилетний атлет из Хабаровского края завоевал титул чемпиона Европы. А в Токио на его выступлении, по-видимому, сказалось отсутствие опыта борьбы в столь крупных международных соревнованиях.

...На взвешивании он приветливо улыбался, шутил. Впрочем, и его главный соперник чехословацкий атлет Ханс Здражила тоже был в хорошем настроении. Даже как-то не верилось, что через час между ними разгорится острая борьба за олимпийское первенство.

Был еще один претендент на «золото»: японский богатырь Масахи Оути не скрывал, что намерен составить конкуренцию прославленным полусредневесам по крайней мере в жиме.

Разминка длилась недолго. Атлеты один за другим покидали помещение, в котором стоял терпкий запах растирок самых различных фирм. Поутих звон металла.

Все внимание сосредоточено на арене, где возвышается помост. На штанге огромный вес — 130 килограммов, а соревнования продолжают еще семь атлетов. Первым уходит на отдых Здражила. Он выжимает 130, теперь он вполне может рассчитывать на золотую медаль, так как в темповых упражнениях ему нет равных.

Но победа Здражила во многом зависит от выступления Куренцова. Наш спортсмен фиксирует 135 килограммов. Столько же выжимает Вернер Дитрих из команды ГДР. Этот вес оказывается под силу и венгерскому атлету, второму призеру чемпионата мира Михаю Хуске. А японцу Оути после 135 удастся выжать даже 140 килограммов. Эту же тяжесть во что бы то ни стало

нужно покорить и Куренцову, но ему не удастся развить успех...

Тревожный сигнал. Но рекордсмен мира не унывает. Он спокойно разминается, чтобы четко выполнить рывок.

— Еще резче, еще сильнее, — подсказывает своему ученику Владимир Каплунов, — и все будет в порядке.

Как ни старался Куренцов, но ему пришлось остановиться на 130. Этот вес с первой попытки вырвал Здражила, затем он поднял и 135. У штанги — Оути. И японец выполняет рывок блестяще.

Здражила просит установить 137,5, что на 5 килограммов выше олимпийского рекорда Курынова. Непонятно, что помогает этому слишком высокому спортсмену справляться с огромными тяжестями. Он без напряжения способом «разножка» красиво вырвал 137,5 и легко поднялся из подседа. Так Здражила на 2,5 килограмма обошел Куренцова. Но лидер не он. Впереди Оути. У него в сумме двух упражнений 275, то есть на 10 килограммов больше, чем у Куренцова.

Теперь нашему спортсмену приходится бороться не только за «золото». Он должен следить за тремя соперниками, чтобы не остаться вообще без медали. Вот как драматично, совсем неожиданно для нас и для самого Куренцова сложились соревнования.

Наши тренеры срочно прикинули, каковы возможности соперников Виктора. Загадкой был японец — никто не знал, сколько он толкает. Куренцов мог его обойти только в том случае, если поднимет штангу на 12,5 килограмма больше, чем осилит Оути. В то же время еще была надежда, что наш чемпион победит и Здражилу. Правда, чехословацкий атлет ничуть не хуже Виктора выполнял толчок. На состязаниях в Польше перед Токио Здражила превысил рекорд мира — поднял 177,5 килограмма. Но собственный вес спортсмена оказался выше нормы. Если и здесь Здражила толкнет 177,5, то Куренцову придется штурмовать 180.

Все эти расчеты и прогнозы велись, пока атлеты отдыхали. Но вот зрители вновь потянулись к арене борьбы. К толчку приступили лидеры. Как ни подбадривали японцы своего соотечественника Оути, ему пришлось довольствоваться скромным результатом — 162,5. Атлет закончил состязание с новым рекордом Японии — 437,5.

Со 170 килограммов вступили в борьбу Куренцов и Здражила. Потом они подняли по 175, установив тем самым новый олимпийский рекорд. Этот вес для Куренцова оказался предельным, а Здражила толкнул и 177,5. Новый мировой рекорд и золотая медаль!

Куренцов первым поздравил счастливого соперника слесаря-водопроводчика из Праги. Ну, как не поздравить такого сильного парня, который повторил твой мировой рекорд — 445 килограммов?!

— Каждый атлет волнуется перед выступлением, — говорю я Здражиле.

— Неправда! — возражает олимпийский чемпион. — Я не волнуюсь. У меня нет нервов!

Может, и правда Ханс не имеет нервов? И в самом деле, этот нестигаемый чехословацкий атлет чем-то отличается от других штангистов. Он выходит на помост с таким видом, будто спрашивает: «Ну, кого здесь нужно поколотить?» А потом, не раздумывая, хватает штангу, вскидывает ее вверх и под аплодисменты уходит. Уходит, как бы говоря: «Что, видели, как я с ней расправился? Я и не это могу!»

Эмблема мужества

...Рудольфу шел 37-й год. Он выглядел даже старше, и некоторые говорили, что в Токио Плюкфельдеру делать нечего: все равно, мол, победит венгр Дьёзе Вереш. Рудольф слышал эти высказывания, но не спорил. Зачем? Свою правоту атлет привык доказывать делами.

Ему нелегко доставались спортивные победы. 11 лет он поднимал штангу в маленьком сибирском городке Киселевске, прежде чем стал чемпионом и рекордсменом мира. Перед Римской олимпиадой он был самым сильным атлетом среднего веса. Когда штангисты собирались в Рим, знатоки говорили, что золотая медаль у Рудольфа в кармане. Но он заболел и на помост не вышел. Возвратился Рудольф в Киселевск ни с чем. Это был тяжелый удар. Но Плюкфельдер испытывал и не такое...

...Когда юный Рудольф стал шахтером, его уже тогда не считали слабым — в силе и выносливости он не уступал взрослым шахтерам.

Но вскоре врачи обнаружили у него порок сердца и затемнения в легких. И Рудику, как звали его товарищи, пришлось переквалифицироваться, стать столяром. Но и с этой работой едва справлялся: заходились сердце, сбивалось дыхание, рубанок валялся из рук...

Обидно в юные годы чувствовать себя беспомощным. Рудольф перечитал десятки медицинских статей, книг, выискивая совет, как вернуть здоровье. Однажды ему попала в руки небольшая брошюра под названием «Дыхательная гимнастика». Прочитал ее один раз, другой,

третий... Ответ был найден: нужно научиться дышать ритмично и соблюдать во всем режим.

Страстное стремление обрести здоровье помогло Рудольфу подчинить себя суровой дисциплине. Сутки были расписаны до минуты. Даже по дороге на работу он делал на четыре шага вдох, на пять—выдох. При каждом замахе топором или молотком набирал в легкие воздух, а при ударе выдыхал его. К этому он добавил упражнения лечебной гимнастики, которые выполнял даже в обеденный перерыв, регулярно, каждый день.

Вскоре его потянуло к спорту, к борьбе. Однако физкультурный врач запретил ему даже думать об этом.

И все же он зашел в борцовский зал, присел на скамеечку и долго наблюдал за тренировочными схватками. Заглянул юноша к борцам и на следующий вечер.

— Хочешь побороться?—спросил Рудольфа тренер Евгений Потапов.

— Я бы хотел, но сердце больное...

После тренировки они побеседовали и, прощаясь, Потапов сказал: «Поверь, ты будешь борцом!»

Под руководством Потапова Рудольф почти год укреплял сердце ежедневными кроссами, а когда ему разрешили выйти на ковер, он сразу же, без достаточной технической подготовки поверг на лопатки всех соперников.

Но вот Потапов уехал из города шахтеров, и не с кем стало тренироваться Плюкфельдеру. А без тренера и хороших спарринг-партнеров прогрессировать в борьбе невозможно. Утешился Рудольф тем, что нашел старую штангу и начал развивать силу мышц. Конечно, он тогда и не мечтал о том, что станет выдающимся тяжелоатлетом, тем более — знаменитым тренером.

Усердие, говорят, все трудности преодолевает. Добрые люди заметили старания Плюкфельдера и протянули ему руку помощи. Однажды Рудольфа пригласил к себе председатель шахткома и сказал: «Вот тебе, силач, ключ от комнат в нашем клубе. Преврати ее в гиревой зал, да постарайся, чтобы таких, как ты, у нас на шахте было не меньше десятка».

Так он стал тренером. После рабочей смены Рудольф шел в спортзал, оборудованный своими руками, шел не один, а с парнями, которые благодаря ему увлеклись «железной игрой». Вскоре секция Плюкфельдера стала главным центром спортивной культуры города. Сюда после работы приходила молодежь.

...Киселевск расположен среди отрогов Алтайских гор. Куда ни кинешь взгляд—повсюду терриконы. Их остроконечные пики, напоминающие египетские пирамиды,

вонзаются в голубое небо. Десятки тысяч тонн «черного золота» ежедневно выдают на-гора шахтеры, люди мужественные, большие любители состязаний в силе. Поэтому молодые горняки и потянулись к Рудольфу.

И случилось, казалось бы, невозможное: шахтерская команда Плюкфельдера настолько окрепла, что стала сильнейшей в Российской Федерации и завоевала главный приз на чемпионате страны. Это была сенсация: они оставили позади себя силачей Москвы и Ленинграда, Белоруссии и Украины... А сам Рудольф в том же 1959 году триумфально выступил на чемпионате мира в Варшаве. Он—штангист среднего веса—поднял так много, что даже чемпион в полутяжелой весовой категории Луис Мартин оказался позади. Для полного удовлетворения Плюкфельдеру не хватало лишь золотой олимпийской медали. И можно представить, как он был расстроен, когда не удалось осуществить эту мечту в Риме...

Готовясь к Токийской олимпиаде, Рудольф поделовому разбирал достоинства своего главного соперника Вереша, с восхищением говорил о его мастерстве и силе. Особенно о силе характера. Однако не терял веры и в себя.

— Бой я ему в Токио все-таки дам!—говорил друзьям 36-летний богатырь.

И бой состоялся! Рудольф выдал на-гора «золото» высшей пробы и вслед за своим учеником, атлетом легчайшего веса Алексеем Вахониным, поднялся на высшую ступень пьедестала.

В жиме сильнее был Вереш, но далеко не ушел—поднял 155 килограммов, а Плюкфельдер—150. Рывок Рудольф выполнил безупречно и по сумме на 2,5 килограмма обошел чемпиона Венгрии. Но был еще один стойкий венгр—Геза Тот. Он-то и опередил на финише своего соотечественника, толкнув 185. Плюкфельдер набрал в троеборье 475 килограммов, а венгры по 467,5.

Тысячи тонн стали, поднятые в многолетних тренировках, наконец-то «отлились» в граммы золотой олимпийской медали—эмблему мужества и спортивной доблести. И что самое примечательное, тренер и ученик стали чемпионами одной Олимпиады. Это редчайший случай. По заслугам была оказана и честь: Рудольфу Владимировичу Плюкфельдеру, действующему спортсмену, было присвоено звание заслуженного тренера СССР.

В зените спортивной славы Плюкфельдер навсегда простился с соревновательным помостом и полностью отдался педагогической деятельности. Атлеты со всех концов страны стремились приехать к нему—такой попу-

лярной стала школа Плюкфельдера, когда он поселился в городе Шахты Ростовской области. Но оставались в школе лишь самые талантливые, самые работающие. Строг и взыскателен был Рудольф Владимирович. Сам в свое время не щадил себя на тренировках, того же требовал и от учеников. С нерадивыми расставался без сожаления, уважал лишь фанатиков «железной игры».

В год Токийской олимпиады на весь мир прославились штангисты Хабаровска. Тренеры шутили, что это случилось из-за сравнительно близкого расположения Хабаровска к Токио. Трое хабаровчан попали в олимпийскую сборную Советского Союза и все стали призерами. Сначала серебряную медаль выиграл Владимир Каплунов, потом такой же награды удостоился его ученик Виктор Куренцов и, наконец, в предпоследний день турнира отличился Владимир Голованов.

...Деятнадцать «полутяжей» боролись за олимпийское «золото», среди них были такие звезды мирового помоста, как поляк Иренеуш Палинский, чемпион Римской олимпиады, Луис Мартин, трехкратный чемпион мира из Великобритании, американец Уильям Марч, румын Лазар Барога, венгр Арпад Немешаньи... Всех и не назовешь, кто рвался к победе.

Однако в пылу многочасовой изнурительной «железной игры» у большинства претендентов на призовые места сторели нервы. Только наш Голованов, которого в секции Хабаровского спортивного клуба армии атлеты дружески называли «медведем», был совершенно невозмутим. Такой уж он, видно, уродился, что в напряженной обстановке чувствовал себя как рыба в воде.

Словно домкратом, Голованов усилием одних рук выдавил вверх 165-килограммовую штангу. И все его наиболее опасные соперники как-то вдруг сникли.

В рывке Владимир также был лучше всех — поднял 142,5 килограмма.

И вот последний акт — толчок. Голованов четко фиксирует 180 килограммов и становится олимпийским чемпионом с мировым рекордом в сумме — 487,5 килограмма!

Дуэль самых сильных и ее последствия

Кто сильнее — Власов или Жаботинский? Этот вопрос наших тренеров не очень волновал. Они знали, что абсолютным олимпийским чемпионом будет советский атлет. Было абсолютно ясно, что и на второй ступени пьедестала мир увидит также нашего спортсмена. Хотя

Гоффман, как и обещал, выставил двух тяжелоатлетов Норберта Шеманского и Гари Губнера, исход состязаний в нашу пользу ни у кого из специалистов не вызывал сомнений: килограммы советских атлетов были не по зубам американским силачам.

Особый интерес к поединку Власова с Жаботинским усиленно подогревался прессой, а также тем, что они не встречались на одном помосте более года. За этот срок запорожец стал намного сильнее и опытнее. Готовил Жаботинского к Олимпиаде Алексей Медведев. Он же вызвался быть и его секундантом в Токио. Возле москвича, как всегда, был Сурен Богдасаров.

Тренерский совет во главе с Аркадием Воробьевым определил лишь начальные подходы, после выполнения которых атлеты получали полную свободу действий. Огромный зал Народного дома Сибуйя не мог вместить и сотой доли всех желающих посмотреть состязания геркулесов XX века. Казалось, сцена прогнулась под тяжестью атлетов, когда они вышли для представления публике. Особенно внушительно выглядели наши: Власов весил 136,4 килограмма, Жаботинский — 154,45.

Жим. Американцам сразу же пришлось расстаться с иллюзиями: Шеманский остановился на 180 килограммах, а Губнер поднял и того меньше — 175.

Жаботинский не хотел отставать от Власова, но жимовые силы их были далеко не равными. Юрий плавно выжал 197,5 килограмма — превысил свой же рекорд мира и оторвался от Леонида на 10 килограммов. Возможно, столь блестящее начало настроило Власова на благодушный лад. Борьба только начиналась, а он уже почти обеспечил себе золотую медаль. Шутка ли? Чтобы выйти вперед, Жаботинскому нужно было отыграть в рывке и толчке 12,5 килограмма (при равной сумме торебьорья препочтении отдается тому, кто легче). А рекордсменом мира в рывке и толчке был Власов.

Рывок. ...Дважды Юрий выхватывал одним махом штангу весом в 162,5 килограмма. Первый раз она описала дугу и упала за голову. Вторая попытка — и опять неудача. Снаряд падает на помост и грохотом взрывает напряженную тишину, которая сковывала зал.

Как мало у атлета времени, чтобы справиться с нервным потрясением — лишь три минуты! Неужели из-за «баранки», такой нелепой, выйдет из игры самый сильный человек мира? И тут к своему грозному сопернику идет Жаботинский: «Юра, сначала протяни вес повыше, а потом уже «уходи» вниз, под штангу... Не торопись...»

Последний решающий рывок — штанга легко взмывает вверх и покорно замирает в сильных руках атлета.

И снова — борьба. У Леонида, поднявшего 160 килограммов, еще два подхода. Во втором он фиксирует 167,5, а третий использует к рекордному весу — 172,5. Но — осечка...

И тут руку поднимает Юрий. Он просил дополнительный подход — четвертый для установления мирового рекорда. Зачем? Ведь результат не шел в сумму. До Игр он сам говорил: «На Олимпиаде главное — добыча «золота».

Рекорд Власов установил, но дуэль обострилась. Жаботинский, отыграв пять килограммов, заметно воспрянул духом.

Толчок. Юрий с первой попытки поднимает 205 килограммов и советуется с Богдасаровым, какой заказать вес для следующего подхода. Соперник толкнул 200-килограммовую штангу и теперь отстает на 10 килограммов — стоит ли его опасаться?!

— Поздравляю, Юра! Ты — первый, я — второй. Американцев победили. Давай на этом закончим...

— Нет, я пойду на рекорд!

Но сначала Власов толкнул 210-килограммовый снаряд. Поэтому у него остался для дуэли один «выстрел». Разумно было бы подойти к весу 215 килограммов, которые Юрий уже поднимал. Но он, вероятно, полагал, что Жаботинский и так его не догонит — заказал 217,5, то есть на два килограмма больше своего же рекорда мира.

Согласно правилам первым к рекордному снаряду пригласили Леонида, в «колчане» которого оставалось две «стрелы». 20 минут атлет ждал вызова и, конечно, остыл: сумел поднять штангу лишь чуть выше коленей.

Следом на помосте «вырос» Власов. Не спеша, поправив большие роговые очки, атлет взялся за гриф штанги и потянул ее решительно вверх. Снаряд лег на широкую грудь атлета. Немедля Юрий поднялся и послал рекордную громаду металла вверх, на прямые руки. Однако толчок от груди получился вялый, неточный...

«И тут я себе сказал, — вспоминает этот момент Жаботинский, — какая удача тебе, Ленка! Поднимешь эту штангу — станешь сразу рекордсменом и чемпионом мира, победителем Олимпийских игр! Я как будто вновь родился, не чувствовал боли ни в плече, ни в пояснице. И штанга пошла вверх так легко, будто я поднимал не два с лишним центнера, а клал чемодан на верхнюю полку».

В сумме получилось 572,5 килограмма — на 2,5 больше, чем у Власова.

— Ну, поздравляю, — взяв себя в руки, тихо сказал Юрий, пожимая мягкую ладонь Леонида. — Не думал, что ты возьмешь такой вес.

— Я и сам не думал.

Проигрыш всегда досаждает, но он во сто крат переносится тяжелее, если ты явно был сильнее и все же проиграл, как случилось с Власовым.

После Игр было много кривотолков о том, как и почему проиграл самый сильный. Поговаривали даже, что запорожец «бессовестно обманул» москвича. В действительности же был допущен обычный тактический просчет, что признал тренер Власова.

«После проигрыша, — писал С. Богдасаров, — меня обвиняли в том, что я оказался плохим тактиком... Должен признаться, положил руку на сердце, не думал, что 217,5 будут под силу Жаботинскому. Когда Власов поднял 210, я сказал: «Теперь, Юра, все в порядке» и этим его успокоил. Когда Жаботинский в первом подходе тяжело, едва оторвав вес от помоста, без попытки уйти в подсед, бросил его, эта уверенность во мне укрепилась...»

Богдасарову было намного легче признавать свои ошибки. Куда тяжелее проигравшему спортсмену. В новогоднем интервью он заявил:

«Год был трудным. Были удачи и неудачи. Вышла моя первая книга — сборник рассказов «Себя преодолеть». Потолок мирового рекорда удалось поднять до 580 килограммов. Огорчен своими результатами на Олимпиаде. Сейчас мне придется на некоторое время прервать занятия тяжелой атлетикой — плохо со здоровьем. Буду работать, писать...»

Совсем иная тональность была в интервью победителя, который сказал: «В списке лучших спортсменов страны за 1964 год — два тяжелоатлета. В этом я вижу признание достижений моих коллег по спорту. Штангисты, как и в прошлые годы, не разочаровали своих поклонников. Мои друзья хорошо поработали. В общей сложности нами завоевано в уходящем году на чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх 14 золотых и 7 серебряных медалей. «Золотым» этот год стал и для меня. Убежден, что в наступающем году наша богатырская дружина подарит немало весомых рекордов и в одиннадцатый раз станет чемпионом мира. Ребята у нас крепкие, дружные... Не утаю: в 1965 году хочется превзойти результаты во всех упражнениях».

* * *

Велик был резонанс токийской победы советских тяжелоатлетов. Все семеро стали медалистами: четыре золотые, три серебряные медали.

— Вы, коллега, подобны фокуснику, — сказал в Токио старшему тренеру советских олимпийцев Аркадию Воробьеву Боб Гоффман. — Кажется, фокусник все вытащил из шляпы, и она пустая, а он извлекает из нее все новые и новые предметы. Так и вы из вашей «шляпы» извлекаете талантливых силачей. Я вам по-хорошему завидую. Вы умеете ставить спорт на широкую ногу. Потому и не испытываете кризиса, который переживает американская тяжелая атлетика.

В редакции газет, в Федерацию тяжелой атлетики отовсюду шли поздравления в адрес силачей. Вот одно из них:

«Дорогие друзья штангисты!

Трудно передать словами то чувство восхищения, с которым я встречал вести о победах наших «гроссмейстеров» штанги.

Я с раннего детства увлекаюсь гиревым спортом и это очень помогает мне в моем творчестве. Думаю, что гантели необходимы каждому, чтобы всегда чувствовать себя обновленным и молодым.

Изумительный успех наших чудо-богатырей Вахонина, Голованова, Плюкфельдера и Жаботинского это триумф не только этих спортсменов, но и всего нашего богатырского спорта.

От всей души поздравляю и желаю дальнейших успехов.

Игорь Безродный,
лауреат Государственной премии
и международных конкурсов

28 октября 1964 г.»

В тисках обострившейся конкуренции

На страницах журнала «Стрэнгс энд Хэлс» более тридцати лет Боб Гоффман призывал читателей к тому, чтобы они были сильными и телом, и духом, руководствуясь его девизом: «Невозмутимое спокойствие при всех обстоятельствах». Однако после олимпийских состязаний в Токио меценат американских штангистов потерял покой. Его некогда непобедимая команда оказалась на четвертом месте, к тому же никому не удалось стать чемпионом.

Пионеры советской тяжелой атлетики Ян Спарре и Александр Бухаров.

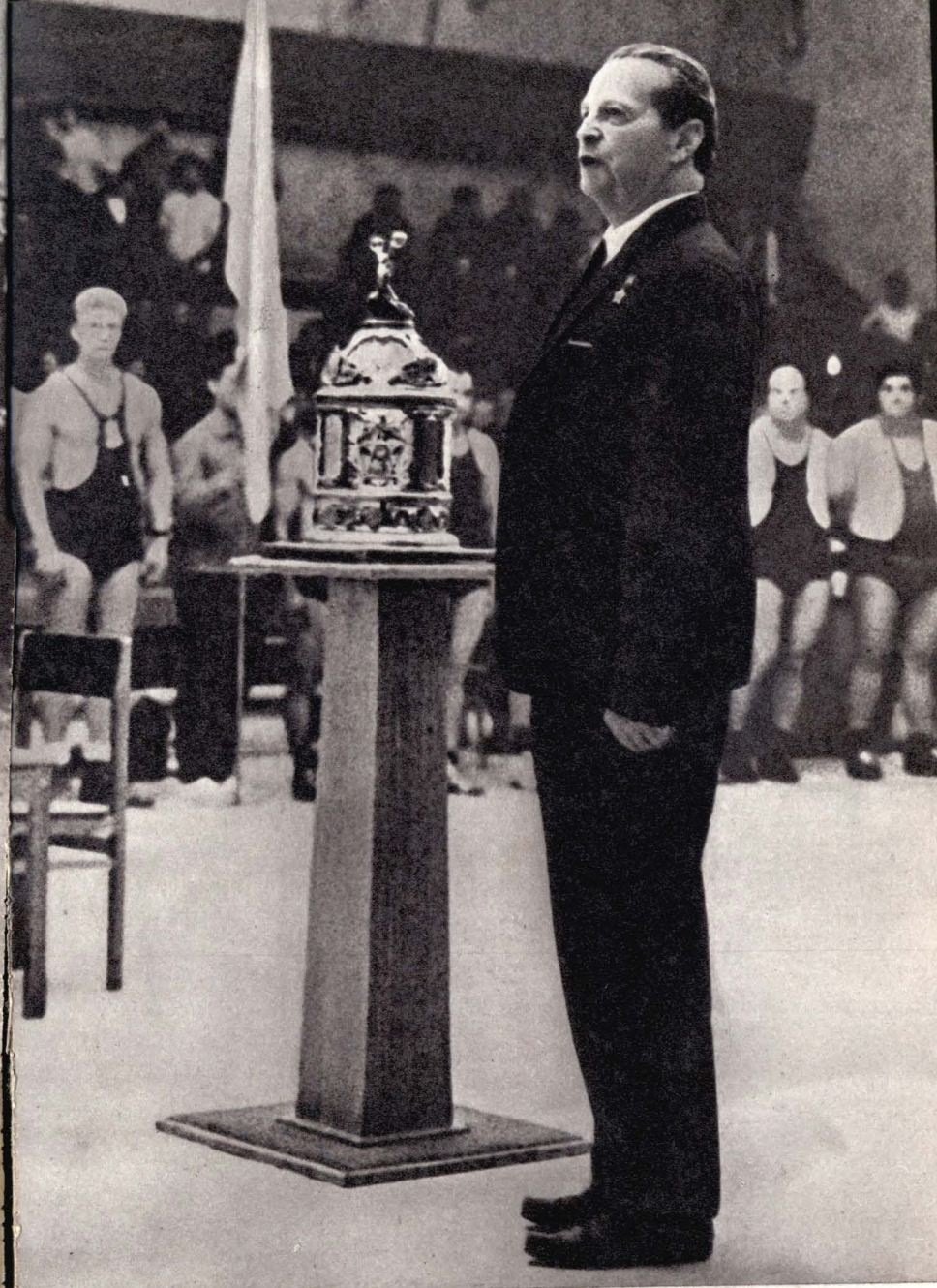

Парад богатырей довоенных лет: Георгий Попов, Николай Шатов и Григорий Новак.

Заслуженный мастер спорта Николай Саксонов.

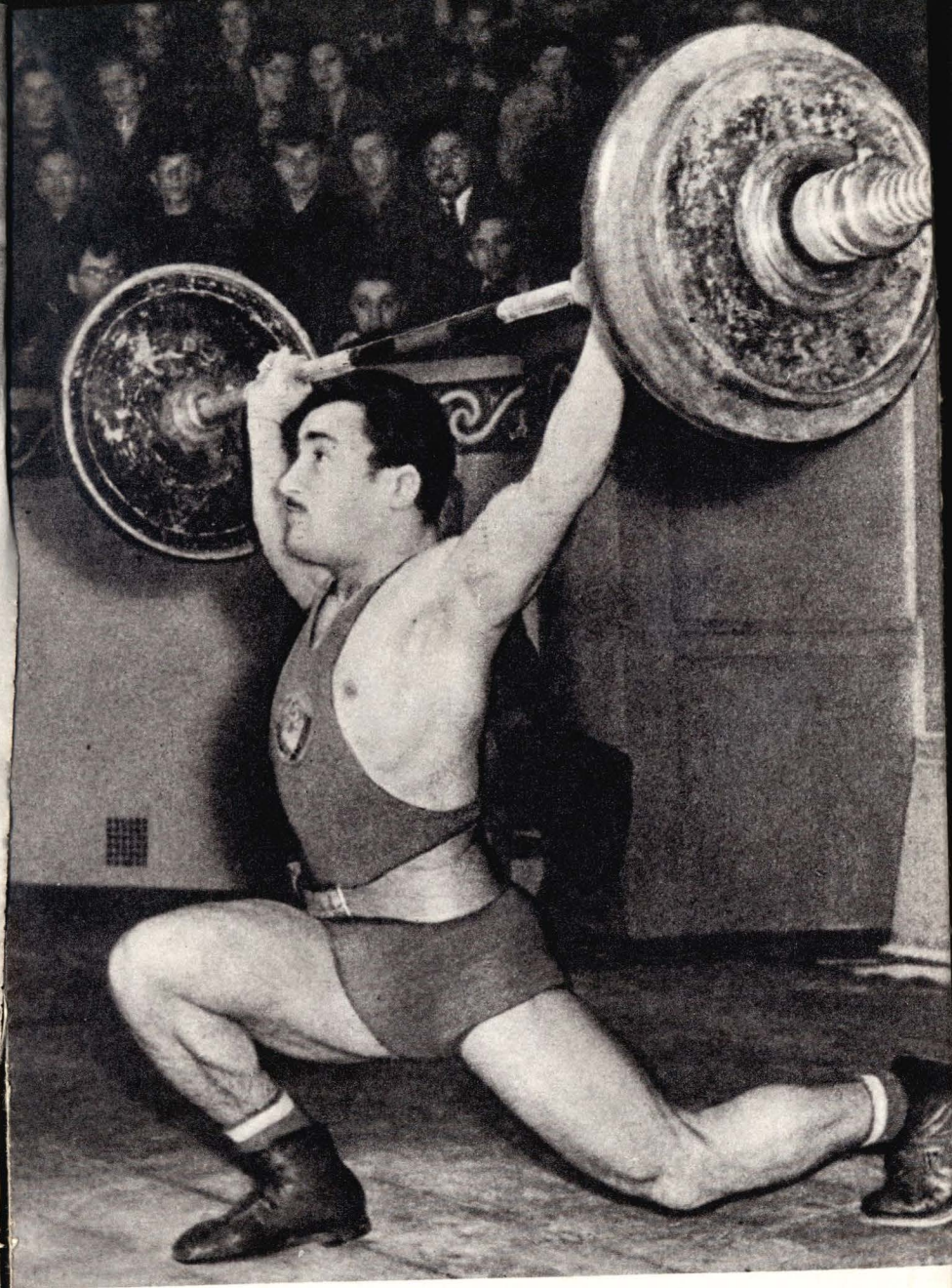

Герой Советского Союза Михаил Громов.

Заслуженный мастер спорта Евгений Лопатин с сыном Сергеем, неоднократным рекордсменом мира.

Победитель XV Олимпийских игр Рафаэл Чимишкян.

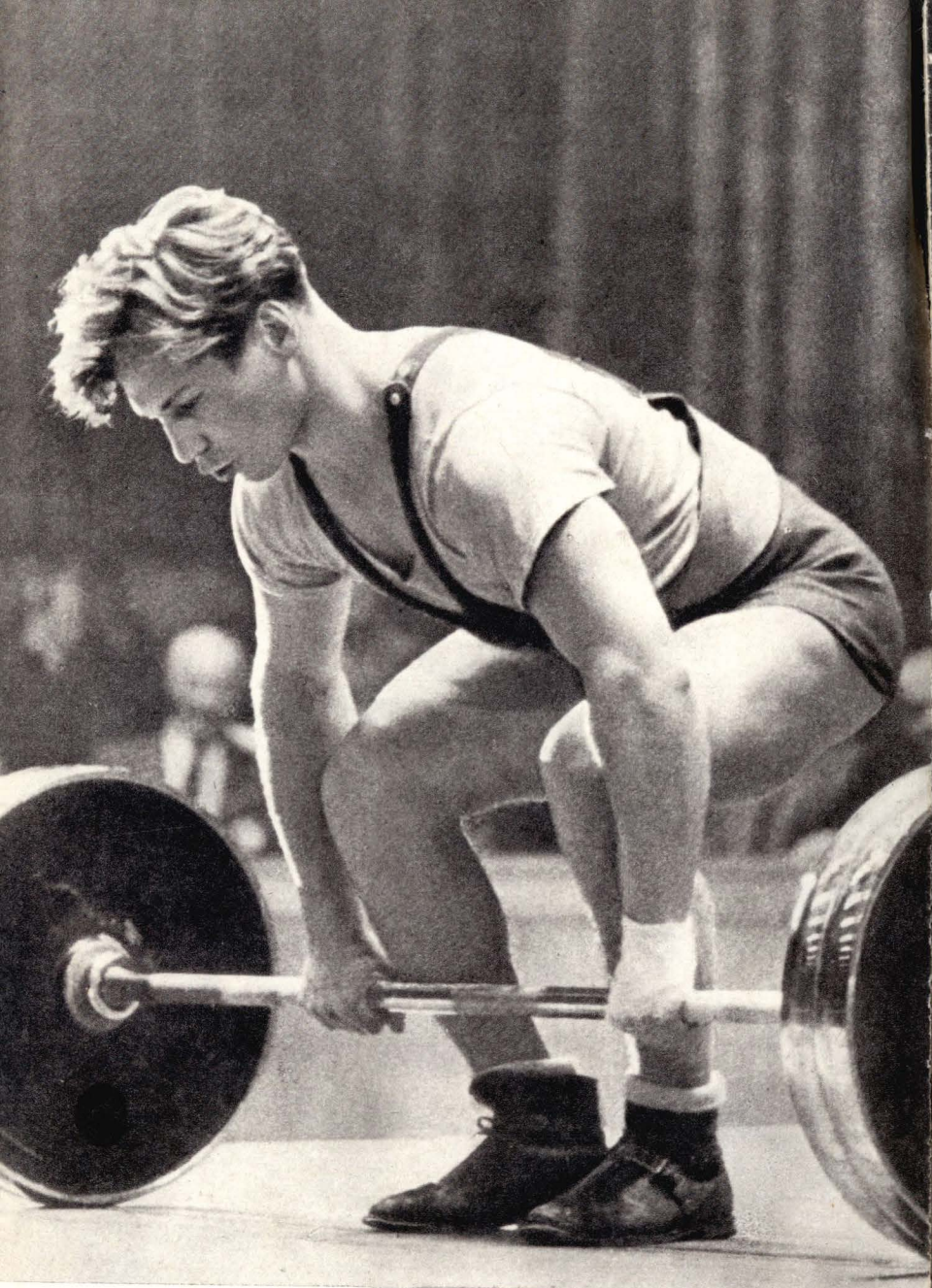
Двукратный олимпийский чемпион Аркадий Воробьев во время защиты докторской диссертации.

В Вечном городе. Аркадий Воробьев и Юрий Власов.

Самый сильный атлет планеты Юрий Власов на мировом пьедестале.

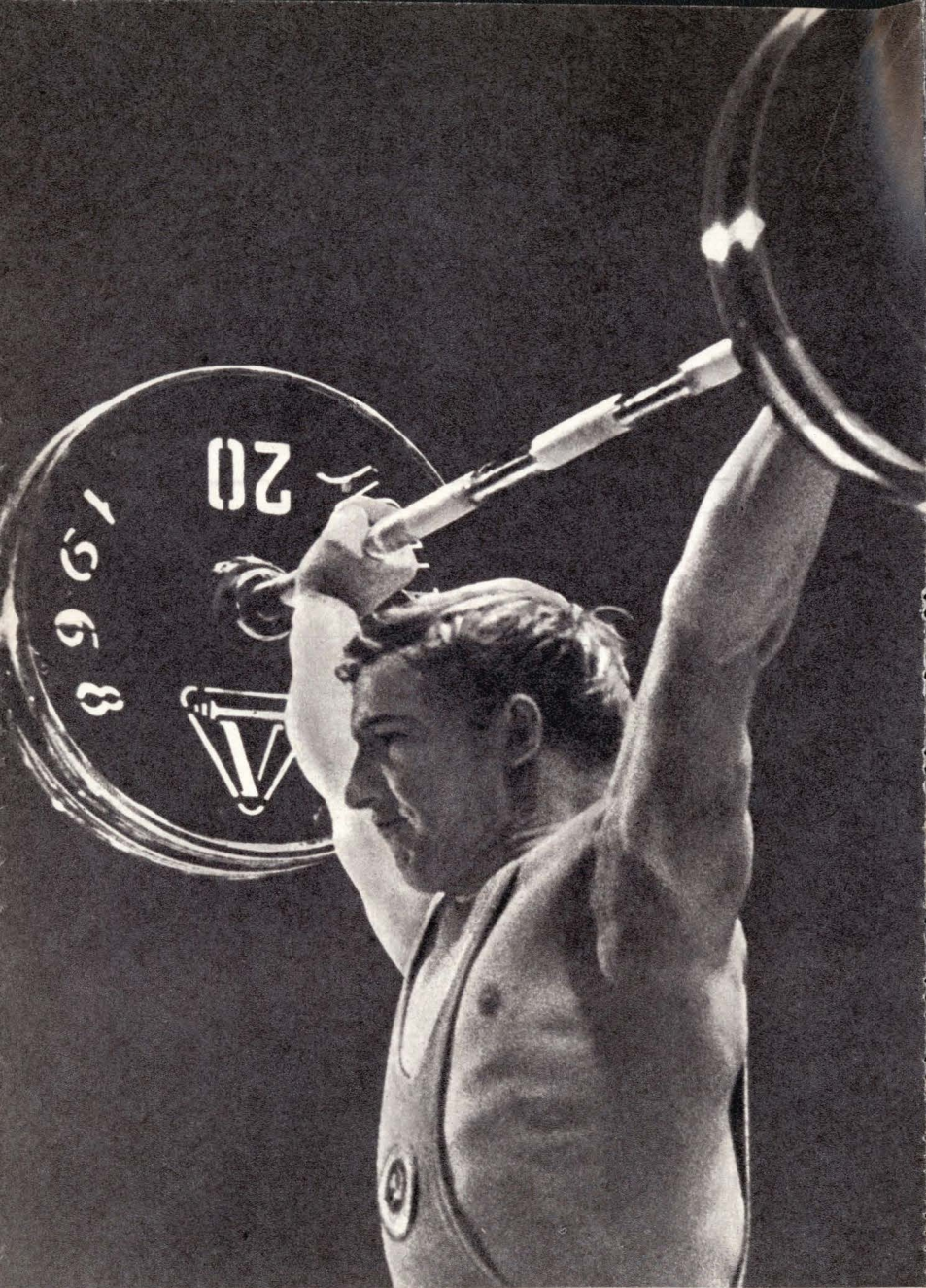

Победитель XVII Олимпийских игр Виктор Бушуев.

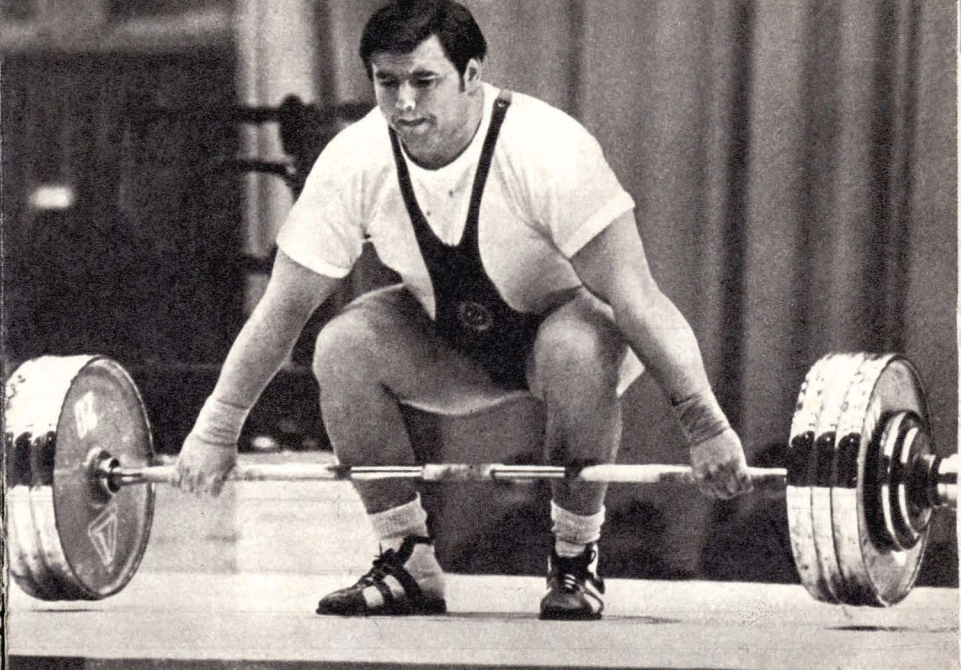

Леонид Жаботинский в Токио.

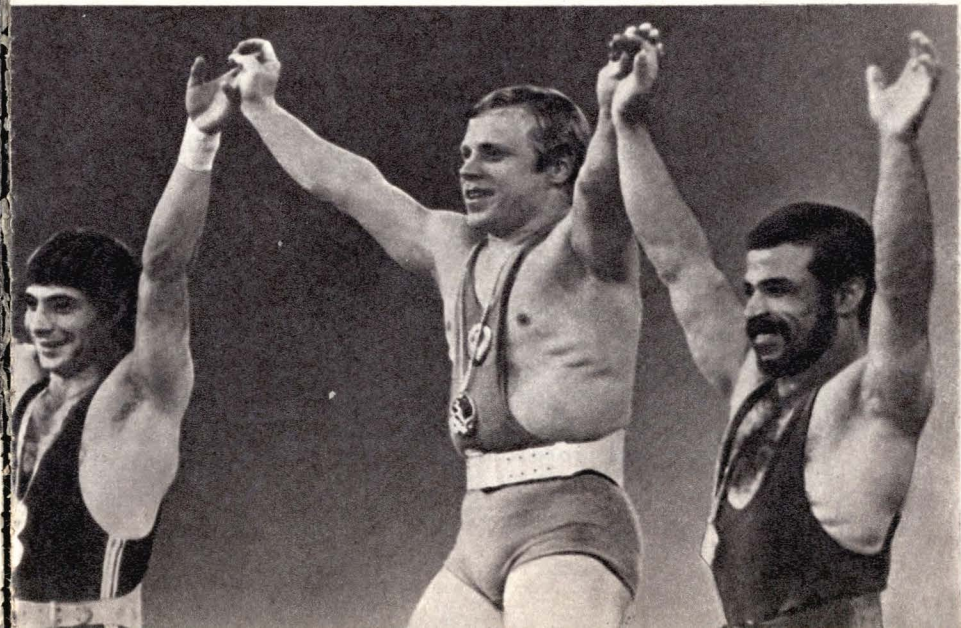

Герой Мексиканской олимпиады Виктор Куренцов.

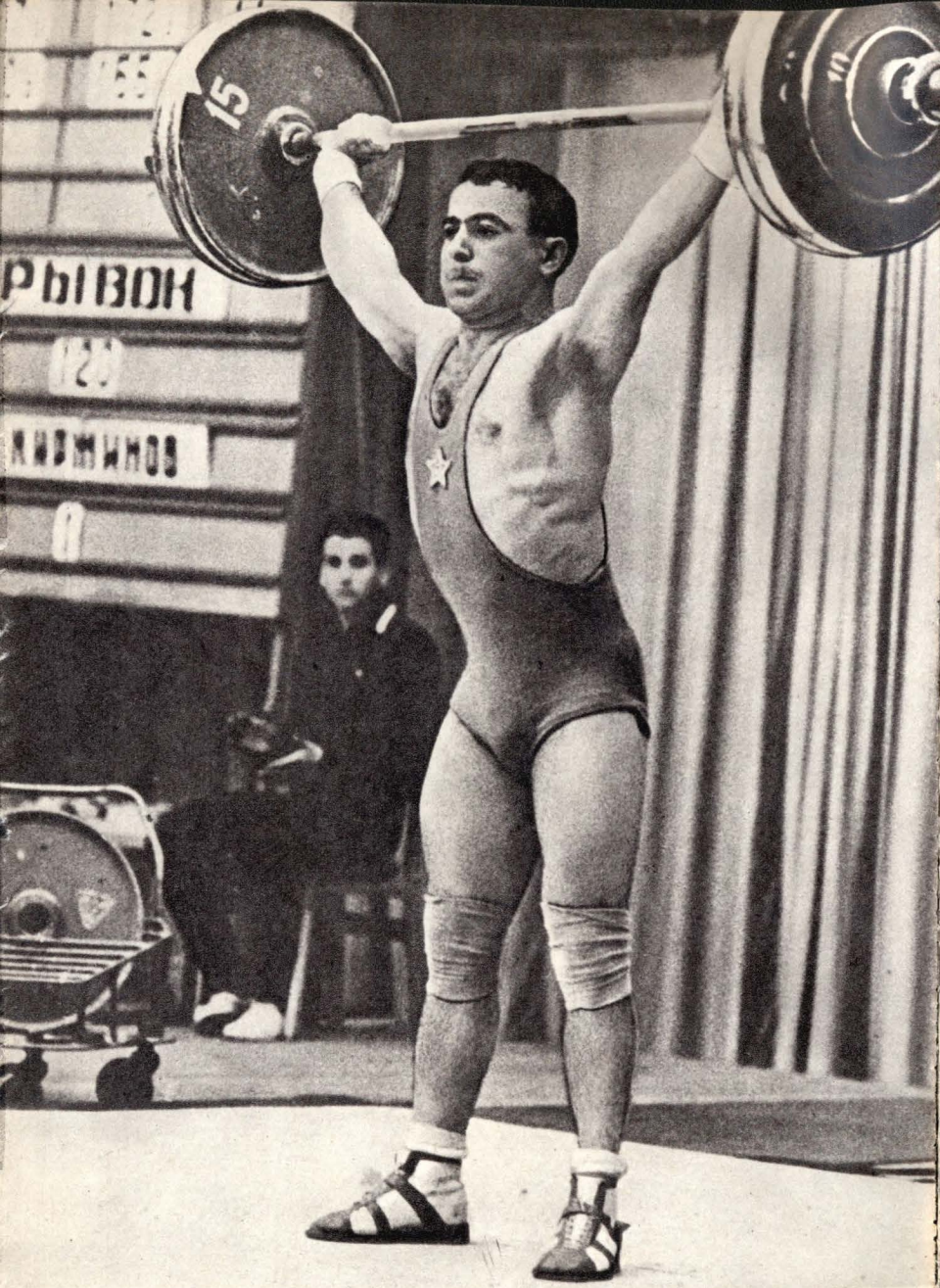

Яан Тальтс.

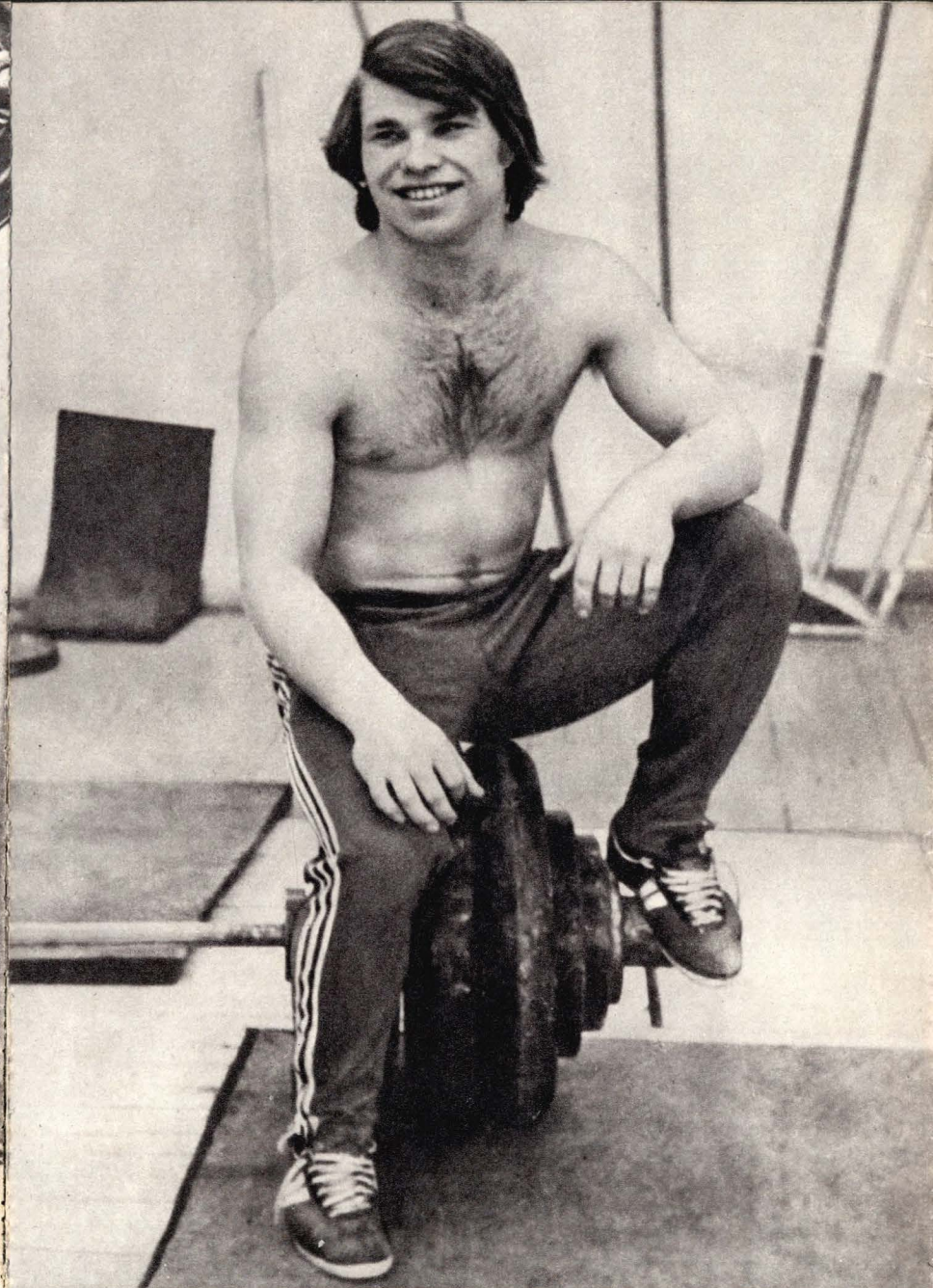
Монреаль. Первая золотая медаль у Александра Воронина.

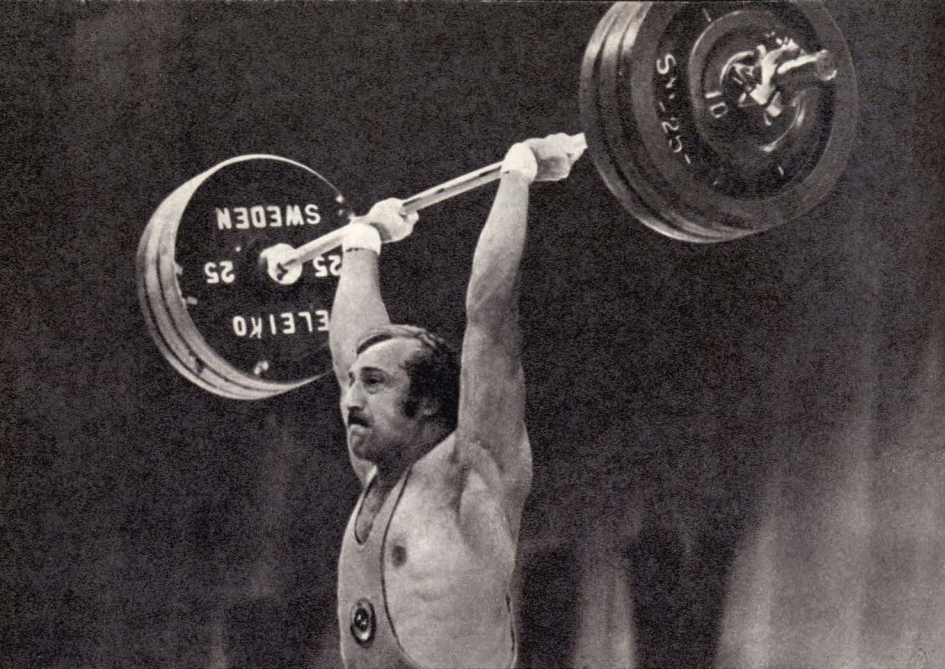

Чемпион Мюнхенской олимпиады Мухарбий Киржинов.

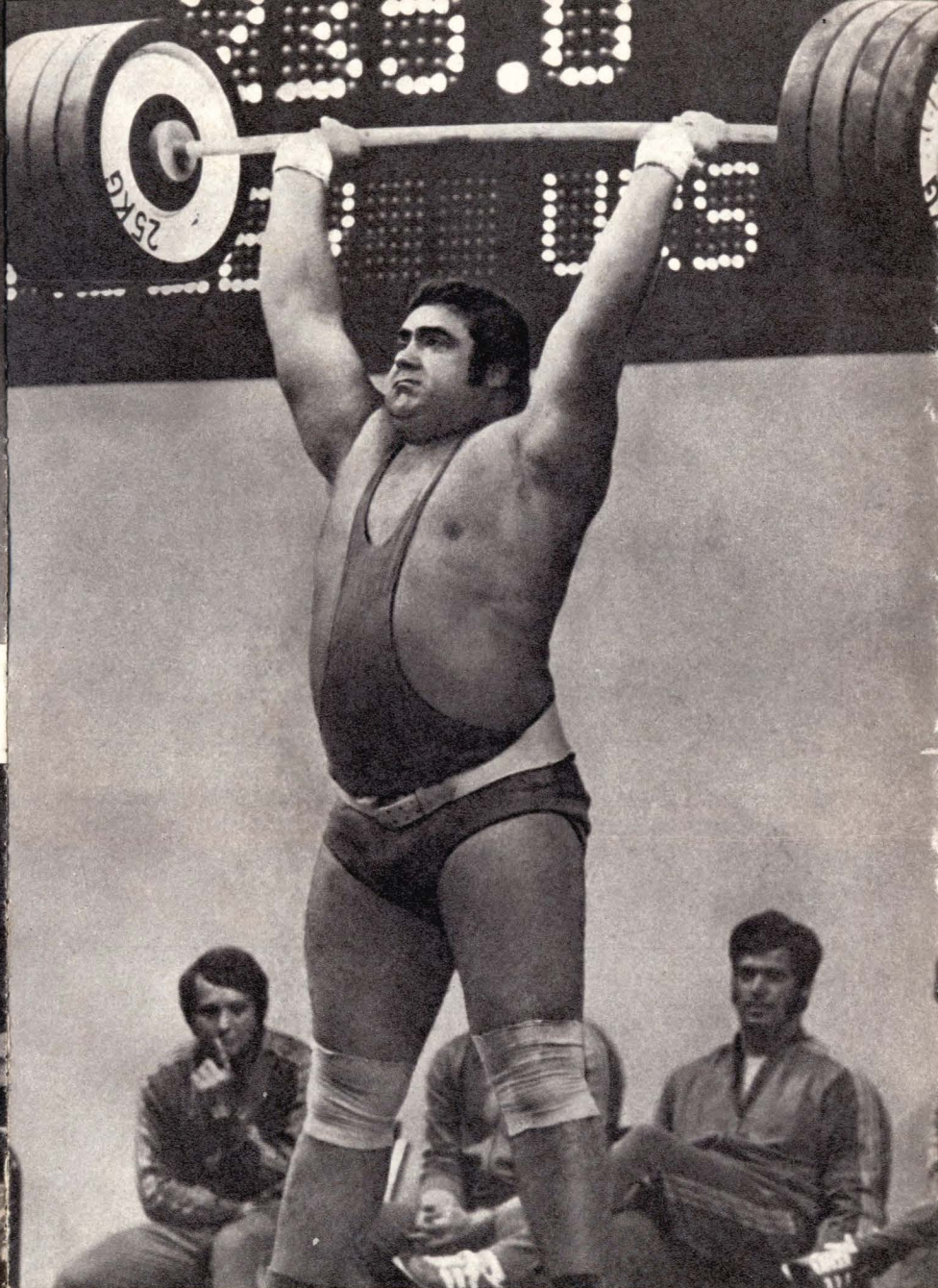
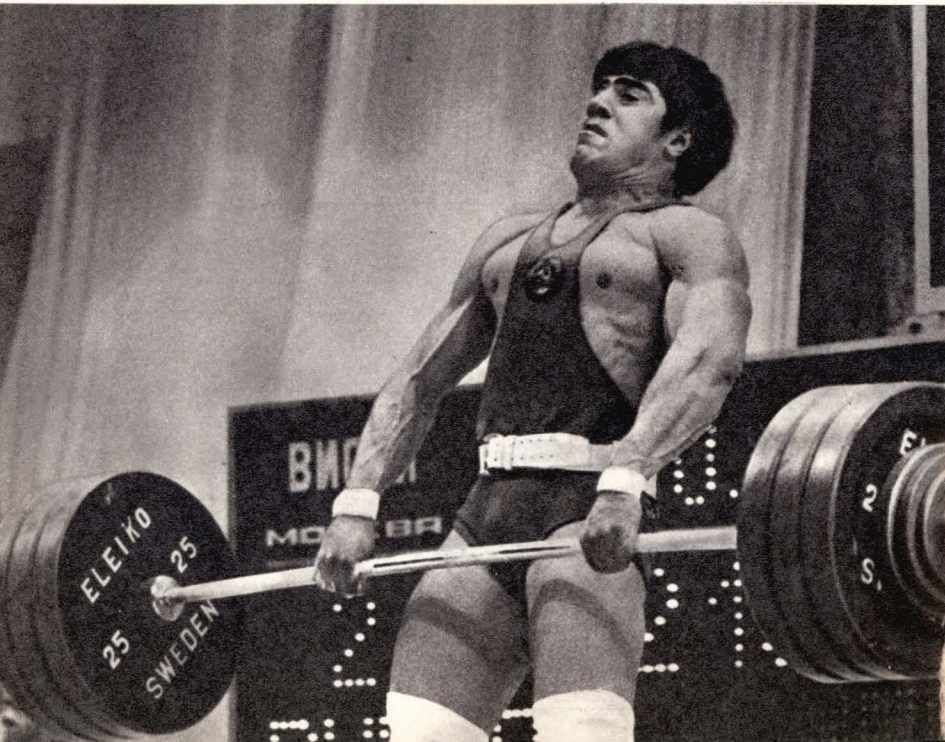
Николай Колесников после победы на Олимпийских играх.

Штангу толкает Валерий Шарий.

Давид Ригерт «штурмует» рекордный вес.

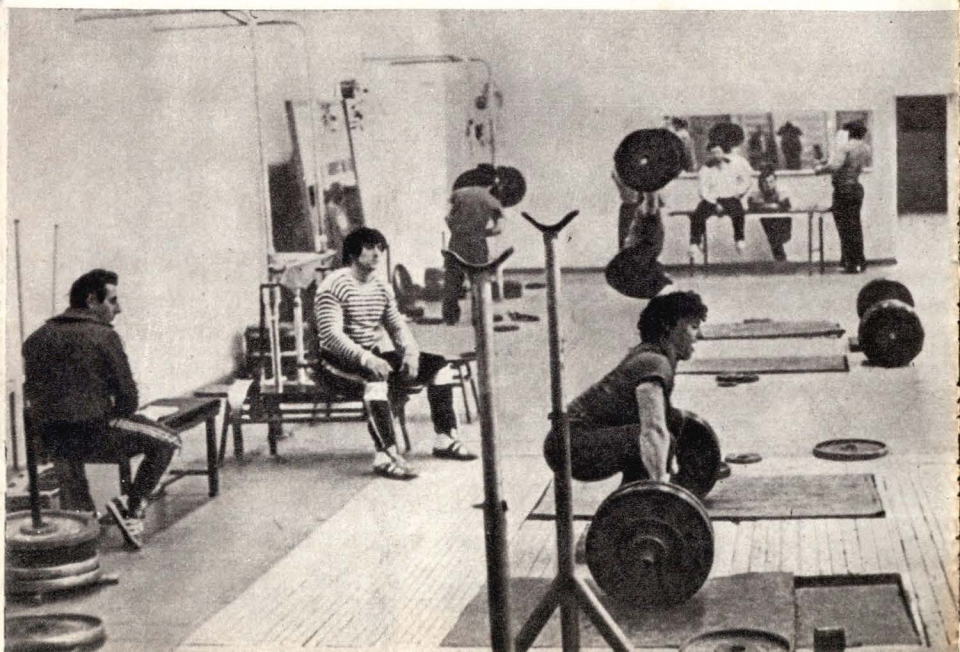
Василий Алексеев на помосте Монреаля.

Тренеры сборной СССР: Р. Плюкфельдер, И. Кудюков, А. Прилепин, В. Нечепуренко.

В «кузнице силы».

«Я лежал с открытыми глазами всю ночь и не мог успокоиться», — признался Гоффман читателям журнала. Куда девалась железная невозмутимость этого человека, который однажды после пожара, где, как он рассказывал, сторело его имущество, включая бриллиант в 12 каратов, весело напевал песенку «Как широки плечи атлета...»?

Просто миллионер, к своему великому огорчению, осознал, что возврата к былому не будет. Его команда откатывалась все дальше и дальше, и изменений к лучшему не предвиделось. Соотношение сил на мировом помосте с каждым годом менялось в пользу штангистов социалистических стран. В тисках обострившейся конкуренции атлеты США сдавали одну позицию за другой, а после Токио уже нечего было сдавать.

Помимо советских штангистов на командный титул чемпиона мира стали претендовать польские силачи. В отдельных весовых категориях атлеты мирового класса выросли в Венгрии и Чехословакии. С помощью наших тренеров набирались опыта и сил для успешного участия в грядущих международных турнирах атлеты Румынии, Болгарии и ГДР.

Американская тяжелая атлетика, как это признал в Токио сам Гоффман, переживала затяжной кризис. Ветераны сходили с помоста, уступая место в сборной далеко не равноценной смене.

Да, чтобы побеждать в новых условиях, нужны были атлеты, беззаветно преданные своему спорту, а таких в США становилось все меньше и меньше.

После серебряного успеха в Токио неизвестно куда исчез Исаак Бергер. Между штангой и толканием ядра метался 130-килограммовый колосс Гари Губнер. Для поездки на чемпионат штангистов США в Лос-Анджелес ему пришлось обратиться за помощью к Гоффману. Занятые 400 долларов обошлись очень дорого: семейная лодка Губнера разбилась о тяжелоатлетический быт. Молодая жена Гари не пожелала разделить с ним финансовые трудности, не выдержала финансового банкротства мужа и покинула силача.

В 1965 году навсегда простился с большим помостом Томми Коно. Его отчаянные попытки прибавить к восьми золотым медалям чемпиона мира и Олимпийских игр девятую и тем самым установить рекорд чемпионского долголетия оказались безрезультатными. Своего соотечественника Джона Дэвиса Томми не превзошел, а звание «непобедимого» потерял.

...Непослушная штанга упала на помост, и Коно занял лишь третье место в чемпионате США. После этого он

подошел к микрофону и сказал: «Тяжелоатлетический спорт мне принес много радости. Я приобрел друзей во всем мире. Но на смену пришли молодые... Мне же пора уйти...» На глазах великого атлета блеснули слезы. Он снял ремень, напульсники и отдал их своим преемникам...

Нельзя сказать, что возросшая конкуренция не прибавила забот и бессонных ночей советским тренерам.

Простился с большим спортом олимпийский чемпион Рудольф Плюкфельдер, а достойной замены ему не нашлось. «Среднее звено» в команде оказалось ослабленным. Юрий Власов отказался от соперничества за титул самого сильного, и это плохо сказалось на боеспособности Леонида Жаботинского. Вопрос о взятии 600-килограммового рубежа был снят с повестки дня.

В год Токийской олимпиады у нас отстающим был лишь полуплегкий вес. В остальных категориях наши штангисты могли бороться за высшие титулы на любом уровне. Теперь же в легчайшей весовой категории список сильнейших атлетов возглавил венгр Имре Фёльди, ничего не изменилось к лучшему в полуплегком весе, снизились достижения лидеров в легкой категории, в средней и полутяжелой...

Первый тревожный звонок прозвучал на чемпионате Европы в Софии: из-за нулевых оценок наша непобедимая сборная уступила первое место команде Польши. Урок, как говорится, не пошел впрок: осенью в Тегеране польская дружина силачей впервые в истории стала чемпионом мира. Стоило Алексею Вахонину выбыть с «нулем» из состязаний, как весь наш «первый эшелон» пошел под откос.

Разумеется, при более осторожной тактике сборная СССР отстояла бы чемпионское звание. Однако любому специалисту было ясно, что время работало не на советскую тяжелую атлетику. Польские штангисты прогрессировали увереннее.

Избавившись от чрезмерного оптимизма, поняв, что «шапками теперь уже никого не закидаешь», наши тренеры занялись поиском новых олимпийских резервов. На вооружение были взяты богатейший опыт подготовки олимпийцев прошлых лет, а также новые научные рекомендации.

Глава шестая

С НОВОЙ ВЕРОЙ В СИЛЫ СВОИ

Только быки борются своей силой, а человек борется тем, за что держится, во что верит, тем и бьет.

Из «Дневника» Михаила Пришвина

Тегеранское поражение нанесло урон высокому авторитету советской школы тяжелой атлетики. Однако, как говорится, нет худа без добра. Старший тренер сборной СССР А. Н. Воробьев, выстояв под градом обидных упреков и обвинений со стороны своих коллег (порой весьма к нему несправедливых), еще настойчивее стал внедрять в практику все лучшее, что было в спортивной науке. В одной из статей он писал:

«Сейчас немислима серьезная подготовка к состязаниям без научного контроля за деятельностью организма спортсмена, без применения методов срочной информации в совершенствовании техники движений».

Многим тренерам пришлось сесть за учебные пособия по физиологии, психологии, биомеханике...

На Берлинском чемпионате мира и Европы 1966 года наша богатырская семья вернула титул чемпиона. Советские атлеты завоевали пять больших золотых медалей из семи!

Отрадными были итоги 1967 года — года IV Спартакиады народов СССР. В апреле на московских соревнованиях неожиданно выступил Юрий Власов. Свое возвращение на помост он отметил рекордом мира в жиме. Беззаботно царствовавший на чемпионском троне Леонид Жаботинский, почувствовав угрозу, приналег на тренировки и ответил на вызов Власова тем, что на 10 килограммов превысил его мировое достижение в троеборье, набрав 590! И снова все заговорили о 600-килограммовой сумме. Казалось, вот-вот этот Рубикон покорится Жаботинскому. Однако Власов отказался от соперничества за титул самого сильного, и Леонид успокоился.

Тяжелое «золото» атлетов

Оно никогда не было легким, но на мексиканской высоте олимпийское «золото» имело особенно тяжелый «удельный вес».

Итак, Мехико, 13—19 октября 1968 года. Место соревнований — «Театро Инсурхентес». С первого дня атлеты восстали против рекордов.

Категория до 56 килограммов. Низкорослые геркуле-сы — штангисты легчайшего веса добились выдающихся результатов. Особенно отличились 23-летний клерк из Тегерана Мохаммед Нассири и 29-летний шахтер из венгерского города Татабанья Имре Фельди. Мы наде-ялись на пермяка Геннадия Четина, который перед Олим-пиадой завладел рекордом мира в троеборье — 367,5 килог-рамма, однако он оказался четвертым. Из-за чрезмерного возбуждения Четин недобрал до своего рекорда 15 килог-раммов, проиграл не только Нассири и Фельди, но и поляку Хенрику Требицкому.

В последний миг, как и в Токио, золотая медаль ускользнула от Фельди. Толкнув 140-килограммовую штангу, Имре набрал в сумме 367,5 килограмма. И тут случилось неожиданное, в это трудно поверить и сегодня, спустя более десяти лет: иранский крепыш взял вес 150 килограммов! Мохаммед повторил достижение Фельди в троеборье, но, будучи легче его, стал олимпийским чемпионом.

Категория до 60 килограммов. Братья Иосинобу и Иосиюки Миякэ выжимают по 122,5 килограмма и стано-вятся лидерами. Задача нашего Дито Шанидзе — догнать японцев и ни в коем случае не пропустить вперед поляков — Яна Войновского и Мечислава Новака. Имея в жиме 120 килограммов, Дито вырывает 117,5 и обходит младшего Миякэ.

Толчок. Сложное положение у Шанидзе: преследуя Иосинобу, он уверенно толкает 150-килограммовый сна-ряд, обыгрывает Иосиюки, но уже не может спорить со старшим Миякэ. Герой Токийской олимпиады поднимает 152,5 килограмма и с суммой 392,5 выигрывает вторую золотую медаль.

Хотя Шанидзе уступил золотую медаль, но к нему, серебряному призеру, у старшего тренера сборной СССР не было претензий. Ведь Дито впервые встретился с сильнейшими полулегковесами мира и трудный экзамен выдержал с честью.

— Спасибо, Дито, — сказал Аркадий Никитич Воробь-ев. — Похвально сражался. Настоящий боец!

Вот ведь как бывает: все молодые годы Дито мечтал о славе футболиста, несмотря на малый рост, неплохо играл в волейбол. А о штанге и понятия не имел. Когда же тренер Кучухидзе в Кутаисском доме спорта предложил появившемуся там новичку поднять штангу, все ахнули от удивления: Дито выжал 70 килограммов и толкнул 90, сам же он весил менее 60 килограммов. Ну, кто мог поверить, что Шанидзе до этого случая штанги в руках не держал? Кто-то его назвал «подпольным атлетом». Думали, что он так и «замрет» на этих результатах. Однако уже через два месяца на первенстве республики Шанидзе занимает вто-рое место и в ноябре того же 1962 года выполняет норму мастера спорта — 325 килограммов.

Со стороны запоздалая любовь Шанидзе к тяжелой атлетике могла показаться чудачеством. В 25-летнем возрасте многие штангисты покидают помост, а он возна-мерился стать чемпионом республики. Уж очень хотелось Дито завоевать на первенстве Грузии золотую медаль и после этого побывать в родном селении Дэрчи.

С тех пор Шанидзе стал выигрывать все чемпионаты республики. Особенно удачливым для него был 1966 год, когда он установил свой первый рекорд СССР, толкнул штангу весом в 147,5 килограмма. Его пригласили в сборную команду страны, и он за два года стал мастером спорта международного класса.

Разумеется, было на пути атлета немало трудностей, но он их преодолевал с улыбкой, с шуткой.

В день открытия Игр почти во всех наших газетах был помещен снимок, вызывавший улыбку: штангист Дито Шанидзе «прогуливался» с баскетболистом Сергеем Коно-валенко, взобравшись на высокий гранитный парапет, чтобы поговорить «на одной высоте» с самим «дядей Степой». Я-то знаю: Шанидзе так поступил для того, чтобы люди, увидевшие это, улыбнулись. И он добился своего.

Дито мало говорит, но каждое его действие — веселая шутка, так необходимая его товарищам по команде.

Только на помосте Шанидзе не шутит. Некогда! Стра-стно боролся он за победу в Мехико. Серебряная медаль не золотая, но товарищи от всего сердца поздравили Дито с замечательным успехом. Он показал себя достойным конкурентом знаменитому Иосинобу Миякэ, атлету, кото-рый не знает поражений с 1962 года. Иосинобу был уже чемпионом мира, а наш Дито лишь тянулся к норме мастера. За шесть лет он почти догнал Миякэ...

Категория до 67,5 килограмма. В этом весе наши атлеты в розыгрыше медалей не участвовали.

В жиме, как и ожидалось, отличился ветеран польской тяжелой атлетики 39-летний Мариан Зелинский. Он стал лидером с результатом 135 килограммов. Такую же штангу выжали 23-летний японец Нобуюки Хатта и знаменитый Вальдемар Башановский.

Победитель Токийской олимпиады не упустит свою «жар-птицу». Башановский — блестящий темповик, обладатель рекордов мира в рывке и толчке. Он уверенно выиграл золотую награду, опередив второго призера иранца Парвиза Джалайера на 15 килограммов. Ветеран польской сборной Зелинский удостоился бронзовой медали.

Категория до 75 килограммов. Как на праздничное представление шли советские туристы в «Инсурхентес» в день выступления армейского богатыря Виктора Куренцова, серебряного призера Токио, двукратного чемпиона мира. И замечательный атлет оправдал лучшие надежды своих соотечественников: победил убедительно, с новыми рекордами. Достаточно сказать, что второй призер турнира японец Масахи Оути отстал от Куренцова на 20 килограммов.

И все же даже в этот счастливый для нас вечер были тревожные минуты. Выжав 152,5 килограмма, Виктор всех опередил настолько, что о конкуренции с ним не могло быть и речи. Однако атлет чуть сам себя не наказал: лишь с третьей попытки вырвал 135 килограммов.

Уже после награждения олимпийский чемпион признался: «Все висело на волоске».

Зато концовка получилась на славу. Куренцов в зачетном подходе толкнул 187,5 килограмма — мировой рекорд — и набрал в сумме 475 килограммов.

Сделав золотой почин, комсорт сборной подал хороший пример своим товарищам. На другой день его успех развили сразу двое — ленинградец Борис Селицкий и киевлянин Владимир Беляев.

Категория до 82,5 килограмма. Советскому дуэту противостояли экс-чемпионы мира поляк Норберт Озимек и венгр Дьёзе Вереш, чемпион Токийской олимпиады Ханс Здражила из Чехословакии и многие другие. Но превосходно подготовленные Селицкий и Беляев никого не пропустили вперед. Им бы обоим по золотой медали, однако в тяжелой атлетике такого не бывает.

Сюжетная канва состязаний оказалась таковой: до последнего подхода не было ясно — кто же победит?

Толкнув 185-килограммовый снаряд, Владимир повторил в сумме свой же рекорд мира, установленный им в

1966 году на мировом первенстве в Берлине, — 485 килограммов. Селицкий был легче Беляева и отставал на 2,5 килограмма. Ему нужно было толкнуть 187,5. Перед этим Борис не справился с весом, которым овладел его товарищ. И вот в решающем подходе ленинградец поднимает победные 187,5 килограмма и выходит на первое место.

Беляев проиграл золотую награду. Но давайте не будем называть это проигрышем — победила в тот вечер школа советской тяжелой атлетики. Третий призер — Озимек уступил нашим атлетам 12,5 килограмма.

Категория до 90 килограммов. Еще летом не было никаких сомнений в том, что олимпийским чемпионом среди полутяжеловесов в Мехико будет наш Яан Тальтс. На чемпионате Европы в Ленинграде он уверенно выиграл у наиболее грозных соперников — шведа Бу Юханссона и финна Каарло Кангасниemi, установив мировой рекорд в троеборье.

Однако финский атлет, готовясь к Олимпийским играм, стал так бурно прогрессировать, что намного превысил рекордные достижения Тальтса. Его результаты поднимались, как тесто на дрожжах.

Была небольшая надежда, что в очной встрече Кангасниemi дрогнет. Но этого не случилось. Могучий финн выжал 172,5 килограмма, а Тальтс — 160. Отыгаться в рывке Яану не удалось. Наоборот: Каарло увеличил «просвет» до 20 килограммов.

После того как Кангасниemi закончил борьбу, толкнув 187,5 килограмма, Яан решил доказать, что и он достоин уважения. Высший восторг охватил зрителей, когда советский силач установил новый рекорд мира — толкнул 197,5 килограмма.

Без особого энтузиазма Тальтс принимал поздравления с серебряной наградой. Для полного удовлетворения ему не доставало титула чемпиона Олимпийских игр. Атлет покинул Мехико с твердым намерением победить в Мюнхене.

Категория свыше 90 килограммов. Наша сборная была уже недосягаемой, когда на олимпийский помост вышел Леонид Жаботинский. И богатырю из Запорожья оставалось поставить последнюю точку в победной реляции советских штангистов из Мехико.

Его успех не вызывал сомнений. Он победил легко, без особого напряжения, но и без блеска. Жаботинский довольствовался результатом четырехгодичной давности — 572,5 килограмма. Может, потому, что опасных конкурентов за «золото» не оказалось.

До олимпийского турнира было много разговоров о силе американских тяжеловесов. Некоторые специалисты думали, что Дьюб и Пикетт наконец-то одолеют нашего богатыря. Однако на мексиканском помосте геркулеса США были неузнаваемы.

Пикетт, который одно время был рекордсменом мира в жиме, не справился со 190-килограммовым снарядом и выбыл из борьбы за титул чемпиона. Недалеко ушел и Дьюб, рекордсмен мира в этом упражнении. Он, как и Жаботинский, выжал 200 килограммов.

После этого судьба золотой медали была предрешена. Американский штангист лишь во втором подходе сумел вырвать 145 килограммов, а Жаботинский зафиксировал 170. Такой отрыв позволил ему ограничить свое выступление в толчке, прямо скажем, мизерным результатом — 202,5 килограмма.

Принимал поздравления и замечательный бельгийский силач Серж Реддинг. Москвичи неплохо знали этого штангиста, библиотекаря из Брюсселя. Он не раз приезжал к нам для участия в состязаниях на Кубок дружбы. После двух упражнений Серж проигрывал американцу 2,5 килограмма, но Дьюб не собирался ему уступать вторую ступеньку на пьедестале — толкнул 210. И тут бельгиец проявил огромную волю к победе — поднял самую тяжелую штангу Олимпиады — 212,5 килограмма.

* * *

Итак, наши штангисты вписали в летопись советского спорта еще одну победную страницу, они завоевали три золотые и три серебряные медали. Лишь Четин не попал в число призеров, но и он принес сборной три очка.

Наши бывшие соперники — атлеты США — довольствовались одной бронзовой наградой и седьмым местом в командном зачете.

Да, нелегким было олимпийское «золото» в Мехико. 197,5 килограмма поднял наш отважный Яан Тальтс в полутяжелом весе. Фантастика! Но проиграл... В Мельбурне же Паулю Андерсону (супертяжеловесу!), чтобы стать «золотым», хватило 187,5 килограмма. А ведь американец весил на полцентнера больше Тальтса.

Венцом победы Виктора Куренцова стал толчок рекордной штанги. Разве это не чудо, что атлет весом в 75 килограммов поднял 187,5!

**«Аве, Виктор!» —
«Здравствуй, Победитель!»**

Таким возгласом древние римляне встречали в дни триумфов своих прославленных полководцев. Так же приветствовали наши туристы Виктора Куренцова в олимпийском Мехико.

Давно я собирался написать о нем очерк, еще в 1964 году, когда он как вихрь ворвался в сборную страны и стал серебряным медалистом в Токио. Но осуществил задуманное лишь перед Мексиканской олимпиадой.

Весной мы встретились в Дубне, где наши силачи одно время любили готовиться к международным турнирам. Очень им нравилось жить на берегу Волги. Увидел я Виктора и, признаюсь, растерялся. Раньше он со своей извиняющейся улыбкой казался веселым и чуточку беспечным парнем. А тут я увидел его злым и дерзким, каким он бывал только на помосте, когда шел атаковать рекордную штангу. И все же я попытался с ним побеседовать. Однако Виктор отвечал сухо, стандартно, будто анкету заполнял, а потом сказал: «Знаете что, поговорим в другой раз — после Мехико...»

В мае я вновь встретился с ним, на этот раз в Луганске, на чемпионате СССР. И опять поведение Куренцова меня насторожило. Он был то желчным, раздражительным, то удивительно чутким и покладистым.

Атлет познакомился с луганским писателем Владиславом Титовым. Они познакомились без рукопожатия, потому что у Титова нет рук. Свою повесть «Всем смертям назло», как известно, он написал зубами.

Когда-то Титов тоже поднимал штангу и мечтал, разумеется, о чемпионских титулах, но ни одной золотой награды добыть не успел. Восемь лет назад на шахте «Северная» Донецкой области произошел трагический случай — замкнулся провод электросети под высоким напряжением. И тогда жизнь шахтеров спас горный мастер Титов, рискуя собственной жизнью. Могучий организм атлета победил смерть.

С таким героем перед самым выходом на помост познакомился чемпион. И впервые в жизни Виктор сам попросил автограф. Снял широкий штангистский ремень, на котором черной стрелой указан будущий мексиканский результат — 475 килограммов, и положил этот ремень на подоконник. Писатель стиснул зубами шариковую ручку и расписался: «В. Титов».

Я был рядом с Куренцовым, когда он, застегивая на талии ремень с автографом, очень серьезно сказал:

— Мужество... Да, понимаю, у кого мы, атлеты, должны учиться...

Потом Виктор, не жалея себя, зло жал, рвал и толкал тяжелый снаряд. Уже очень ему хотелось сделать подарок Титову — порадовать писателя мировым рекордом, но штанга вела себя на редкость непослушно. И атлет нервничал.

— Вот, Макарыч, говорил вам — надо вместе готовиться! Разбежались в разные углы... Нельзя так... Провалить все можно, — выговаривал Виктор своему тренеру Муромцеву (тот ушел из ЦСКА тренировать спартаковцев).

Иван Макарович попытался что-то возразить, но Куренцов отрезал: «Или работаем вместе, или разойдемся!» И все же Виктор сделал подарок Титову — вручил ему только что завоеванную золотую медаль чемпиона страны.

— Выступлю в Мехико и, пожалуй, со штангой покончу, — сказал мне атлет. — Буду служить и учиться. Из меня должен неплохой командир выйти — подход к людям имею...

— Неужели расстанешься со спортом?!

— Да, с Тамарой все обговорил. Она согласна. И Сережка обрадовался. Папка, говорит, все время дома будет... Я, знаете ли, не люблю ездить много и соревноваться. В прошлом году отказался от поездки во Францию, Индию, Австрию. Этой зимой не поехал в Мексику. Другое дело — тренировки: поднимаю штангу, наслаждаюсь.

Слушал Виктора и думал: устал человек. Отдохнет, о другом заговорит. Так бывает со всеми. Удивительно усложнилась жизнь Куренцова за последние четыре года. В год Токийской олимпиады он был в ответе только за себя, а теперь — за семью, за товарищей по службе и спорту (Виктор комсорг команды), за приоритет нашей тяжелой атлетики. И добро еще, что за плечами у него хорошая школа жизни. Крепкий и очень стойкий он человек.

...Виктор родился в страшный год — 1941-й. Ему было несколько месяцев, когда его родную белорусскую деревню Тухинку растоптали и сожгли фашисты. Война сделала его сиротой: пал где-то под Смоленском отец, пропала без вести мать. И жив Куренцов остался только благодаря доброте людской.

Ему везло и везет на хороших людей. В детском доме, как он вспоминает, его кумиром был старый бородатый печник, потерявший в дни войны детей и внуков. Старик приносил малышу сладости, а тот помогал ему месить

глину, топая босыми ногами в корыте, подавал кирпичи и уверял, что, когда вырастет большим, будет класть печи.

— Это доброе дело, Витек, — говорил старик. — Печи людям нужны, с ними тепла больше, а печали меньше.

Но печником Виктор не стал. Детдом направил его в Новокузнецк, в ремесленное, учиться на слесаря. Эта специальность ему понравилась.

Куренцову шел только пятнадцатый год, когда он стал слесарем Кузнецкого металлургического комбината. 50 цехов, везде лязг и скрежет металла, тысячи рабочих... Как хотелось тогда Виктору стать заметнее, взрослее, чтобы его отличили и похвалили! Похвалу любил. Но он был мал ростом, и ему казалось, что его никто никогда не разглядит, не оценит по-настоящему. Так проработал в «слесарке» около двух лет, добросовестно выполняя любые поручения мастера. Сторонился беспечных ребят, не пил, не курил...

Однажды в теплый весенний день 1959 года Виктор, сбросив спецовку, обтачивал болванку. И вдруг почувствовал на себе пристальный изучающий взгляд. Повернулся и увидел незнакомого коренастого человека.

— Что смотрите? — спросил Виктор.

— Атлетов ищу. Попробуем? Приходи в клуб...

Он пришел. А почему бы и не прийти — может, дело предложат? Так состоялось знакомство Куренцова с еще одним хорошим, добрым человеком — инструктором физкультуры комбината Евгением Саввичем Яли, большим знатоком тяжелой атлетики.

С каждым днем тело юноши наливалось силой. На первых тренировках поднял 50 килограммов, вскоре 60, потом 80, 90, 100... В том же году Куренцов сумел вплотную подойти к первому разряду, а в следующем, когда его призвали в армию, мечтал уже о звании мастера спорта.

Приемная комиссия сразу оценила физическую мощь новобранца и определила его в десантники. Смелый, жаждущий подвига Куренцов быстро овладел мастерством рукопашного боя, стал отличным парашютистом. Но части нужны были и хорошие штангисты. Виктору создали условия для занятий тяжелой атлетикой, и, получив план тренировки от Яли, он снова стал упражняться.

Куренцов был уже мастером спорта, когда впервые увидел живого чемпиона мира, своего будущего тренера, друга и даже родственника офицера Владимира Каплунова (их жены — родные сестры). До этой встречи Куренцов серьезно полагал, что именитыми атлетами становятся люди какого-то особого склада. Но сколько он ни пригля-

дывался к Каплунову, ничего сверхъестественного в нем не обнаружил. Зато чемпион мира почти с первого взгляда заметил и оценил молодого атлета и вскоре после армейских состязаний добился того, что Куренцова перевели служить в Хабаровск.

Яркие, талантливые люди обычно не долго ходят в подающих надежды.

...Смело боролся Куренцов и в Токио, наградой за мужество была серебряная олимпийская медаль. Радоваться бы ему, но Виктор вернулся в Хабаровск не очень веселым. Он бичевал себя за проигрыш Здражиле.

— Не стал чемпионом — значит, мало тренировался, — говорил Куренцов о себе, хотя это было не так.

В 1965 году начался новый этап его спортивной биографии. Он побеждал на всех турнирах — больших и малых. Однако все победы ему доставались очень дорого. На чемпионате Европы в Софии он одолел угловатого немецкого силача Вернера Дитриха только благодаря тому, что сумел наверстать проигранные 7,5 килограмма в завершающем упражнении — толчке. Такая же ситуация повторилась через несколько месяцев на чемпионате мира в Тегеране, Виктор побеждал, но звонкости в его победах не было, и о нем почти не писали.

Самое тяжелое испытание выпало на его спортивную долю на чемпионате Европы и мира 1966 года. Это было осенью в Берлине. Соперничали с Виктором такие тяжелоатлетические асы, как американец Рассел Нипп, поляк Вальдемар Башановский и немец Вернер Дитрих. После жима и рывка Куренцов оказался на четвертом месте.

Эlegantный Башановский толкнул 175 килограммов и закончил борьбу с суммой 447,5.

...Куренцов остался один на один с огромной штангой весом 182,5 килограмма. Позже в гостинице, счастливый, он смотрел телевизионную запись состязаний и удивлялся.

— Ну, давай, Витя, — сказал чемпион, когда увидел себя медленно подходящим к гигантскому весу. — Посмотрим, как толкают 182,5!

Только в 1967 году Куренцов внес в мировую таблицу восемь исправлений. И олимпийский сезон им был начат в типично куренцовском духе — с рекордов. Соревнуясь в Дубне, Виктор увеличил сумму в троеборье до 472,5 килограмма.

На XIX Олимпийских играх Виктор Куренцов одержал блистательную победу, в духе наших лучших традиций.

Одержимость

Первое интервью у Тальтса я взял в феврале 1964 года, после того как он стал рекордсменом и чемпионом страны среди юниоров. Уже тогда 19-летний армейский атлет напоминал человека, умудренного большим житейским опытом. Подкупал он еще аккуратностью и деловитостью.

Узнал я, что родом юный чемпион из эстонского села Массяру. Рос он в многодетной семье Аугуста Матсовича Тальтса, зоотехника местного совхоза (у Яна три брата и три сестры). В такой семье баловнем судьбы не вырастешь, тем более что мать Яна Саалме Яановна была учительницей. Вечно занятая, озабоченная, она старалась приобщать детей к посильному труду: они заготавливали дрова, ухаживали за огородом, за домашними животными, птицей, косили, поддерживали в доме чистоту и порядок.

В ту пору школьник Ян не думал о знаменитых спортсменах. Ему, младшему из братьев, просто хотелось подрасти и стать посильнее. Поэтому он азартно играл в волейбол, настольный теннис, участвовал в школьных соревнованиях легкоатлетов. Еще в третьем классе его прозвали «чемпионом». Из него мог получиться неплохой толкатель ядра или волейболист, но он выбрал штангу. Почему?

В 15-летнем возрасте, когда Ян учился на втором курсе Техметского сельскохозяйственного техникума, он, поразмыслив, пришел к выводу, что с его относительно невысоким ростом нельзя стать классным волейболистом, не было надежды и на большой прогресс в толкании ядра. Оставался теннис, в котором Тальтс преуспевал.

— Но один умный человек, — вспоминает Ян, — мне как-то сказал: «Тебе, парень, надо силу развивать, пока молодой и здоровый, а в теннис сможешь играть в сорок и пятьдесят лет...»

Попробовал юноша себя на борцовском ковре, быстро стал второразрядником, но вскоре разочаровался. Не нравилось ему, что иногда исход схватки зависит не от силы и ловкости, а от нелепой случайности.

Однажды он увидел: один из его однокурсников легко жал «двухпудовик».

— И я могу, — сказал себе Ян.

Попробовал — не смог. Заело. И так он после этого вгрызся в тренировки с гириями и штангой, что даже злился, если что-то мешало заниматься. И пошел Ян в гору. А начал он, можно сказать, действительно с нуля. На первом соревновании поднял 132,5 килограмма в... троеборье.

Ему было у кого учиться тяжелоатлетическому мастерству. В техникуме помогал советами районный тренер Ойя Альберт, в годы армейской службы Тальтс заимствовал все лучшее у сильнейших штангистов сборной Украины. Однако самостоятельный Яан больше всего полагался на себя. Он много размышлял, готовясь в большие чемпионы, о чем свидетельствуют его ранние дневниковые записи. Вот некоторые из них:

«Готовил дипломную работу. Не тренировался — нехорошо...»

«Вес 88 кг. Самочувствие хорошее. Ноги свежие — сильные».

«Соревновался в Тарту. Получил травму. Нельзя выходить на помост неподготовленным, непродуманно».

«Слишком много соревнуюсь, некогда тренироваться, копить силу. Потому и самочувствие неважное».

«Ездил в Кяярику. Толкал ядро, прыгал, много бегал, плавал, метал копье, тянул штангу — хорошо!»

«Новый, 1964 год встретил по-армейски. Мечтаю об одном — иметь нормальные условия для тренировок. Хочу поднимать 450 кг...»

И вот сбылось: Яана заметили, включили сначала в молодежную сборную страны, затем — во взрослую.

В 1966 году тренеры нашей «богатырской дружины» решили испытать Яана в деле. Предпочли его, 22-летнего, всем знаменитостям, в том числе и олимпийскому чемпиону Владимиру Голованову. Однако дебют Тальтса на мировом помосте (это было осенью в Берлине) многих разочаровал. Не справился Яан с начальным весом в жиме и принес команде горькую «баранку», после чего его обвинили в неумении владеть собой, в слабости. А он, уязвленный, рвался снова в бой.

— Плохая воля? Чепуха! Что я трус, выходит? — кипятился Яан. — В жизни никогда никого не боялся. Просто не размялся как следует перед жимом...

Через два дня после драматической неудачи там же, в Берлине, Тальтс снова вышел на помост и превысил рекорд мира в троеборье. Но выступление было показательным, и команде оно ничего не давало...

Начало 1967 года тоже ничего хорошего не сулило. Над Яаном шутили — «тут болит, там болит». Ему и в самом деле нездоровилось, травмы одолевали. Особенно спина тревожила, а он, упрямый, таскал и таскал тяжеленную штангу, готовил себя в большие чемпионы. И желанная победа пришла.

...Бледный от счастливого волнения, голубоглазый Яан легким прыжком поставил себя на верхнюю ступень

спартакиадного пьедестала и высоко поднял руки над головой. Он первый в мире из штангистов полутяжелого веса взял 500-килограммовый рубеж.

«Пройдут годы, — подумал я тогда, — полутяжеловесы будут поднимать 550, а может, и 600 килограммов, но мир атлетов никогда не забудет Тальтса, основателя «Клуба-500» для штангистов полутяжелой весовой категории...»

Велико было восхищение спортсменом. Имя эстонского богатыря стало синонимом мужества. В год 50-летия Великого Октября Тальтс установил семь мировых рекордов! Спортивные журналисты назвали его лучшим спортсменом года.

Весной 1968 года я увидел Яана в Дубне. Был он угрюмым, сосредоточенным, и я не сразу решился выполнить просьбу одного своего коллеги — взять у него автограф. Но расписался он охотно. Нарисовал штангу и поверх нее вывел цифру «510», уточнив — 6.IV 1968 г.

Я прочел это и глазам своим не поверил. Такой результат Тальтс обещал показать на Олимпиаде в Мехико. Не шутит ли? Нет, он не шутил. В тот же день Яан вышел на помост и, окрыленный, поднял ровно 510, установив попутно рекорды мира в рывке и толчке. Поздно вечером, довольный, онпил кефир и ел вволю...

После побед с мировыми рекордами на чемпионате страны и на первенстве Европы в Ленинграде Тальтса считали без пяти минут чемпионом Олимпийских игр. Никто из журналистов не обратил внимания на его невеселое настроение во время пресс-конференции после победы на европейском помосте, когда он сказал:

— Вы все видели, какие сильные у меня соперники. Сегодня мне удалось выиграть, а завтра, может быть, они выигрывают...

Тогда Тальтс имел в виду шведа Бу Юханссона — второго «пятисотника», но сюрприз ему преподнес Каарло Кангасниemi. Перейдя из средней категории в полутяжелую, этот могучий финн легко справился с рекордами нашего Яана и в Мехико торжествовал победу.

Грустный вернулся Тальтс из-за океана. Поднял он самую тяжелую штангу полутяжеловесов, но чемпионом не стал. Мировой рекорд и серебряная медаль не радовали атлета. Не этого ждали от него...

— Пора в первый тяжелый, — посоветовал я ему, — благо, эта категория стала международной. Пойми, у тебя мало шансов победить Кангасниemi. Тяжело тебе сгонять вес...

Почему я склонял Тальтса перейти в первую тяжелую весовую категорию? Со стороны, говорят, бывает виднее,

что лучше. В 19-летнем возрасте Яан весил около 90 килограммов, а возмужав, стал еще тяжелее. Под стать отцу и братьям выдался—каждый из них весил более центнера. Мучительная сгонка веса подтачивала силы атлета.

Ничего не ответил Тальтс. Видно, не этих слов он ждал от меня.

Когда в начале 1969 года я узнал, что эстонский силач увеличил собственный вес до 98 килограммов и пробует свои силы в первой тяжелой весовой категории, я подумал: будет он все-таки чемпионом мира. О чем я и написал в «Советском спорте», заметив при этом, что в полутяжелом весе хозяином положения пока остается Кангасниemi.

Вот как отреагировал на это Тальтс.

— Пишете разные нехорошие слова,— ответил он раздраженно на мой вопрос: почему старается меня не замечать? (Это было в Киеве на Кубке дружбы.— Д. И.)— Пишете, что я не могу выиграть у Кангасниemi. Я докажу вам...

Не доказал. Изнузив себя страшной сгонкой восьми килограммов, Тальтс не был тем Тальтсом, каким мы его знали—боевым, всесокрушающим. Только после этого атлет понял, что если и добьется своего, то лишь в первой тяжелой категории.

Перед Варшавским чемпионатом 1969 года Тальтс, конечно, мечтал о титуле чемпиона—ведь ему до этого так не везло: столько мировых рекордов установил—и не чемпион мира.

Мы тоже надеялись на победу Яана. Но когда он проиграл в жиме и рывке 7,5 килограмма американцу Роберту Беднарскому, то, смирившись, успокаивали его и себя: «Для начала и вторым быть неплохо...»

Иначе думал заслуженный мастер спорта Аркадий Воробьев, он приехал на чемпионат как член технической комиссии ФХИ. Пришел к Яану и сказал: «Ты должен победить. Сколько бы Беднарский ни толкнул, толкай на 7,5 килограмма больше. Докажи, что ты мужчина...»

Американец толкнул 205. Все—Яан второй... Но наш атлет заказывает 212,5. Яан идет на выигрыш!..

Стальной гриф изогнулся дугой под тяжестью дисков, когда Тальтс оторвал снаряд от дощатого настила и мощно потянул его вверх. И чудо свершилось: Яан поднял штангу, которая была тяжелее его собственного веса на 114,5 килограмма. Рекорд и сенсационная победа!

Но что это? Секретарь соревнований Оскар Стейт приглашает к этому же весу и Беднарского. На каком основании? Американец уже использовал все подходы.

Пока мы недоумевали, Беднарский толкнул 212,5 килограмма, с нарушением правил, но толкнул, и Стейт спешит объявить его победителем...

Три часа глубокой ночью разбирался наш протест апелляционным жюри. В конце концов решили: чемпион мира—Яан Тальтс.

— Беднарский—сильный парень,— ответил Яан,— но я еще не раз докажу, что он не самый сильный.

К своим победам Тальтс относился спокойно. Этап пройден, и он весь уже в будущем, в погоне за новой мечтой. После Варшавского чемпионата Яан во что бы то ни стало решил побить рекорд мира Беднарского в сумме. Но какой он невезучий! Предельно переполненный силой, вдруг почувствовал нестерпимые боли в позвоночнике. В Москве его консультируют во многих клиниках, заключение видных профессоров категоричное: штангу поднимать нельзя—иначе можно стать инвалидом.

«Неужели это конец?—думал до головной боли атлет.—Такой фундамент заложил, стены возвел, а крыши нет...»

Сколько добрых слов уже написано о профессоре Зое Сергеевне Мироновой! И еще напишут.

«Надо лечить. Он должен еще раз пять-шесть выиграть титул чемпиона»—таково было ее заключение.

Другие сомневались: «Он же ходить не может, ему корсет нужно носить...»

Тальтс лег в клинику Центрального института травматологии и ортопедии. Необычным было его лечение. Только Зоя Сергеевна решилась на такое: Яану делали ежедневно уколы, вытягивали позвоночник в воде, а он ежедневно... упражнялся со штангой. Да, да, Зоя Сергеевна разрешила привезти в клинику штангу, и Яан жал ее, чтобы руки не ослабли. И еще он решил обзавестись корсетом—мощным мышечным корсетом, для чего проделывал тысячи движений, чтобы укрепить мышцы живота и спины.

Трудно стало ему оставаться в больнице, когда узнал о результатах чемпионата СССР. Его одноклубник по «Йьуду» Карл Утсар победил в Вильнюсе и, кроме этого, рекорд мира в рывке побил дважды. Так могут забыть его, Тальтса, списать раньше времени. И как только боль сняли, Яан вернулся в Таллин и через 20 дней установил два мировых рекорда.

— Главное—не успокаиваться,—внушал себе Яан.—Соперники сильные, и их много...

Атлет еще строже относится к себе, к своим тренировкам. И вот на чемпионате Европы в Сомбатхее Тальтс

побеждает с новым рекордом мира в сумме — 562,5 килограмма! Путь в Колумбус на мировое первенство открыт.

Теперь уже редко кто вспоминает о позорном сюрпризе хозяев чемпионата мира: накануне турнира они, пустив в ход послушную им машину голосования, разыграли фарс с мнимым чемпионством Беднарского. Перечеркнув подвиг Тальтса в Варшаве, они объявили победителем первенства мира 1969 года американца.

— Ну, я покажу, какой он чемпион... — возмутился Тальтс, узнав об этой нелепой новости.

Десять дней Яан злился: «Как так можно?! Я гость США, и хозяева лезут ко мне в карман — медаль отбирают...»

Мы опасались, что перегорит Тальтс, — на это, видно, и рассчитывал тренер Беднарского Джон Терпак. Но не из такого сплава наш Яан, чтобы «сгореть» от провокации...

...Четыре тысячи американцев стоя приветствовали победу Тальтса, увенчанную двумя мировыми рекордами. Беднарский проиграл советскому богатырю 35 килограммов! Какие еще могут быть вопросы?!

Пора, кажется, и отдохнуть. Самое время съездить к родителям в Пярну. Но не знал покоя одержимый. Каждый день Тальтс приходил в зал тяжелой атлетики «на часок», чтобы размяться, и, увлекшись, упражнял свое могучее тело по три-четыре часа кряду.

Бледное округлое лицо Яана с едва намечающейся складкой под гладко выбритым подбородком стало еще бледнее. Во всю ширину лба с легкими бугорками надбровий легли глубокие борозды затаенного раздумья. Я-то знал, о чем постоянно думал Тальтс: для полного удовлетворения своей атлетической судьбой ему не доставало лишь золотой олимпийской награды. Не щадя себя, эстонский силач готовился к Мюнхену.

Неудобно было донимать его вопросами личного характера, поэтому я спросил Яана, что он может пожелать юным атлетам?

— Терпения. Великого терпения, — ответил Тальтс, почти не задумываясь, и пояснил: — С нуля начинаем — с пустого грифа. Лет восемь-десять проходит, пока доберешься до настоящих рекордов. Бывает ужасно тоскливо тренироваться и тренироваться, но надо все терпеть, проявлять силу воли. Талант, конечно, нужен, но главное — это терпение. Большой спортсмен — всегда большой труд...

Да, это так и есть. К сказанному я еще добавил бы: большой спортсмен — всегда одержимый, одержимый страстным стремлением к прогрессу. Ни перед какими

трудностями не склонил головы великий подвижник Яан Тальтс, потому и развенчал Беднарского, выступая за океаном. За выдающиеся достижения в Колумбусе атлет был награжден орденом Трудового Красного Знамени. А после Мюнхена на его груди появится второй такой же орден.

Начало великого восхождения

Весть о первых мировых рекордах Василия Алексева прозвучала как гром среди ясного неба. Услышав об этом по телефону, я попытался припомнить все, что мне известно о новом абсолютном рекордсмене мира. Увы! — мои знания о Василии были очень скудными. После того как великий Юрий Власов покинул помост, мы все надежды на успех наших штангистов в сверхтяжелом весе возлагали только на украинского гиганта Леонида Жаботинского. На таких атлетов, как Алексеев, особого внимания, признаться, не обращали.

И вдруг — неожиданный звонок из Великих Лук, куда три дня назад меня приглашал московский тренер Александр Чужин.

— Хочешь быть свидетелем чуда? — спросил он меня перед своим отъездом на соревнования. — Поедем. Не поедешь — пожалеешь! Скажу по секрету: «черный» в большом порядке. Ты, голуба, пишишь, будто некому заменить Жаботинского. Прости, ошибаешься... Жди чудовищных рекордов — я тебе дам знать.

... Варшавский чемпионат мира 1969 года завершился убедительной командной победой советских штангистов. Но у этой тринадцатой нашей победы был горький привкус: впервые за последние двенадцать лет титул мирового чемпиона в сверхтяжелом весе завоевал не советский атлет, а Джозеф Дьюб, новая «звезда» тяжелоатлетического спорта Соединенных Штатов Америки. Двукратный олимпийский чемпион Леонид Жаботинский, которого считали непобедимым, почувствовал резкие боли в пояснице и неожиданно вышел из борьбы за титул чемпиона. Много позднее выяснилось, что у атлета был не радикулит, от которого его лечили, а камни в почках.

Мировая пресса продолжала комментировать итоги мирового чемпионата. Французская газета «Экип», спрашивая «В упадке ли Жаботинский?», сообщала:

«Отказ Леонида Жаботинского от соревнований был предметом самых разных и противоречивых разговоров за кулисами первенства мира. Для многих обозревателей

олимпийский чемпион, неприятно пораженный прогрессом восходящих конкурентов Дьюба и Рединга, которые его значительно опередили, неожиданно отказался от толчка, ссылаясь на повреждение, определившее его поражение...

Неужели мы присутствовали при упадке самого сильного человека в мире? Есть основание считать, что это действительно так, если только не случится того, что для восстановления своей репутации, из соображений честолюбия Жаботинский не вернется на помост, когда он будет уверен в победе. Неужели мировой рекордсмен сверхтяжелых атлетов откажется принять вызов, добиться фантастического результата в 600 килограммов только из-за того, что в Варшаве выступил неудачно? Неужели он последует примеру своего знаменитого предшественника Юрия Власова?..

Перед нами качающаяся фигура мощного Жаботинского, который был достаточно неубедительным в Варшаве. И эта картина перед нашими глазами должна беспокоить страну, которая насчитывает более четырехсот тысяч зарегистрированных штангистов...

Да, это нас беспокоило. Но мы не видели богатыря, который мог бы полноценно заменить в команде Жаботинского. А такой богатырь, оказывается, уже был.

... В начале 1968 года—года Мексиканской олимпиады—в редакцию газеты «Советский спорт» пришло письмо (не помню откуда)—не очень качественный фотоснимок и записка: «мастер спорта В. Алексеев, второй тяжелый вес, результат—520 кг».

Мне бы задуматься: «Что же это за парень?» Но был великий Жаботинский с 590-килограммовым рекордом мира, поэтому килограммы какого-то Алексеева, комплекция которого, судя по фотографии, далеко не богатырская, впечатления не произвели.

В мае того же олимпийского года все силачи страны собрались в Луганске (Ворошиловграде), где стояла страшная жара. Силы атлетов таяли как воск. В такой изнурительной обстановке чемпионат СССР стал исключительно трудным испытанием для всех, особенно для супертяжеловесов.

После процедуры взвешивания богатыри начали готовиться к выходу на соревновательный помост.

— Водички бы—помираю!—обратился к А. В. Чужину черноокий атлет.

Это и был Василий Алексеев. Он прохаживался по разминочной комнате, приглядывался к именитым соперникам, ожидая, когда пригласят на парад самых тяжелых, самых сильных.

— Потерпи! Водой не наливайся. Если тебе дышать трудно, представляешь, каково им,—кивнул Чужин в сторону не в меру тучных тяжеловесов, отдыхающих на раскладушках.

Умышленно, а может, и нет на параде Алексеев оказался бок о бок с Жаботинским, который не обратил на это никакого внимания—мало ли желающих попасть в один кадр с самым-самым...

Но вот началась «рубка», и олимпийский чемпион за своей широченной спиной неожиданно почувствовал горячее дыхание настырного и бесцеремонного незнакомца. Выжав довольно оригинальным способом 180-килограммовую штангу, Алексеев так же ловко поднял и 190 килограммов. Поднял и... ушел готовиться к рывку, отказавшись от третьей зачетной попытки. Потом, когда Жаботинский ограничился в жиме 195-килограммовым результатом, Василий пожалел: «Зря не использовал третий подход—золотую медаль мог бы выиграть...»

Не в Луганске ли у Жаботинского, находившегося в расцвете сил, впервые екнуло сердце? Шутка ли—атлет, о существовании которого он до этого и не подозревал, стал третьим призером чемпионата с хорошим результатом—540 килограммов!

После этого первенства в альбоме Алексеева появилась фотография, на которой он был запечатлен с Жаботинским и серебряным медалистом Станиславом Батищевым. На обратной стороне снимка Василий размашисто написал: «Хочу быть первым!»

... Подготовка наших штангистов к Мексиканской олимпиаде была в прямом и переносном смысле слова на высоте. Атлеты тренировались в центре Кавказа—в Цейском ущелье. Было сделано все, чтобы они ни в чем не испытывали нужды. Фрукты—самые свежие, бифштексы—тоже. Каждое утро пригоняли на заклание молодого бычка...

И для тренировок были отличные условия: на свежем горном воздухе—под навесом, укрывающим от солнца. И кандидаты в олимпийскую сборную не ленились. Каждый за тренировку поднимал от десяти до двадцати тонн. Лишь новобранец сборной Алексеев вел себя по меньшей мере странно: целые дни то загорал, то играл в волейбол, то кружил возле бильярдного стола. Словом, разочаровал Василий тренеров, в тренировках с тяжестями особого рвения не проявил. Может, он понимал, что ему рано соперничать с олимпийским чемпионом...

На чемпионате Советского Союза, который проходил весной 1969 года в Ростове-на-Дону, Алексеев не попал в

число призеров. Однако веры в себя не потерял. Когда Жаботинский толкнул 210 килограммов и в пятый раз завоевал титул чемпиона Советского Союза, Алексеев, поздравляя его, пообещал: «В семидесятом я, Леонид Иванович, столько выжму, сколько вы сейчас толкнули...»

— Ты это серьезно? Не шутишь?—спросил Жаботинский, усмехаясь.

— Разве я похож на шута? Сказал—выжму!

— Ну и нахал ты, Васятка...

Окружающие рассмеялись. Многие восприняли слова Алексеева как шутку. А один из тренеров, отходя, буркнул: «Трепач!»

Жаботинский же, как мне показалось, призадумался. Пятая золотая медаль чемпиона страны его не радовала. Был он уже явно не тот, что год назад. Результаты шли на убыль. В беседе со мной, жалуюсь на боли в пояснице, Леонид сказал, что в Варшаве будет работать только на выигрыш—о рекордах не думает.

Наша первая дружина готовилась к Варшавскому чемпионату. Алексеева на этот сбор, как не оправдавшего надежд, не пригласили. Его списали с «тяжелоатлетического корабля», когда он больше всего нуждался в дружеском внимании к себе и в медицинской помощи. По заключению московских врачей Алексееву категорически запрещалось поднимать штангу. И Василий на полгода исчез из поля зрения специалистов.

И вот всеми забытый атлет из города Шахты за один вечер установил четыре рекорда мира. 24 января 1970 года, выступая в городе Великие Луки, 28-летний Алексеев вычеркнул из списка мировых рекордсменов американских штангистов Джозефа Дьюба и Роберта Беднарского и дважды превысил достижение Жаботинского в сумме троеборья. Все ли было по правилам? Кто судил?

— Колоссальный атлет!—восторженно пропел Константин Артемьев, судья международной категории, отвечая на мой вопрос.—Вася вполне мог набрать шестьсот... Силища! Жим! Представь—начал с двухсот и во второй попытке, как пушинку, поднял 210,5. Рекорд Дьюба прихлопнул. И рывок что надо! Выхватил 155, потом—160 и 165! Но особенно Алексеев силен в последнем упражнении: толкнул 210, потом 217,5 и получилась мировая сумма—592,5 килограмма. У Жаботинского было, как ты знаешь, 590. Для третьего подхода ему на 220-килограммовую штангу добавили полтора килограмма, чтобы сразу прихлопнул «двух зайцев»—рекорд Беднарского в толчке и только что установленный свой в троеборье. И как поднял! Ты бы видел—ахнул! Там края

силище нет. Было бы на штанге 225 килограммов—поднял бы и их!

Позвонил я и Александру Чужину:

— Поздравляю и раскаиваюсь, что не поехал с тобой: великие рекорды в Великих Луках!

— Чего там?! Это, голуба, не то, чего хотелось. Шестьсот вполне мог поднять, да обстановка помешала—холодно было. Я тебе скажу, если Алексеев будет так же здоров, то выжмет 220, вырвет 180 и толкнет 230, а то и больше... Опять не веришь? Поднимет! Только не нужно его дергать, что-то навязывать, к чему-то принуждать. Любит тренироваться один, в спокойной обстановке...

— Как теперь тебе не верить!

...Его незабываемая весна, весна 1970 года, только начиналась. Василий основательно готовился к выходу на большой помост. В середине марта в Минске он должен был участвовать в традиционных международных соревнованиях на Кубок дружбы.

По улицам столицы Белоруссии бежали ручейки, но на газонах возле Дворца спорта еще толстым слоем лежал потемневший снег. Со всех концов страны и из-за рубежа приехали сюда спортивные журналисты.

Представителю Федерации тяжелой атлетики СССР было легко отвечать на вопросы корреспондентов, потому что все они в основном интересовались одним: будет ли участвовать Алексеев и сколько он собирается поднять.

— Да, Алексеев выступит. Его, правда, пока нет в Минске, но он вот-вот прилетит... Рединг? Бельгиец уже здесь. Тоже готов набрать 600 килограммов...

Вечером в фойе гостиницы появился Василий. Ему нездоровилось: только что перенес тяжелый грипп. Поэтому Алексеев был не таким могучим, как два месяца назад во время выступления в Великих Луках, где впервые стал рекордсменом. Но отступать он не мог.

Атмосфера за тяжелым занавесом, который отделял спортсменов от зрителей, была спокойной. Никакого ажиотажа. Будто начиналась обычная тренировка... Василий останавливался то у одного помоста, то у другого, обратил внимание на гостя из Бельгии, застенчивого Сержа Рединга, серебряного призера XIX Олимпийских игр, который, разминаясь, буквально играл 190-килограммовой штангой.

— Мне бы такую силу,—позавидовал вслух Алексеев.

Но оказалось, что в тот вечер не было человека сильнее Василия. Алексеев в двух упражнениях—жиме и рывке—выполнил программу-максимум, и теперь ему достаточно было толкнуть штангу весом в 217,5 килограм-

ма, чтобы открыть в истории тяжелоатлетического спорта новую страницу — шестисотников. И это он решил сделать с первой попытки. На трибунах появился самодельный транспарант с призывом: «Даешь шестьсот!»

Алексеев, глубоко вздохнув, поднялся во весь свой исполинский рост и, словно собираясь взлететь, развел в стороны руки.

— Протрите-ка мне плечи, лопатки... Крылья протрите! — пошутил Василий, будто и в самом деле почувствовал себя крылатым.

Тяжело ступая, окруженный плотной толпой тренеров, атлетов, судей, он направился к сцене.

Шесть ступенек вели Алексеева на помост, где находилась штанга, та самая штанга, которую никто не рисковал поднимать с первой попытки.

В распоряжении атлета оставалось три минуты, но он, казалось, забыл об этом строгом регламенте, стоял и стоял возле штанги, как будто ждал чего-то... Ждали и зрители.

— Пора, толкай! — с мольбой выкрикнул кто-то, видя, как неумолимо движется секундная стрелка судейских часов. Десять, восемь, пять секунд... И тут Алексеев решительно склонился над штангой. В последнюю секунду он медленно оторвал громаду металла от помоста. Потом, предельно напрягаясь, выпрямился во весь рост и тянул, тянул штангу все выше и выше. И вдруг, никто и глазом не успел моргнуть, как Алексеев мощным толчком послал штангу вверх.

Так в 21 час 14 минут родился рекорд, который по важности не имел себе равных. 18 марта 1970 года свершилось то, чего любители штанги ждали более шести лет. Ждали все, кому дорог спорт. Ждали сначала от Юрия Власова, героя Римской олимпиады, затем — от Леонида Жаботинского, двукратного олимпийского чемпиона. И наконец дождались! Вытолкнув вверх тяжеленный снаряд, Алексеев открыл в истории мировой тяжелой атлетики новую «эру» — 600-килограммовую!

С минуту Василий стоял возле поверженной штанги, приветственно вскинув руки. Зрители ликовали, кричали «ура-а-а». В этот вечер никто из публики не спешил уходить. Поклонники «железной игры» снова и снова вызывали на арену Алексева.

А осенью свидетельницей богатырского триумфа советского силача стала Америка. Чемпионат мира разыгрывался в Колумбусе, на родине Джозефа Дьюба, который год назад в Варшаве был назван самым сильным атлетом земли. Печать вновь прочила лавры чемпиона Дьюбу, но

дебютант мирового первенства Алексеев оказался вне конкуренции.

... С трудом заканчивали борьбу сверхтяжеловесы — стояла невиданная для сентября жара. У всех подкашивались ноги и без штанги. Поэтому Дьюб сумел толкнуть меньше, чем выжал — 205 килограммов, — и ушел с помоста прихрамывая, как с поля битвы... Рединга дважды валила с ног штанга, которая весила 215 килограммов, он справился с весом только в третьей попытке...

Василий остался один. Тренеры уговорили атлета поднять для начала 217,5 килограмма. Алексеев согласился. Пошел на помост и через минуту вернулся за кулисы, каждому соотечественнику пожал руку, всех поздравил с командной победой: капитан сделал свое дело! И попросил поставить 227,5 — рекорд мира.

После того как Алексеев поднял эту штангу, он стоял на сцене с высоко вскинутыми руками, у ног покоилась покоренная рекордная штанга. Зрители обнимали и целовали друг друга, будто каждый из них тоже поднял эту штангу. Всеобщее ликование достигло апогея, когда на сцену вышла хрупкая, словно хрустальная, девушка и вручила Василию золотой кубок за то, что он первым в мире толкнул штангу тяжелее 500 фунтов. Алексеев принял приз и поцелуй, а потом под гул одобрения долго стоял перед зрителями: держа в левой руке кубок, на вытянутой правой — «хрустальную» девушку. Торжественно звучала «Богатырская симфония» Бородина, и американцы восторженно кричали: «Это тебе, Василий!»

Вечером на банкете было оглашено приветствие президента США Ричарда Никсона в адрес самого сильного человека планеты, и Алексею вручили подарок президента — золотую заколку с автографом Никсона.

После Колумбуса Алексева ждали почести в Москве, Ростове-на-Дону, Шахтах, встречи с шахтерами и колхозниками, студентами и школьниками, пенсионерами и домашними хозяйками... Любители спорта хотели знать все об атлете, признанном лучшим спортсменом уходящего 1970 года.

... Он родился на рязанской земле, в деревне Покрово-Шишкино, в самое, можно сказать, неподходящее время — 7 января 1942 года. Шла война, жилось очень трудно, но никто из соседей не видел Алексеевых унывающими. Они никогда не роптали, не жаловались.

Василий был самым младшим, четвертым ребенком в семье рабочего Ивана Ивановича Алексева. Хотя ростом он не выделялся среди однодокров, но не по возрасту самостоятельный и сильный верховодил в классе.

С грустью он прощался со школой, когда его семья переселялась в поселок Рочегду Архангельской области. Он прощался с рязанским привольем — с необозримыми полями, лугами, речушками, в которых ловил пескарей...

Таежная Рочегда жила лесом: его валили, штабелевали, сплавляли по Северной Двине. Этим и занялись Алексеевы всей семьей, как только обжились на новом месте. Тогда-то, в жаркое лето 1953 года, 11-летний Василий и получил трудовую закалку на лесобирже.

— Может быть, я не испытываю сейчас страха перед тяжелой штангой потому, что в детстве с каким-то особым азартом хватался за самые крупные бревна, — высказывает предположение Алексеев.

Зимой он учился, а летом сплавлял лес. В 13 лет Василий уже слыл опытным сплавщиком.

Желание быть сильным в той или иной мере живет в каждом подростке. У Василия это чувство было особенно острым, потому что уже в те далекие годы сила для него имела конкретный смысл. Она поднимала его авторитет среди сплавщиков, была надежным средством самоутверждения.

Еловые и сосновые бревна были для подростка первой штангой. Второй штангой был скат от вагонетки.

Увидел однажды шестиклассник Вася, как соседский парень по десять раз подряд выжимает скат, и решил с ним, почти взрослым, посоревноваться. Вскинул скат на грудь, но выжать его не сумел. И тут впервые проявилось его спортивное упорство: не имея понятия о тяжелоатлетическом троеборье, о толчке, Вася 12 раз вытолкнул вверх тот самый скат.

Такое упорство необходимо в спорте. С 1955 года Алексеев участвует во всех районных и областных соревнованиях школьников: прыгает в длину, в высоту, кросс бежит за двоих... Но не к легкой атлетике была у него тяга. Он сделал снаряд, похожий на штангу, и упражнялся с ним в свободные минуты.

Поступив в Архангельский лесотехнический институт, Алексеев смог серьезно заняться спортом, так как в институте была лучшая в области секция тяжелой атлетики.

Пришел он к штангистам, имея рост 182 сантиметра и вес 88 килограммов. Уже в то время слабым себя не считал. Но увидев, как атлеты легчайшего веса без труда выжимают 80-килограммовую штангу, подумал: «Не туда я, видимо, попал»...

В разных секциях побывал студент и выбрал волейбол, к которому был равнодушен с детства. Он быстро выдвинулся в число лучших игроков области...

Могло случиться, что Алексеев так и не вернулся бы к штангистам, если бы в январе 1961 года его не попросили выйти на институтский помост и постоять за честь факультета в спартакиадных соревнованиях. Интересно назвать первые победные килограммы Алексеева: жим — 75, рывок — 75, толчок — 95, сумма троеборья — 245 килограммов. Тогда-то и обратил внимание на Алексеева преподаватель физического воспитания Семен Степанович Милейко, влюбленный в тяжелую атлетику.

И Алексеев стал штангистом. Он приступил к тренировкам с твердым желанием победить самого себя, свои слабости. Каждая тренировка была ступенькой вверх. Василий шел в зал и верил, что сегодня он поднимет в жиме, рывке и толчке больше, чем на предыдущих занятиях. И надежды его сбывались. Каждый раз он одерживал маленькую победу. Успехи были очевидными, и это его окрыляло и вдохновляло.

Любопытно, что после трех месяцев знакомства с тяжелой атлетикой Василий увеличил результат до 315 килограммов. Ему бы и дальше так прогрессировать, но пришлось надолго забыть о штанге...

Навещая родительский дом в Рочегде, студент познакомился с девушкой со звонким спортивным именем Олимпиада. Липа родилась и выросла в Подмоскowie. А в таежный поселок попала как экономист-плановик: после техникума сама попросила, чтобы послали на Север. Липа стала так дорога Алексееву, что он, 20-летний, решил связать с ней свою судьбу. Нетрудно представить, сколько новых забот появилось у семейного студента.

Первого сына назвали Сергеем, второго Дмитрием. Надо было вить крепкое гнездо, и Алексеев перевелся учиться на заочное отделение, а в 1965 году как молодой специалист получил направление на один из заводов Котласского целлюлозно-бумажного комбината. Зарекомендовал себя хорошим специалистом, и назначили его начальником смены...

Жизнь наладилась. Алексеев обрел душевное равновесие, и его вновь потянуло к тяжелой атлетике. За год тренировок он стал настолько сильным, что выполнил норму мастера спорта СССР.

Нужно было выходить на всесоюзную спортивную арену. Посоветовался Василий с женой, и решили они переселиться в город Шахты. Алексеев слышал, что там живет и работает тренером победитель Токийской олимпиады Рудольф Плюкфельдер. Шла добрая слава о его школе тяжелой атлетики. Вот Алексеев и рискнул осенью 1966 года поехать в далекий шахтерский город.

Все здесь Василию понравилось: и работа на шахте, и тренировки в настоящем гиревом зале, и он даже подал документы в филиал Новочеркасского политехнического института на горное отделение... Лишь с самим Плюкфельдером не находил общего языка. Надеялся Василий поучиться у знаменитого атлета. Однако они не сошлись взглядами на методику тренировок: то ли Алексеев оказался слишком строптивым, то ли тренер не сразу понял, что имеет дело с незаурядной личностью.

К концу 1966 года у Василия был уже свой, прочно сложившийся взгляд на то, как надо разумно развивать силу. И этот взгляд шел вразрез с методической концепцией Плюкфельдера.

Алексеев долго переживал размолвку с тренером, но ни о чем не жалел, потому что, как показало время, эта размолвка пошла на пользу обоим.

Мир населен Геркулесами

«Мы не ждем ничего хорошего для себя от Олимпийских игр в Мехико, но в 1972 году все будет иначе» — так писал тренер американских штангистов Морис Вейсброт, член комитета по подготовке тяжелоатлетов США, перед турниром 1968 года.

После Мексиканской олимпиады, закончившейся весьма печально для «мальчиков» Боба Гоффмана, в американской тяжелой атлетике наметился резкий подъем. Рекордсменами мира стали Джозеф Дьюб и Роберт Беднарский, подтянулись Кент Патера, Филипп Гриппальди, Рассел Нипп и другие.

Второе дыхание обрела скандинавская тяжелая атлетика. В Швеции на рекорды мира стал покушаться, и не без успеха, Бу Юханссон, в Норвегии — Лейф Иенсен, в Финляндии верховодили братья Кангасниemi — олимпийский чемпион Каарло и подающий большие надежды Кауко. Быстро прогрессировали Яако Кайлаярки и Калеви Лахденранта.

По-прежнему нашей сборной не давала покоя дружина польских силачей. Всего лишь одно очко она уступила нам на мировом чемпионате в Колумбусе.

С 1970 года началось стремительное восхождение на олимпийские высоты штангистов Болгарии.

В ФРГ не по дням, а по часам наливался силой Рудольф Манг, как его вскоре окрестили западногерманские журналисты, «новое немецкое чудо», «супер-Манг».

Отличное пополнение пришло в сборную Венгрии,

особенно в легких категориях. Нет-нет да и напоминали о себе рекордами японские и иранские силачи.

И посыпались рекорды как из рога изобилия! В тяжелой атлетике начался рекордный бум — мир, населенный геркулесами, энергично готовился к XX Олимпийским играм. Не проходило месяца, недели, чтобы кто-либо из штангистов не превысил мировое достижение. Причем невозможно было предсказать, как прогнозировали ранее, кому и какие покорятся рекорды. Что-то непонятное, не поддающееся логике стало происходить в тяжелоатлетическом спорте, когда на горизонте замаячил олимпийский Мюнхен.

Наши штангисты продолжали во всем задавать тон. И если после Мехико можно было услышать пессимистические нотки в разговорах о будущем: «В Риме мы завоевали пять золотых медалей, в Токио — четыре, в Мехико — три... Так в Мюнхене можно вообще остаться без золотых наград...» — то перед XX Играми все были настроены оптимистично. От чемпионата к чемпионату повышался авторитет сборной СССР. В Варшаве наши атлеты удостоились трех золотых наград, в Колумбусе — пяти и, наконец, в Перу — шести!

Из 310 мировых рекордов, установленных после Мехико, 220 приходилось на долю советских богатырей! Вот каким солидным был «удельный вес» нашей тяжелой атлетики перед Мюнхенской олимпиадой.

Рекордный бум охватил все страны, культивирующие спорт сильных. Этому в значительной мере способствовало решение Международной федерации тяжелой атлетики увеличить число весовых категорий с семи до девяти: права «гражданства» получили штангисты весом до 52 килограммов и от 90 до 110. Наилегчайший вес был особенно желателен для низкорослых штангистов стран Азиатского континента, а первая тяжелая весовая категория пришлось «ко двору» в Европе и Америке.

Главное же — тяжелоатлетический спорт от этого новшества стал еще демократичнее, чем был. Он принял под свои знамена всех — от мала до велика.

В нашей стране к 1972 году насчитывалось около 400 тысяч штангистов. Приток молодых талантов в сборную Советского Союза был таким обильным, что в некоторых категориях мы имели по несколько атлетов, готовых реально бороться за звание олимпийского чемпиона. Только за 1971 год советскими тяжелоатлетами было установлено 78 мировых рекордов — это был самый высокий «урожай» за всю историю отечественной тяжелой атлетики!

МЮНХЕН-72: ОЛИМПИЙСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Как улыбаются сильные?... Это можно было увидеть в памятный праздник штангистов вечером в среду. Так улыбался русский Василий Алексеев, самый сильный и добрый человек.

«Штутгартер цайтунг»

Когда я собирался в Мюнхен на XX Олимпийские игры в качестве специального корреспондента газеты «Советский спорт», то коллеги-журналисты не без зависти мне говорили: «Счастливчик! Кто-то, а штангисты не подведут! Будет о чем тебе писать...»

Впрочем, вряд ли кто из любителей спорта сомневался в том, что на мюнхенском помосте наши славные богатыри в который раз докажут превосходство советской тяжелоатлетической школы — завоеуют подавляющее большинство золотых медалей, украсят свои олимпийские победы мировыми рекордами и, уж конечно, наберут такое количество очков, которых с лихвой хватит для выигрыша первого командного приза (ведь на Олимпиадах начиная с 1964 года параллельно разыгрываются и награды чемпионата мира). Одним словом, ехали за громкой победой.

Но загад, как говорится, не бывает богат. То, что произошло с нашей командой на XX Олимпиаде, вызвало у всех поклонников тяжелой атлетики глубокое разочарование и недоумение. Четыре штангиста из девяти бесславно выбыли из соревнований, из-за чего действительно сильнейшая команда оказалась на втором месте. Как могло приключиться такое, уму непостижимо!

Но давайте вместе проследим, как разворачивались события на олимпийском помосте, которые принесли нам больше огорчений, чем радостных минут.

Счастье уходит и приходит

Величественно и трогательно прозвучала под сводами зала заздравная польская песня «Сто лят», когда закончились состязания самых легких штангистов. Польские

спортсмены и туристы славили своего мужественного соотечественника Зигмунда Смальцежа, офицера Войска Польского. Он первым из спортсменов социалистических стран завоевал титул олимпийского чемпиона. 337,5 килограмма — вот сумма победителя. Этот результат был зарегистрирован как олимпийский рекорд, поскольку атлеты наилегчайшего веса впервые участвовали в Олимпийских играх (от нас участника не было).

А на другой день торжествовали венгерские силачи. Мы надеялись на успех нашего Геннадия Четина, чемпиона и рекордсмена мира, однако ему пришлось довольствоваться лишь третьим местом. Героем помоста был Имре Фельди.

Мне не раз доводилось видеть, как трогательно утешал своего маленького Имре преждевременно поседевший венгерский тренер Андраш Орвош. И вот наконец-то после серии неудач, в том числе токийской и мексиканской, Фельди, уже 34-летний, стал олимпийским чемпионом с фантастическим мировым рекордом — 377,5 килограмма. (На Олимпиаде 1928 года абсолютный чемпион немецкий тяжеловес Йозеф Штрассбергер выиграл золотую медаль, набрав лишь 372,5 килограмма.)

И я вновь увидел, как плакали, тихо плакали, уединившись, мужчины — тренер и ученик, но теперь уже — от переполнявшего их счастья.

Порадовались и мы за славного венгерского силача, нашего большого друга, шахтера из города Татабанья Имре Фельди.

Его мировой рекорд в сумме навсегда вошел в таблицу высших достижений и останется непревзойденным, поскольку на смену троеборью по решению конгресса ИВФ, принятому в Мюнхене, пришло двоеборье.

* * *

Как изменчива фортуна! Я уже готов был побиться об заклад с кем угодно, что наш полулегковес Дито Шанидзе — олимпийский чемпион. Вот он, серебряный призер Мехико, толкнул 152,5 килограмма и попал в наши объятия. Но Дито не спешил принимать поздравления. Набрав в сумме 400 килограммов, он пошел на арену, чтобы закрепить успех. Однако 155-килограммовая штанга — она уже была наверху — упала...

— Ничего, Дито. Ты и так чемпион, — утешали мы атлета. А он замер у телеэкрана, следя, как к весу 157,5 килограмма подходил, крадучись, молодой атлет из Болгарии Нораир Нурикан.

Не прошло и трех минут, как ликующие болгары унесли на руках своего первого—за всю историю—олимпийского чемпиона по тяжелой атлетике. Толкнув 157,5 килограмма, Нораир доказал: невозможное—возможно. Он побил рекорд мира и завоевал две золотые медали—олимпийскую и мировую.

У меня было такое удрученное состояние, будто бы проиграл я, а не Дито. Так обидно стало за Шанидзе... Но ничего не поделаешь, побеждает молодость. Дито родился в 1938 году, а Нораир—в 1948-м. Наш атлет взялся за штангу в 24-летнем возрасте, а Нурикян в 16-летнем. Конечно, в какой-то мере Шанидзе не повезло, но все видели, как он умеет бороться. Честь и хвала двукратному серебряному призеру олимпийских турниров за то, что он всегда в форме!

* * *

...Двадцать легковесов начали спор за титул чемпиона. Мы надеялись на 23-летнего лейтенанта Советской Армии Мухарбия Киржинова, чемпиона V Спартакиады народов СССР. Приятно было наблюдать, как он осмысленно готовился к сражению на помосте с двукратным олимпийским чемпионом поляком Вальдемаром Башановским и рекордсменом мира болгаринном Младеном Кучевым. Мухарбий сделал все, чтобы быть чуть легче их. И на взвешивании он выиграл 100 граммов, что, как потом выяснилось, имело немаловажное значение.

Два года подряд Киржинов соревновался рискованно, часто начинал чуть ли не с предела. Его осуждали за это, так же как и его тренера Владимира Стогова, но они упорно «пробивали» потолок, зная, что на Олимпиаде начинать с малых весов нельзя. Бывало, и проигрывали, как случилось на чемпионате страны, но своей тактики не изменяли. Мухарбий был нацелен только на Олимпиаду, на рекордные результаты. И вот Киржинов для первого подхода в жиме заказал 142,5 килограмма.

Они разминались рядом—Киржинов и Башановский. И уже по тому, как «приручали» разминочную штангу, было ясно, что наш атлет значительно сильнее знаменитого соперника. Башановский тоже решил начать борьбу со 142,5 но, готовясь, не сумел выжать 130 и 135. Эти веса он после безуспешных жимовых попыток поднимал швунгом. А Киржинов выжимал их четко.

Первым наступление на 142,5 килограмма начал иранец Насроллах Дехнави, экс-рекордсмен мира в жиме. И он легко справился с задачей. Следом за ним так же

уверенно выполнил упражнение Киржинов, а вот Башановский эту штангу штурмовал трижды.

Стало ясно, что Башановский не очень опасен, куда сильнее на этот раз был другой поляк—Збигнев Качмарек, который успешно стартовал со 145. В ногу с Киржиновым шагал и Дехнави. Более того, наш атлет остановился на 147,5 (для него это отличный результат), иранец же выжал 150 килограммов.

С верой в победу стартовал и Кучев. Рекордсмен мира стремился уйти как можно дальше, после 150 выжал 157,5! Это новый рекорд мира.

Рывок вывел Киржинова на первое место. Кучев не поднял 130 килограммов, которые в первой попытке красиво взметнули вверх сначала Мухарбий, потом Башановский. Затем наш атлет в решающей попытке фиксирует и 135, чего польскому спортсмену сделать не удалось.

Итак, после двух упражнений у Киржинова и Кучева по 282,5 килограмма. Им достаточно толкнуть 170, чтобы на 2,5 килограмма превысить в троеборье рекорд Башановского.

Короткие минуты отдыха. Киржинов с массажистом Константином Громадиным вышел в парк.

—Эх, хорошо бы, Костя, победить... Такой бы настрой получился у ребят!—мечтательно сказал Мухарбий.

И вот кульминация вечера—толчок! Башановский и Кучев поднимают по 162,5, а наш пропускает даже 165. Он начинает со 167,5 и это дает ему в сумме 450 килограммов. Однако Кучев не сдастся. Он тоже толкает 167,5 килограмма, после чего у него остается в запасе один подход.

Отчаянные попытки поднять 167,5 дважды предпринимает Башановский. Но штанга, некогда покорная ему, выходит из повиновения, и Вальдемар проигрывает состязание Качмареку, который, толкнув этот вес, набрал в троеборье 437,5 килограмма и закрепился на третьем месте.

Остались Киржинов и Кучев. Мухарбий идет на 172,5, толкает их и становится рекордсменом мира с результатом 455 килограммов. Болгарские тренеры совещаются: на какой вес послать Кучева? Решают заказать 175. Но, как тут же выясняется, Младен еще не готов поднимать столь тяжелую штангу, Киржинов—чемпион. Но ему сегодня и этого мало. Он по-хорошему жаден до рекордов. Мухарбий безупречно поднимает 177,5 и устанавливает еще два мировых рекорда: в толчке и троеборье—312,5 килограмма. Фантастика, и только!

Торжественно звучал Гимн Советского Союза в честь олимпийской победы офицера Советской Армии Мухарбия Нурбиевича Киржинова, отважного сына гор, представителя адыгейского народа.

... Киржинов родился в 1949 году в ауле Кошехабль Краснодарского края. Парнишке шел пятнадцатый год, когда он «заболел» тяжелой атлетикой. В его родном ауле силачи всегда были в особом почете — какой горец не силач?! Среди местных атлетов были даже мастера спорта СССР. С них-то, старших, и брал пример школьник Киржинов.

Потом он уехал далеко — в Саратов, стал учиться в профессионально-техническом училище механизации сельского хозяйства. Юноща готовился посвятить себя в хлеборобы, но и о штанге не забывал: каждый день брался за ее стальной гриф.

Закончились годы учебы, и механизатор Киржинов вернулся в Краснодарский край. И тут на него обратил внимание спартаковец Юрий Саркисян, один из бесценной когорты тех тренеров-фанатиков, которые бесперебойно пополняют нашу сборную талантливыми новобранцами. С помощью Саркисяна Мухарбий отшлифовал технику классических упражнений, налил силой и на юниорском первенстве страны в 19-летнем возрасте победил в легком весе. Тогда-то и заметили Киржинова армейские тренеры...

На пьедестале в Мюнхене Мухарбий Киржинов подал правую руку Кучеву, левую — Качмареку, и друзья обменялись поздравлениями. Потом олимпийский чемпион сказал: «Спасибо всем, кто верил в меня, кто помогал мне стать большим атлетом, кто поддерживал в трудные минуты. Я счастлив, что оправдал доверие тренеров, что выполнил свой долг перед Родиной».

У нас было отличное настроение. Мы предвкушали новые победы. Но...

Чего не заменишь ни силой, ни отвагой

Да, мудрость, тактический расчет, хладнокровие, умение видеть и предвидеть не заменить ни силой, ни отвагой атлетов. Конечно, и спортсмены виноваты в том, что с ними приключилось. Все они — Владимир Каныгин, Борис Павлов, Валерий Шарий и Давид Ригерт — не новички на большом помосте. Но в то же время они дебютанты олимпийского помоста. И этого тренерам сборной забывать не следовало.

Окрыленные недавними рекордными результатами, показанными в домашних условиях, ребята полагали, что и на Олимпиаде штанга будет такой же покорной. Однако человеку опытному хорошо известно, чем отличается мировой помост от домашнего. И сила вроде бы распирает тебя, а выходишь на помост — зуб на зуб от волнения не попадает. И не случайно начиная с 1952 года, с XV Олимпийских игр, в нашей богатырской дружине вырабатывалась надежная тактика выступления на международном помосте: первый подход — за команду (вес снаряда на 10—12,5 килограмма ниже предельного), второй — для закрепления успеха, а третий — к рекордному весу. Благодаря такой тактике у нас почти не было срывов. За 26 лет выступлений на мировом помосте мы имели только одну нулевую оценку (в 1965 году в Тегеране судьи не зачли Алексею Вахонину жим штанги весом в 107,5 килограмма). А тут, в Мюнхене, четыре атлета один за другим бесславно выбывают из борьбы.

Началось крушение с чемпиона мира Владимира Каныгина. И то, что приключилось с нашим полусредневесом, прискорбно, но этого следовало ожидать. После победы в Лиме Владимир метнулся было в среднюю весовую категорию, но на декабрьском чемпионате страны в Ереване получил нулевую оценку. Разочаровался, согнал семь килограммов веса и возвратился в полусреднюю категорию. Однако во всех соревнованиях 1972 года Каныгин так и не добился результата, дававшего ему право ехать на Олимпиаду.

Жим Каныгин выиграл — 165. Но главный соперник болгарин Йордан Биков, который год назад в Лиме выжал лишь 140, на этот раз поднял 160. После этого тренерам стоило несколько охладить свой пыл, трезво прикинуть возможности Каныгина. А возможности эти были в лучшем случае «серебряные». Бикову, отличному темповику, ничего не стоило отыграть в рывке и толчке 5 килограммов. Тем более что он был легче Владимира. В этой ситуации Каныгину следовало работать спокойно, не зарываясь. Он же начал рывок со 137,5 килограмма, чего никогда себе не позволял, и три попытки покорить штангу оказались бесплодными. Биков спокойно и очень четко вырвал 135 и 140. В толчке Йордан использовал только два подхода. Подняв легко 185, Биков набрал в троеборье 485, на 2,5 килограмма больше рекорда мира, принадлежавшего Виктору Куренцову с 1968 года.

— Жаль, что сошел Каныгин, — сказал олимпийский чемпион. — Не было хорошей борьбы. Результат был бы выше...

Казалось бы, нулевая оценка Каныгина насторожит нашего главного тренера Алексея Медведева, охладит горячие головы его помощников, но этого не произошло. Всем хотелось побед сенсационных, с рекордами, чтобы разговоры вокруг пошли... А получились полный конфуз.

... Я чуть запоздал. Пришел к штангистам от борцов, когда средневетсы выполняли жим. Наших было двое — чемпион мира Борис Павлов и рекордсмен Валерий Шарий. Верные медалисты — золотой и серебряный.

— Силен Йенсен. Как бы не проиграли... Такие веса заказал!!! — сказал один из тренеров сборной, утоляя жажду кока-колой.

— Заказал — перекажет. Старый приемчик — припугнуть соперников. Теперь уже на него никто не клюет, — возразил я, уверенный, что наши спортсмены и тренеры не поддадутся на провокацию бородатого норвежца.

Однако наши потянулись за Йенсеном. Павлов начал жим со 167,5 килограмма и принес команде увесистую «баранку». Шарий трижды не выжал 170... А Йенсен спокойно сделал перезаявку и после жима оказался вне конкуренции. Он набрал 507,5, то есть на 20 килограммов меньше рекорда мира, принадлежащего Шаррию, и поднялся на высшую ступень олимпийского пьедестала.

Вот так мы лишились верных золотой и серебряной медалей: взяли и выбросили их на мюнхенский ветер. Это была уже катастрофа. Три оставшихся атлета — Давид Ригерт, Ян Тальтс, Василий Алексеев даже при «золоте» для них исходе состязаний не могли уже «залатать» три пробоины в нашем богатырском корабле. Правда, командой мы должны были победить, но на другой день на «нулевом минном поле» подорвался, казалось бы, самый надежный атлет — обладатель всех мировых рекордов в полутяжелом весе Давид Ригерт. Если бы он знал, где упасть, — соломки бы подстелил. Трижды чемпион мира пытался поднять в рывке 160-килограммовую штангу, но, словно заговоренная, она не поддавалась. Ригерт казнил себя за опрометчивость, а болгарин Андон Николов в сопровождении своего соотечественника Атанаса Шопова приближался к пьедесталу. Всего лишь 525 килограммов набрал в сумме Николов, что на 37,5 килограмма меньше мирового рекорда Ригерта, однако важно было не достижение, а победа. Андон добыл для сборной Болгарии третью золотую медаль, Шопов — серебряную.

Счастье, если оно нам часто сопутствует, делает нас беспечными. И за это рано или поздно приходится расплачиваться.

Самый важный подход Яана Тальтса

Вахтер улыбнулся мне как старому знакомому и открыл дверь черного входа, доступного для атлетов и тренеров.

— Гутен абенд! — сказал вахтер и спросил: — Тальтс гут?

— Гут, гут, — заверил я любезного служащего и вошел в комнату, отведенную для наших атлетов. В бетонном отсеке было пусто. Где же Яан?

... Нулевые оценки наших штангистов наложили на весь турнир траурный отпечаток. Ведь обычно советские штангисты задают тон: побеждают, бьют рекорды и этим самым создают приподнятую, праздничную обстановку, а в Мюнхене нам лишь выражали сочувствие. При этом часто спрашивали: «Что с вашими атлетами?» Действительно, будто злой рок преследовал наших богатырей. Яан Тальтс даже отказался от той комнаты отдыха, которая была отведена для сборной СССР.

Нашел я его в «предбаннике», клетушке с пухлым диваном, что находится прямо в разминочном зале. Сообразил Яан: поближе к арене нужно быть, чтобы не упустить какую-либо мелочь, не потерять из виду соперников.

— Самый важный подход, ребята, — твердил Яан, убеждая в этом не столько окружающих, сколько себя, готовясь к жиму 200-килограммовой штанги. После роковых нулей четырех товарищей по сборной Тальтс, готовый к штурму 600-килограммового пика, наступил на горло собственной песне, то есть больше думал о твердом первом месте, чем о сенсационном результате. Поэтому он значительно занизил начальные веса. И все же мы вновь пережили несколько неприятных минут. Вначале Яан заметно нервничал. Ему все не нравилось. Атлет жаловался: «Тут болит и там болит»...

— Куражится Яан. Значит, выступит хорошо, — услышал я реплику.

Наконец, все закончили жим.

Яан остался один на один с начальным весом — 200-килограммовым снарядом. Штанга, послушная воле атлета, легла на его грудь и пошла вверх и вдруг... заартачилась — встрепенулась и потянула силача вперед... Какая досадная осечка на старте!

— Все нормально! Сейчас я ее выжму, — успокоил тренеров, побелевших от волнения, Яан и немедленно исправил ошибку.

Теперь все будет хорошо. Теперь можно подумать и о

высоком результате. Заказывает 210 килограммов, и сразу же включается секундомер. У Яана лишь три минуты на размышление. А он не хочет поднимать 210—передумал, давайте ему 212,5. Но «поезд» ушел: иди и жми, что дают. Это не нравится разгоряченному силачу. Но правила есть правила: перезаказывать вес поздно. Яан выжимает 210 значительно легче, чем стартовые два центнера.

— Мог бы сегодня жать 220—сила страшная, только вот нога болит,—сказал Яан, готовясь к рывку.

И опять затяжной совет—с чего начинать.

— 155!—советуют тренеры.

— Могу и 160,—отвечает Яан.

Сошлись на 157,5. Пора разминаться, поскольку в этом упражнении соперники почти не уступают Тальтсу. Разминка, откровенно говоря, идет неважно. Яан дважды пытается вырвать 150, но штанга висит впереди и падает. Не может он «посадить» ее на лопатки.

Пошел. Мы замерли. Штанга повела атлета вперед и остановилась. Есть! Теперь можно побороться и за победу в рывке.

Вернулся веселый: «Ну, ничего,—говорит,—будем работать дальше. Давайте подумаем—как? Вырву 162,5, и меня не догнать. А может, сразу на 165? Должен я их поднять!»

Он очень стал разговорчивым, сыплет и сыплет: «Думал, вообще не смогу выступать, нога вот тут болит,—тычет Яан в правое бедро.—Потянул, что ли? Но ничего. Будем работать... Приготовьте кофе, воду, нашатырь, чтобы все было, а то опаздываете, я остываю»...

— Тальтс. Советский Союз. Приготовиться,—оповещает диктор по-русски.

Да, не все сегодня ладится у Яана. Не удержал 165. А два атлета—финн Кауко Кангасниemi и Райнер Дойерцапф из ФРГ с этим весом справились.

— Не могу я им проиграть рывок, не имею права!—разозлился Яан.

И вырвал! Теперь ему, рекордсмену мира в толчке, путь на пьедестал открыт.

Снова «верховный совет»—с чего начинать толчок?

— Начну, как чувствую. Давайте начнем с 205! Потом посмотрим, может, пойду на 225, чтобы 600 получилось...

Перед последним «броском» Яан вышел подышать в парк. Лег на садовую скамейку, и массажист Константин Громадин легко встряхнул его мышцы, привел их в боевую готовность. Пора было разминаться, и они вернулись.

— Сегодня самый важный подход,—вновь и вновь повторял себе Яан.—Четыре года этого ждал.

Никто не сомневался, что Тальтс с первой попытки станет чемпионом. Ведь его рекорд 222,5 килограмма, а на штанге было всего лишь 205. Но велико коварство «железа». Яан сильно послал снаряд вверх, так сильно, что перетолкнул его и не удержал над головой.

— Вес маленький, контрит,—объясняет Яан свою неудачу.—Надо чуть осторожнее...

Как это хорошо, что в столь напряженные минуты Тальтс умеет владеть нервами! В повторной попытке он осторожно, четко толкает штангу и, будучи уже недосыгаемым, заказывает 225. Но остыл атлет. Минут 15 ждал, когда закончат борьбу остальные штангисты, оспаривающие второе место.

Последний подход Тальтса. Последняя возможность стать «шестисотником», так как после этой Олимпиады штангисты будут соревноваться только в двоеборье. Атлет довольно легко потянул штангу вверх, вскинул ее на грудь, стал подниматься из подседа и уронил снаряд.

Беседуя с олимпийским чемпионом:

— У меня были две задачи: поднять 600 и стать олимпийским чемпионом,—говорит Яан.—Но нельзя же гнаться сразу за двумя зайцами. Я в первую очередь сделал все, чтобы завоевать золотую медаль. Это нужно сейчас не только мне, но и всей нашей команде, всей олимпийской делегации.

Самый сильный—наш советский

Когда Власов взошел на трон абсолютного чемпиона, ему почти четыре года не угрожал сильный соперник. Около пяти лет «царил» спокойно и Жаботинский, после того как в Токио стал олимпийским чемпионом.

Алексеев же, несмотря на свои фантастические достижения, постоянно испытывал неудобства. Его рекорды как бы воодушевляли соперников. Сначала его догонял бельгийский атлет Серж Рединг: он бил рекорды то в жиме, то в толчке. А в марте 1972 года громко заявил о себе западногерманский силач, 22-летний Рудольф Манг.

Выступая в западногерманском городе Ульме, он показал в сумме троеборья 625 килограммов, а главное—побил в жиме рекорд Алексева, сумев поднять 230,5 килограмма. И это в решающий год—год Мюнхенской олимпиады.

«Манг достиг уровня Алексеева!», «Молодое немецкое чудо угрожает сбросить с престола советского силача!», «Супер-Мангу по плечу и 650 килограммов!» — такими были отклики западной прессы.

Но в апреле тон прессы изменился. Причиной тому были новые успехи Алексеева. Василий побил рекорд Манга в жиме еще на мартовских соревнованиях в Швеции, а в Таллине на чемпионате СССР за один вечер внес в мировую таблицу высших достижений пять поправок, доведя рекорд в троеборье до 645 килограммов! Однако такой хлесткий «ответ» не смутил ни Манга, ни его тренера Йозефа Шнела, который заявил корреспондентам следующее: «В сущности, этот рекорд ничего не меняет в нашей подготовке и не окажет влияние на уверенность Манга в своих силах перед Мюнхеном». И затем, как бы в подтверждение сказанного, Рудольф Манг дает бой Алексееву на чемпионате Европы в Констанце — после жима и рывка он был впереди на 7,5 килограмма. Однако толчок, мощный алексеевский толчок поставил «супер-Манга» на его законное место — второе. Впрочем, многим специалистам и журналистам показалось, что они следили за битвой равных соперников. Даже такой знаток тяжелой атлетики, как американец Томми Коно (он готовил западногерманских штангистов к Олимпиаде), выразил уверенность в том, что его подопечный достаточно силен, чтобы в Мюнхене выиграть олимпийское «золото».

Словом, для многих, если не для большинства, победа Алексеева на XX Олимпийских играх была под вопросом. И мне, не раз видевшему, как Василий разрушает шаткие надежды соперников на успех, было интересно следить за поведением атлетов в разминочном зале. Радовало сверхоллимпийское спокойствие нашего богатыря. Он с достоинством прогуливался мимо помостов, на которых пробовали свои силы тяжеловесы.

Прошел Василий мимо Патеры, окинул его пристальным взглядом, и вижу — как-то сник американец. Часто-часто замигал бочкообразный Рединг, когда Алексей подошел к нему и сказал: «До чего же ты сильный, Серж!» Огнем запылали пухлые щеки рыжекудрого Манга после того, как Василий по-дружески ему улыбнулся.

У каждого силача был свой Санчо Панса. За Алексеевым «ходил» его верный друг — олимпийский чемпион Яан Тальтс, который двумя днями раньше отлично изучил все «шероховатости» мюнхенского помоста. Рединга, как всегда, опекал Андре Дюпон, тренер бельгийских штангистов. За Мангом по пятам следовал Томми Коно. Возле

Кента Патеры находился розовощекий Рассел Нипп — штангист и «по совместительству» распространитель религиозной литературы на русском языке. Я потому называю секундантов, что от их находчивости, умения трезво оценить обстановку, вовремя подсказать что-то дельное во многом зависит успех соревнующихся. И обстоятельный, деловитый Тальтс справился с этой необычной для него ролью блестяще.

Еще все было в тумане, когда Алексей, не без труда обув штангетки — заметная полнота мешала ему наклоняться, — сказал Яану: «Пора — за дело!» — и вышел из «засады» — крохотной бетонной клетушки, отведенной для отдыха.

Пришло время на разминку. Василий делал легкие гимнастические упражнения, а рядом Манг с настроением жал 100-килограммовый снаряд. Вот и Алексей поиграл «центнером» и, чтобы не остыть, поверх атлетического трико натянул белую полурукавку.

В предстартовом волнении «потек» Рединг. Дюпон то и дело вытирает его лицо махровым полотенцем, промокает круглые щеки (будто по яблоку спрятано за каждой щекой), грудь-колокол, но пот снова и снова выступает градинами на разгоряченном теле. Ручьи пота бегут и по лицу Манга. Как паровик, отдувается Патера. Ему пора начинать... только Василий невозмутим...

И вот началось! Американец выжал 212,5, не спеша вернулся в зал разминки и ждал, чем ответят Рединг, Манг и Алексей. Бельгиец и немец, будто сговорившись, начинают с 222,5 килограмма. Это уже серьезная заявка на победу — раньше они с такого громадного веса в состязания не вступали. И штанга наказывает их за дерзость: Рединг не сумел поднять ее на грудь, а Манг не выжал снаряд с груди. Неудачны и вторые попытки. И тут, опять-таки словно по уговору, Манг и Рединг отказываются поднимать злосчастные 222,5 и просят увеличить вес штанги на 2,5 килограмма. Согласно правилам первым на сцену приглашается Алексей.

Восторженно зашумели зрители после того, как он выпрямил руки с громадой металла.

На ослепительно яркой арене — Рединг. Но 225-килограммовая штанга вырвалась из его ослабевших рук, не пожелала даже лечь на грудь атлета.

Идет на помост Манг. Тяжело, но все же покоряет Рудольф штангу. Алексей остался без конкурентов. Он вполне мог попытаться поднять сразу 235 и даже атаковать рекорд мира — выжал бы непременно, но отказался от этого соблазна. Спокойно, как на показательном

выступлении, Василий продолжал укреплять свое лидирующее положение: поднял 230, затем и 235 килограммов.

Ему бы перед рывком выйти в парк продышаться, полежать немного, помассировать натруженную жимом спину, но некогда: шесть атлетов осталось — вот-вот пригласят к штанге.

Да, олимпийские состязания выдались потогонные. Заблестели от влаги загорелые плечи Алексеева. Василий торопится размяться.

Шестеро соревнуются, а Рединг, грустный, сидит рядом с Дюпоном: слишком многое он поставил на карту, и все пошло прахом...

— Жаль Сержа, — говорит Яану Алексеев, удивляя нас тем, что в столь напряженный момент всех видит, все подмечает.

— Пойдем, Вася. Пора! — торопит Тальтс.

Василий долго стоит перед штангой весом в 170 килограммов. Он, как всегда, предельно собран. Значит, рывок получится. Так и есть! Разогнулся, как мощная пружина, и штанга послушно устремилась вверх.

Теперь лишь Манг тянется за ним. Нет, он еще не сдался, пытается вести тактическую борьбу: Алексеев заказывает 175, поднимает снаряд, а Манг чего-то ждет...

Сто восемьдесят! Вес, равный рекорду мира. Вероятно, Василий не успел хорошо размять плечи: штанга зависла впереди. И тут же ревом встречает предельно взбудораженный зал Манга, а провожает... молча. И так — дважды.

После двух упражнений у Василия 410 килограммов, а у Рудольфа лишь 395.

Дело, можно сказать, сделано. Теперь хорошо бы закончить красиво — с рекордом! Но не это волнует Алексеева. Ему нужна лишь золотая медаль. А ее вручают тому, кто в пылу олимпийского сражения не теряет хладнокровия, кто сильнее и физически, и морально.

Манг, чтобы обеспечить себе серебряную медаль, толкает 215 килограммов.

И вот все стихло. Алексеев у штанги весом в 225 килограммов. Но что это? Снаряд легко взмывает вверх, ложится на грудь атлета, а Василий, потеряв вдруг равновесие, отталкивает от себя падающую штангу.

Эта неудача разозлила Алексеева. Даже положенных на отдых трех минут не стал использовать. Тут же вернулся к коварной штанге и расправился с ней, как с игрушечной. Затем не проходит и пяти минут, как Василий толкает 230 килограммов и набирает в сумме

троеборья 640! Олимпийский рекорд Жаботинского, установленный в Токио во время поединка с Власовым, превышен на 67,5 килограмма!

Манг, смирившись с поражением, пытается поднять 232,5 килограмма. Но он не смог этого сделать, и в итоге хозяин помоста набрал лишь 610.

Так закончилась волнующая битва супертяжеловесов. Сразу после того, как был исполнен Гимн Советского Союза и Алексеев в сопровождении призеров — Рудольфа Манга и Герда Бонка из ГДР вернулся за кулисы, я попросил Василия сказать несколько слов о своей победе. Богатырь, сматывая с запястий широкие бинты, сидя в окружении своих, не спеша начал так:

— С первых слов скажу — не подкачал! Титул сильнейшего остается в Союзе, и, думаю, по праву. Если было бы нужно прибавить для победы еще — прибавил бы килограммов тридцать.

— Вам дважды пришлось ехать сюда для выступления. Вчера приехали, а состязания отменили. Не сказало ли это на состоянии?

— Сказалось! Это меня еще больше настроило на борьбу. К тому же вчера я чувствовал себя не лучшим образом... А какая, простите, получилась сумма? — вдруг спросил Алексеев.

— 640!

— В другой ситуации можно было с моей силой сделать значительно больше. Но у меня была задача — выиграть Олимпийские игры. Рекорды на этот раз были не нужны: где рекорды — там риск. А риск на Олимпиаде неуместен...

Нам, советским журналистам, небезразлично, что напишут теперь наши коллеги по профессии о выступлении Алексева.

Все утренние газеты в Мюнхене и других городах ФРГ вышли с огромными фотографиями добродушно улыбающегося Василия Алексева. Он стоял возле укрощенной штанги, приветственно подняв руки. Заголовки лаконично и точно сообщали читателям суть вчерашней борьбы титанов: «Василий Алексеев — самый сильный человек на земле!» «Победа веселого советского богатыря великолепна!» Журналисты единодушно подчеркивали, что русский спортсмен находился не только в отличной форме, но и показал пример выдержки и спокойствия.

«Как улыбаются сильные?.. Это можно было увидеть в памятный праздник штангистов вечером в среду, — сообщила «Штутгартер цайтунг». — Так улыбался русский Василий Алексеев, самый сильный и добрый человек».

Погас олимпийский огонь, и стало как-то непривычно пустынно на Нади-штрассе — главном проспекте олимпийской деревни Мюнхена. Обычно вечерами здесь на «зава-линках» возле бетонных громад-корпусов слышался многоязыкий говор, звучали песни, музыка... А теперь бурная жизнь замерла. В свете неоновых огней, как зеленые призраки, стояли у подъездов лишь полицейские и бундесверовцы с автоматами на груди и походными рациями. Они охраняли покой последних олимпийцев, оставшихся в деревне, чтобы участвовать в церемониале закрытия Мюнхенской олимпиады...

Среди оставшихся советских спортсменов находились самые выдающиеся, такие, как Виктор Санеев, Валерий Борзов и, конечно, Василий Алексеев. Исполнил свой долг — существенно поддержал неожиданно пошатнувшийся авторитет нашей тяжелой атлетики. Благодаря его завершающему усилию сборная СССР на «финишной прямой» опередила команду Венгрии и вышла на второе место. Первый приз впервые в истории завоевала дружина силачей Болгарии.

— В чем, Ваня, сила твоих парней? — спросил я Ивана Абаджиева, старшего тренера болгарских атлетов (за победу на олимпийском помосте ему присвоили звание Героя Социалистического Труда НРБ).

— Сам знаешь — наша сила в дружбе с вами — с вашими спортсменами и тренерами, — скромно ответил счастливый тренер.

Действительно, науку поднимать болгарские тяжелоатлеты осваивали с помощью лучших советских тренеров, таких, как Геннадий Балашов, Яков Куценко, Николай Лапутин, Иван Любавин, Аркадий Воробьев. Были у штангистов Болгарии и СССР совместные сборы и тренировки. Болгарские специалисты проходили стажировку в Москве, здесь же в ЦОЛИФКе некоторые из них защищали кандидатские и докторские диссертации.

Хорошей стартовой площадкой для выхода на мировую «орбиту» послужили болгарам, как и штангистам других стран, наши традиционные международные соревнования на Кубок дружбы. Вначале они именовались «Приз Москвы» и впервые были проведены в марте 1958 года. Тогда Иван Абаджиев сам поднимал штангу — на Тегеранском чемпионате мира занял второе место за нашим Виктором Бушуевым.

Замечу, что болгарские товарищи не слепо перенимали наш опыт, а с умом. Они создали свою самобытную школу тяжелой атлетики, сделав упор на раннюю специализацию. Это и позволило им за короткий срок добиться удивительного прогресса. Если в Мехико никому не удалось стать призером Олимпиады, то на Мюнхенском помосте, спустя всего лишь четыре года, шесть штангистов Болгарии стали медалистами, причем трое — Нораир Нурикян, Йордан Биков и Андон Николов — золотыми!

Нули нулями — они, разумеется, помешали нашей сборной отстоять чемпионский титул, но, видно, пришло время и нам кое-чему поучиться у своих бывших учеников. Наша команда по сравнению с болгарской оказалась слишком великовозрастной — старше на шесть лет. Мы много говорили о необходимости растить богатырей с подросткового и юношеского возраста, но почти ничего для этого не делали. А в Болгарии появилась сеть школ, в которых подростки, получая общее среднее образование, специализируются как штангисты. Лучшие из них после конкурсных соревнований зачисляются в Центральную тяжелоатлетическую школу-интернат «Диана». Такая система подготовки позволяет тренерам целенаправленно заниматься воспитанием юных силачей. Наиболее одаренные к двадцати годам становятся такими могучими, что не уступают в силе даже взрослым чемпионам и рекордсменам.

Мюнхенский тяжелоатлетический турнир выявил подавляющее превосходство штангистов социалистических стран. Они выиграли 21 олимпийскую награду из 27: 6 медалей — у болгар, по 5 — у сборной СССР и Венгрии, 3 — у поляков, 2 — у атлетов ГДР. По одной награде взяли норвежцы, ливанцы, иранцы, шведы, итальянцы и атлеты ФРГ. Фиаско потерпели победители Лондонской и Мельбурнской олимпиад — штангисты сборной США. Никому из них не удалось попасть в число призеров, и команда с седьмого места, занятого в Мехико, откатилась на двенадцатое. Заметно сдали и японские силачи. На мексиканском помосте они были третьими, выиграв полный комплект медалей — золотую, серебряную и бронзовую, а в Мюнхене им не досталось наград. С третьего места команда Японии отошла на девятое.

Вот какие значительные изменения произошли в соотношении сил на мировой тяжелоатлетической арене только за один олимпийский цикл. Спортивная пресса Запада с беспокойством писала о быстро растущем превосходстве штангистов стран социализма. Боб Гоффман на страницах журнала «Стрэнгс энд Хэлс» призывал американских

тренеров брать на вооружение «русскую методику», а спортсменам советовал «поднимать штангу по-русски», иначе, мол, победы вам не видать.

Трудности роста

С отменой жима—чисто силового упражнения—существенно изменилось «лицо» тяжелоатлетического спорта. Состязания силачей стали проходить динамичнее, почти полностью прекратились судейские конфликты—правильно ли взят тот или иной вес. Главное же—уменьшилось число травм позвоночника. Вся тяжелая атлетика, «похудев» на одно упражнение, заметно подросла, в буквальном смысле слова. В более выгодном положении оказались темповики—высокорослые штангисты. Век коренастых чемпионов, типа Новака, ушел в прошлое. Отмена жима особенно благоприятствовала развитию юношеской тяжелой атлетики. «Быстрая сила»—преимущество молодости. Казалось, что ветераны откажутся от дальнейшего соперничества, покинут помост, но этого не произошло. Правда, тяжелоатлетический спорт заметно помолодел, однако в нем остались силачи, которым было за тридцать, как Василию Алексееву.

Выступая в Доме приемов, Алексеев от имени советских олимпийцев поблагодарил партию и правительство за отеческую заботу о спортсменах и в конце сказал: «Мне все очень понравилось на приеме. И я постараюсь через четыре года быть здесь, на этом месте!»

Так недвусмысленно капитан нашей сборной дал понять, что он не собирается прощаться со спортом. Награжденный третьим орденом—орденом Ленина (до этого его спортивные успехи были отмечены орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени), Алексеев начал готовиться к Монреальской олимпиаде. Проверкой боеспособности были чемпионаты Европы и мира.

Первый экзамен состоялся в Мадриде летом 1973 года. Наша сборная сумела одержать командную победу, однако болгарские атлеты показали себя достойными соперниками в борьбе за европейское первенство. Осенью на чемпионате мира в Гаване советские тяжелоатлеты завоевали шесть чемпионских титулов. И опять следом за ними шли болгары. Причем темпы роста достижений у них были значительно выше, чем у наших силачей. Болгария выдвинула новых молодых штангистов мирового класса. Особенно выделялся юниор Недельчо Колев, чемпион и рекордсмен мира в полусреднем весе.

В 1974 году первенство мира разыгрывалось на Филиппинах в Маниле. Первый командный приз во второй раз выиграли болгарские атлеты. Состязания складывались весьма драматично как для наших штангистов, так и для болгар. У нас два спортсмена выбыли из борьбы за звание чемпиона, у сборной Болгарии—один.

Итоги Манильского чемпионата вызвали большую озабоченность в нашей стране. На специальном заседании президиума Федерации тяжелой атлетики СССР вновь был поднят вопрос о тактических просчетах тренеров сборной. Видно, забылись тяжелые уроки Мюнхена...

В начале 1975 года в руководстве нашей тяжелой атлетики произошли большие изменения. Спорткомитет СССР назначил главным тренером сборной команды Игоря Саввича Кудюкова, государственным тренером—Юрия Анатольевича Сандалова. С юными силачами стал работать Александр Сергеевич Прилепин. Год был особенно ответственным. Мы отмечали 90-летие отечественной тяжелой атлетики и впервые проводили чемпионат мира в Москве. Благодаря помощи молодых тренеров, а также руководителя комплексной научной группы профессора Аркадия Никитича Воробьева наши сильнейшие тяжелоатлеты успешно подготовились к ответственному экзамену. Главная задача заключалась в том, чтобы сборная СССР избежала нулевых оценок и выиграла командное первенство. К тому же Московский чемпионат мира и Европы был для нас как бы пробным камнем: умеем ли мы организовывать и проводить соревнования высокого ранга, берясь за столь большое дело, как подготовка к Олимпиаде-80?

Выступая очень сильным составом, команда Болгарии установила семь мировых рекордов. Героями московского помоста стали три замечательных силача—Георгий Тодоров, Атанас Киров и Валентин Христов. Москвичи впервые увидели молодого болгарского супертяжеловеса Христо Плачкова, который, соперничая с Алексеевым и Гердом Бонком из ГДР, превысил рекорд мира в рывке. Хороших результатов добились и штангисты Германской Демократической Республики (Петр Венцель выиграл звание чемпиона в категории до 75 килограммов, Герд Бонк стал серебряным призером). Успех сопутствовал и польским атлетам (Зигмунд Смальцеж победил в наилегчайшем весе, а Збигнев Качмарек был вторым—в легком).

Только разумная тактика и исключительная дисциплинированность атлетов и тренеров помогла сборной СССР завоевать главный приз—«Больших медведей». Выдержали экзамен и организаторы первенства. Вот какую оценку

дал вице-президент ИВФ Кларенс Джонсон, гость из США:

«Все великолепно! Меня порадовала хорошая организация чемпионата, с чем я и поздравляю Федерацию тяжелой атлетики СССР. Для меня, с точки зрения зрителя и наблюдателя, Московский чемпионат прошел очень успешно. Уже 20 лет я посещаю Советский Союз, и каждый раз испытываю приятное волнение. У вас все так прекрасно!»

Предолимпийский год для советской тяжелой атлетики был приятным во всех отношениях. Его итоги вдохновляли наших силачей на победу в Монреале.

Однако положение с приближением Монреальской олимпиады становилось все тревожнее. Из-за рубежа поступали все новые сообщения об успехах штангистов разных стран. Так, под натиском Христо Плачкова и Герда Бонка пали рекорды Алексеева.

— Не дают мне, старику, покоя,— пожаловался, усмехаясь, Василий, когда в январе 1976 года я с ним отдыхал на олимпийской спортбазе под Подольском. Кстати, здесь в окружении белоствольного леса наши силачи готовятся ко всем самым ответственным соревнованиям, здесь же они набираются здоровья.

...Был на редкость погожий денек. Рослый атлет скользил по накатанной лыжне, проложенной в березовой роще. Он шел навстречу солнцу. Шел до тех пор, пока не выступила испарина. Остановился. Осмотрелся. Воткнул палки. Потом зачерпнул пригоршню искристого снега и с наслаждением освежил разгоряченное лицо.

Эту лыжную прогулку Василий Алексеев совершил после обеда, когда другие тяжеловесы сборной СССР отдыхали, лежа в постелях, после многотрудной тренировки с тяжестями. Он тоже три часа подряд упражнялся со штангой— «качал» спину, руки, ноги, отрабатывал рывок, а в минуты передышки делился опытом со своими молодыми коллегами по команде. Он, конечно, тоже устал, но все же вышел на лыжню— один-одинешенек.

Вечером Василий всласть попарился. Исхлестал себя березовым веником до красноты, после чего выбежал из предбанника и «нырнул», пофыркивая от удовольствия, в снежный сугроб. Потом он, сидя за самоваром, рассуждал о том, какой должна быть современная тренировка тяжеловеса (это тема его научной работы, которую он ведет, чтобы стать кандидатом педагогических наук). У него были свои трудности роста, связанные с громадным собственным весом и солидным возрастом (7 января ему исполнилось 34 года).

Глава восьмая

МОНРЕАЛЬ-76: ВЛАСТЬ НАД МЕТАЛЛОМ

Советские тяжелоатлеты на арене «Сен-Мишель» добились небывалого успеха. Особенно был в ударе Василий Алексеев... Большой русский, который способствует популярности тяжелой атлетики больше, чем кто-либо из живущих ныне или в прошлом, снова стал главной темой новостей во всем мире.

«Интернэшнл олимпик лифтер»,
Лос-Анджелес, США, август 1976 г.

Берлинский чемпионат Европы завершился дуэлью Плачкова с Бонком. Алексеев находился среди зрителей. Наша команда и без него заняла первое место. Самым сильным атлетом континента был назван хозяин помоста— Герд Бонк. Он победил, толкнув 252,5 килограмма— новый рекорд мира.

Многие журналисты расценили отказ Алексеева от состязаний как полную капитуляцию перед молодыми соперниками. Но это был умный и дальновидный тактический ход богатыря.

Спустя месяц, выступая на чемпионате СССР, Василий превысил рекорд мира Плачкова в двоеборье, набрав 435 килограммов. Отличных показателей добились и другие кандидаты в олимпийцы. Все обещало победу в Монреале. Однако в июне болгарские штангисты «ответили» каскадом таких мировых рекордов, о которых мы даже не мечтали. К примеру, Плачков показал в сумме 442,5 килограмма (!).

К счастью, сенсационный успех соперников не обескуражил наших лидеров. В Монреале они добились наивысших показателей за всю историю участия в Олимпийских играх. Победный настрой уже в первый день состязаний на арене «Сен-Мишель» создал спортсмен, не знающий страха.

Кремень-парень с Томь-реки

«ВОРОНИН АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВИЧ, мастер спорта международного класса. Штангист наилегчайшего веса (рост—142 см, вес—52 кг). Учащийся техникума

физкультуры. Родился 23 мая 1951 г. в Челябинске. Тяжелой атлетикой занимается с 1970 г. В сборную СССР входит с 1973 г.

Достижения: серебряный призер чемпионата СССР 1974 г. и чемпионатов мира и Европы 1975 г.; победитель VI Спартакиады народов СССР; чемпион СССР и Европы 1976 г.; рекордсмен мира — рывок — 108,5 кг, толчок — 140,5 кг, двоеборье — 242,5 кг; на его счету 5 мировых рекордов.

Женат. Выступает за «Труд», живет в Кемерове. Тренируется у мастера спорта Г. Боровикова.

Такой была «визитная карточка» Воронина, когда он в составе олимпийской сборной СССР прибыл в Монреаль.

Силен был Александр Воронин, и характер серьезный. Он не из тех, кто разговорится с любым встречным. Сначала приглядится, с кем имеет дело. Такого, как говорили в старину, на мякине не проведешь. Предельно чистен и принципиален.

В наш век — век акселерации — найти спортсмена, подобного Воронину, не менее сложно, чем отыскать иголку в стоге сена. Можно сказать, что сибирскому тренеру Геннадию Боровикову крупно повезло, когда в его секции штангистов появился необычный новичок — прирожденный «мухач». К тому же Саша благодаря своей специальности (он работал электромонтажником) был таким сильным, что сразу, без подготовки, стал поднимать большие веса. Всего лишь два года потребовалось Воронину для того, чтобы попасть в сборную СССР. Прошло еще два года, и на международных соревнованиях в ГДР Александр становится рекордсменом мира.

Воронин, уроженец Урала, считает себя коренным сибиряком. На берегу Томь-реки, в Мысках, прошли его детство, отрочество, юность. Здесь он стал рабочим человеком и атлетом. После монреальской победы Александр собирался побывать с женой Галиной в Мысках, погостить у родных. Когда он вспоминает о Томь-реке, его озабоченное лицо озаряется... Нет, не улыбкой, а чем-то более трогательным, идущим из глубины его кристально чистой души.

День накануне соревнований Александр провел на берегу реки, километрах в сорока от Монреаля. Ловил рыбу. Клев был отличным, и он думал: «Так бы «клевало» на помосте...»

Но прежде чем выйти на олимпийский помост, Александру нужно было изрядно похудеть. До этого он постился неделю. А в день турнира, чтобы благополучно

пройти процедуру взвешивания, с помощью парной бани избавился еще от двух килограммов.

И все же на весах ему не повезло — оказался тяжелее основных соперников, олимпийских чемпионов поляка Зигмунда Смальцежа и иранца Мохаммеда Нассири. Это еще до старта дало им превосходство в 2,5 килограмма.

Рывок. Нассири неузнаваем. В последние годы ветеран иранской тяжелой атлетики на всех мировых первенствах получал нулевые оценки. А на этот раз, словно обретая вторую молодость, победитель Мексиканской олимпиады легко вырывает 95 и 100 килограммов. Это уже заявка на победу. Смальцеж и Воронин вступают в борьбу со 100 килограммами, и олимпийский чемпион трижды не справляется с весом. Польский тренер Клеменс Рогуский в отчаянии.

Несколько неожиданно вперед вырывается венгр Кёсеги — с улыбкой, словно на показательном выступлении, поднимает вес 102,5 килограмма. Воронин не остается в долгу. Над его головой послушно замирает 105-килограммовая штанга. И тут же на первое место выходит экс-рекордсмен мира японец Такеути. Он также фиксирует 105 килограммов, будучи легче Воронина.

— Соberись, Саша. Все отдай! — настраивает атлета главный тренер Игорь Саввич Кудюков. — Помни — этот подход может оказаться решающим.

А тем временем у штанги весом в 107,5 килограмма что-то беззвучно шепчет, устремив взгляд в потолок, Кёсеги. Сосредоточившись, он мощно катапультирует снаряд вверх и ...перекладывает его через голову.

— Ну, пошел! — подтолкнул тренер Воронина к сцене.

Сибиряк, стиснув зубы, мощно потянул штангу вверх и... повторил ошибку венгра. Уходит с помоста разочарованный. Тихо уходит. А японский силач отчаянно бьет кулаком коварную штангу, которая только что вырвалась из его рук.

Все сошли. Остался только Кёсеги. Каким-то чудом он «обуздал» снаряд и стал лидером соревнований.

В трудное положение попал Воронин. Необходимо было следить за Нассири, который отставал всего лишь на пять килограммов, и в то же время бороться с Кёсеги.

По силе Александр мог бы вполне начать толчок со 135 килограммов. Дома бы он так и поступил. Но здесь риск неуместен. Атлет поднимает 130 килограммов и заказывает 135.

Кёсеги не хочет уступать. Толкает 130-килограммовый снаряд. Но на табло загораются красные огни — сигнал бедствия. Чуть дрогнула рука, и эту ничтожно малую

погрешность судьбы не оставили безнаказанной. Не везет и его соотечественнику — Сючу. Седовласый Орвош, бесменный тренер венгерских атлетов, уносит спортсмена на руках — судорогой свело его икры.

И вновь атакует Кёсеги. Удача! Он — впереди. И еще есть один «патрон». Борьба продолжается.

На арену, словно из засады, выходит Нассири. Он решил одним ударом закончить битву миниатюрных геркулесов в свою пользу. Иранец лихо поднимает снаряд на грудь, молниеносно встает и... почему-то стоит, стоит, чего-то ждет. Наконец собирается с духом, посылает штангу вверх, но — будто делает это умышленно — роняет вес.

У штанги — Воронин. Возле помоста, сгрудившись, замерли наши тренеры. Вижу, как передергиваются плечи у Кудюкова, как ходят желваки на скулах Плюкфельдера. Александр сосредоточивается. Надо взять вес! И он его берет. С трудом, но безупречно.

И вот Нассири в пятый раз за вечер вскидывает руки вверх, кричит: «О, Алли!» — повернувшись к востоку, и бросается на штангу. И через миг вся иранская олимпийская делегация криком встречает его успех. Но это далеко не победа. Лучшее положение у Воронина. Кёсеги не сумел толкнуть 135 килограммов и отстал от Александра. Он пока второй.

Минутное совещание наших тренеров, и Воронина приглашают к весу 137,5 килограмма. Разумно — если Александр толкнет штангу, то «загонит» иранца на 142,5, что на 2 килограмма больше рекорда мира.

Александр осторожно покоряет снаряд. Он — первый. Но будет ли чемпионом? Ведь иранец идет на 142,5! Вышел и, как барс, кинулся на штангу. Поднял ее на грудь, встал и, теряя сознание, уронил... Сжал кулаки Мохаммед и заплакал...

Один из моих соседей, американский журналист Боб Хайс вынимает из бумажника стодолларовую банкноту и отдает ее своему молодому помощнику: «Возьми! Ты выиграл. Воронин, конечно, сильнее всех».

А новый олимпийский чемпион удачно использует и четвертый подход — рекордный. Он, раскрепощенный, свободно толкает 141 килограмм!

Мы будто с ума сошли от счастья. Обнимаемся, поздравляем друг друга. Медаль Воронина ходит по рукам, а его самого затискали в крепких объятиях. Радость-то какая!!!

— Да будет вам, хватит, — застенчиво говорит чемпион. — Дайте лучше попить. Губы пересохли...

* * *

В группе сильнейших штангистов легчайшего веса было 15 атлетов. В этой категории наши штангисты в розыгрыше медалей не участвовали. К сожалению, не нашлось спортсмена весом не более 56 килограммов, который мог бы достойно соперничать за олимпийское «золото».

Победил с новым мировым рекордом в двоеборье чемпион Мюнхенской олимпиады болгарский силач Нора-ир Нурикян. Он набрал в сумме 262,5 килограмма. Этот скромный атлет порастил нас своим мужеством, выдержкой. Чтобы войти в границы легчайшей весовой категории, ему нужно было убавиться в весе на шесть килограммов. Он согнал вес, но силу сохранил, что редко кому удается.

Проза и поэзия сильных

Тучи сгущались над Монреалем с утра. К вечеру дышать стало совсем трудно. Чувствовалось приближение грозы. И она отгремела — и над городом, и над ареной «Сен-Мишель». Громом аплодисментов приветствовали зрители триумфальное выступление Николая Колесникова.

Вот предмонреальская визитка этого славного богатыря:

«КОЛЕСНИКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, мастер спорта международного класса. Штангист полулёгкого веса (рост — 156 см, вес — 60 кг). Студент Института физкультуры. Родился 15 февраля 1952 года в деревне Наратлы Татарской АССР. Тяжелой атлетикой занимается с 1968 г. В сборную СССР входит с 1973 г.

Достижения: чемпион СССР среди юношей 1970 г. Серебряный призер чемпионатов мира 1974—1975 гг. и чемпионата Европы 1975 г., победитель VI Спартакиады народов СССР; чемпион Европы 1976 г., рекордсмен мира — толчок 161 кг; рекордсмен СССР — рывок 125 кг, двоеборье 282,5 кг».

«Хороший человек Коля! — так сказал об ученике Рудольф Владимирович Плюкфельдер на пресс-конференции после того, как Николай Колесников победил на Спартакиаде народов СССР в Вильнюсе. — С ним легко работать, легко жить, потому что он душевный и понятливый...»

Все лучшие штангисты сборной трудолюбивы. Но

самый большой трудоспособностью обладает Колесников.

Вот какого атлета передал бугульминский тренер Ефрат Ахматдиевич Темирзенов Рудольфу Плюкфельдеру. Случилось это в 1971 году. Колесников был всесторонним спортсменом — бегуном, футболистом, акробатом, борцом. Когда учился в 9-м и 10-м классах, выступал за сборную республики в состязаниях по классической борьбе. А «заболел» штангой, будучи учащимся Бугульминского индустриально-педагогического техникума.

— Чем мне нравится тяжелая атлетика, так это конкретностью. Видишь свой рост, становишься здоровее, характер крепнет. Тренируешься и ждешь приятных мгновений, — так говорил Колесников, готовясь к своей первой Олимпиаде.

* * *

Болгарский тандем Тодоровых — Георгий и Тодор — был полон решимости принести своей команде золотую и серебряную медали. Верил в свою победу и японец Хираи. Двоих «бросил в бой» тренер польских штангистов Клеменс Рогуский — Яна Лостовского и Антони Павлака. С этой «могучей кучкой» Колесников начал сражение, когда на штанге установили 120 килограммов.

Маленькими полушажками подкрадывался к снаряду Николай. И штанга, словно загипнотизированная, легко ему покорилась.

Потом этот вес атаковали Павлак, Лостовский, Тодор Тодоров, Хираи. Не всем удается справиться со штангой. Запахло «баранками». Вслед за Тодором вторично терпит неудачу Лостовский... Но вот Хираи взбадривает себя воинственным кличем и хлесткими шлепками по бедрам, после чего вырывает 120.

У штанги Тодор. Иван Абаджиев нюхает ватку с нашатырем и отворачивается к стене: не может тренер смотреть на помост, нервы подводят, невыносимое для него это зрелище. Атлет поднял штангу, а она бунтует — тянет его вперед. Тодор бежит по помосту и ... получает нулевую оценку...

Итак, все стартовали. Только Георгий Тодоров не начинал. Он просит 122,5 килограмма, которые поднимает довольно уверенно.

Теперь слово за Колесниковым — 125! Рывок, увы, не получается. Потеряна попытка. Павлак тоже теряет. А японец Хираи справляется с этим весом.

«Взять ее! Взять!» — приказывает себе Колесников, крадучись к 125-килограммовой штанге. Напружинился и «выстрелил». «Выстрелил» очень точно. Тут важно не спешить, уравновесить снаряд над головой. И Колесников, обладая тонким мышечным чутьем, укрощает вес и осторожно встает. Он на полкилограмма легче японца и поэтому выходит на первое место. Правда, Тодоров остался в одиночестве, у него два подхода. Но удастся ли ему, рекордсмену мира в рывке и двоеборье, обойти Николая?!

Черные усы Тодорова вздрагивают, черные глаза гипнотизируют штангу. Но все напрасно — в рывке Тодоров оказывается третьим. Лидер — Колесников. Это хорошо. Но радоваться рано. Впереди самое трудное. Ведь таким было начало и в Москве, на чемпионате мира 1975 года, но победил тогда Тодоров.

152,5! Осторожен Тодоров. Даже боязлив. Не толкает вес, а отталкивается от него, чем огорчает Абаджиева. Даже не верится, что всего лишь месяц с небольшим назад этот же Тодоров установил выдающиеся мировые рекорды. Со второй попытки Георгий поднял вес, но отошел от штанги качаясь. Велико, видно, было напряжение.

155! Опять крадется Колесников. И как поднимает! Ни одного лишнего движения, будто не увеличили вес снаряда, а убавили килограммов этак на десять. Не толчок, а поэзия!

157,5 — Хираи. Кричит воинственно. Но вот взялся за гриф — и боевой дух испарился. Вместо толчка выполнил лишь «тягу». А подними он этот вес, обошел бы Колесникова. В последней попытке стремится это сделать Тодоров. Последний шанс! И болгарин его использует. Догоняет Колесникова по сумме. У обоих по 280 килограммов. Но помните — болгарин легче. Теперь Николаю нужно осилить 160-килограммовую штангу.

Колесников атакует этот вес сразу же после того, как Хираи расстается с надеждой на золотую и серебряную медали (не толкнул 157,5).

Тишина... Не слышно в этой тишине, как крадется наш Николай к штанге. Какая предельная сосредоточенность! И какой изумительный по технике исполнения толчок! Победа! Убедительная, яркая. У нас — второй олимпийский чемпион! Но есть еще попытка.

Главный тренер Игорь Кудюков просит установить 165. Но не лучше ли закончить красиво, без этого рискованного шага? Посовещавшись, решение изменяют — устанавливают 161,5, чтобы украсить победу миро-

вым рекордом. Колесников и этот вес толкает так же уверенно, как и начальные 155 килограммов.

Президент Международной федерации тяжелой атлетики австриец Готтфрид Шёдль первым подходит к возвышению, подзывает Николая и жмет его нагруженную ладонь. Да, не зря Колесников тренировался самозабвенно, не щадя себя. Победа его прекрасна!

Будто бы я стал чемпионом — так добры и внимательны ко мне журналисты в пресс-центре. Спрашиваю единственную в мире женщину, пишущую о тяжелоатлетах, болгарскую журналистку Надю Богданову, что она думает о нашем Николае.

— Ваш Коля такой чистый и нежный, как ребенок. И это очень нравится зрителям. А в его почерке, когда он действует на помосте, чувствуется мужская рука Рудольфа Плюкфельдера.

Словно заколдованный помост

Не всякий журналист мог попасть на олимпийскую арену «Сен-Мишель». Очевидцами захватывающей дух борьбы на помосте были только обладатели специальных пропусков. Поэтому, когда я появлялся в главном пресс-центре, меня мои коллеги засыпали вопросами: как там? кто победил?

После состязаний атлетов легкого веса пришлось рассказывать, почему наш Петр Король проиграл польскому чемпиону Збигневу Качмареку, которого побеждал на мировых первенствах в Маниле и Москве. Двадцать два года поднимает заслуженный мастер спорта Петр Кондратьевич Король штангу. За это время прошло немало знаменитостей: чемпион Мельбурнской олимпиады Игорь Рыбак, Римской — Виктор Бушуев, Токийской и Мексиканской — Вальдемар Башановский, Мюнхенской — Мухарбий Киржинов. Приплюсуйте «четырёхсотников», наших легковесов — Сергея Лопатина, Владимира Каплунова, Евгения Кацуру, зарубежных... Всех пережил на помосте Король. В 18-летнем возрасте он — чемпион Украины, мастер спорта. А на то, чтобы завоевать первую золотую награду на чемпионате мира (в Маниле), ушло почти двадцать лет!

Конечно, ему труднее, чем кому-либо, соперничать с молодыми силачами, которых немало и дома, и за рубежом. Но ветеран сборной всегда с честью выходил из «пиковых» положений. Незабываем его последний подход к штанге весом 177,5 килограмма на чемпионате мира в

Москве. Он проигрывал поляку Збигневу Качмареку, и только этот вес, равный мировому рекорду, мог принести ему победу. После победного толчка, уходя с помоста, Петр обернулся к публике и жестом руки, полным достоинства, указал на свой нагрудный герб — Герб Советского Союза.

— Из спорта уходить, конечно, не хочется, — задумчиво говорил мне незадолго перед вылетом в Монреаль двукратный чемпион мира. — Привык вести организованный образ жизни. Не мыслю себя без тренировок, без друзей по сборной.

И вот — поражение, хотя начало было обнадеживающим.

167,5. Качмарек поднимает этот вес и тем самым бронирует за собой второе место. У него 302,5 килограмма.

170! Король четко, по-армейски, решительно направляется к штанге. Не раздумывая, берется за гриф и сразу же вскидывает снаряд на грудь. И тут стало ясно, что Петр не такой сильный, каким был год назад. Встал тяжело и послал штангу вверх неточно. Его самые верные болельщики — атлеты нашей сборной — опустили головы...

Петр долго приходил в себя после этого потрясения. А тем временем 170 килограммов толкнул Гюнтер Амброс из ГДР, попытался укротить этот вес и Чарнецкий. Вновь на помосте Король. Исправляет ошибку. Но попытка потеряна.

172,5! И этот громадный вес толкает Качмарек. Он закрепляется на первом месте с суммой 307,5 килограмма. Короля приглашают к весу 175. Встал атлет со снарядом на груди, и силы его покинули... Збигнев Качмарек — олимпийский чемпион!

* * *

На другой день соревновались полусредневесы. И снова помост был словно заколдованный. Выступали такие звезды, как чемпион мира Петр Венцель, серебряный призер Иордан Митков, победитель первенства Европы Вартан Милитосян, и ни одному из них не удалось показать своих лучших достижений.

Рекордсмен мира в рывке и двоеборье Митков завоевал золотую медаль с результатом 335 килограммов. Это на 10 килограммов ниже его рекорда мира, установленного недавно на чемпионате Болгарии. Чемпион Европы Милитосян стал серебряным призером с суммой 330, которая

также на 10 килограммов меньше его достижения, показанного в апреле на берлинском помосте. Чемпион мира Венцель удостоился бронзы, набрав 327,5 килограмма. Год назад в Москве он победил с результатом 335.

Вот почему на пресс-конференции журналисты дотошно выпытывали, что помешало спортсменам повторить пройденное. В ответ олимпийский чемпион Митков откровенно сказал: «Волнение. Я пришел в себя только после рывка».

20-летнему Миткову простительно излишнее волнение. Да и Милитосяну тоже. Он хотя и постарше на пять лет, но соревновательный опыт у него невелик.

Сколько энергии, воинственного пыла, юношеской свежести вложил Йордан в победный толчок.

На пресс-конференции самый юный олимпийский чемпион из штангистов сказал, что свою победу он посвящает отцу, матери, сестре, брату.

— Ваша сила — дар природы?

— Прежде всего это плод огромной работы, — сказал Йордан. — Как и все мои товарищи по команде, я добываю силу в ежедневных тренировках.

— Вы — самый молодой тяжелоатлет. Думаете ли переходить в следующую весовую категорию?

— Да, я стану средневесом. И надеюсь вырвать 175 и толкнуть 215 килограммов.

Вот какие были замыслы у замечательного болгарского штангиста.

Ожидание длиной в четыре года

В субботу вечером на арене «Сен-Мишель» два болгарских штангиста-средневеса — Благой Благоев и Трендафил Стойчев пытались одержать победу над чемпионом Европы и мира Валерием Шарием. Однако взять его в «тиски» им не удалось...

О нем говорили: «Силен, но ... безвольный». А у него этой воли было на десятерых. Многие именитые средневесы уже «вышли в тираж», а Шарий все соревнуется.

... Два колеса на палке — такой была первая штанга Валерия. В тихом Червене, что под Минском, ходил парнишка в школу, играл в футбол, соревновался с легкоатлетами, боролся. И все-то у него получалось. Но 12-летний, он мечтал о силе, хотел, как сам говорит, «тягать штангу». Увидел по телевизору соревнования сельских силачей и смастерил атлетический снаряд...

Он, может быть, потому и слесарем стал после восьмилетки, что к «железу» тянуло. Три года работал на Минском заводе газсантехдеталей — фланцы изготовлял. А вечерами, отдохнув с полчаса, спешил в «Динамо» к Борису Давидовичу Левину. Ни одного занятия не пропустил.

— На работу, как на муку, ходил, — смущенно признается богатырь, — хотя на заводе было куда легче, чем на тренировках...

Зрелым атлетом Шарий почувствовал себя в армии, где встретился с таким же фанатиком штанги, как и сам, старшиной Павлом Яковлевичем Зубриным. Но им обоим не хватало выдержки и трезвого расчета. В 1969 году 22-летний Шарий вышел на мировой помост и доверия тренеров не оправдал. Накануне Олимпийских игр в Мюнхене установил такие рекорды мира, что, казалось, золотая медаль ему обеспечена. И зачем он тогда погорячился — заказал 170? Если бы Шарий поднял на 15—20 килограммов меньше своего мирового рекорда в троеборье, то и в этом случае стал бы олимпийским чемпионом. А так «подарил» это звание бородатому норвежцу Йенсену, который и не мечтал о таком поистине золотом подарке...

Но вот не стало жима. И опять счастье обходит стороной ученика и учителя. На чемпионате страны в Донецке Валерий бьет рекорд мира в рывке и... не толкает штангу с груди... Оба в трансе...

— Путь был ужасным, — вспоминает Валерий. — Паниковал — не суждено быть большим атлетом...

Дело прошлое, но не было в нашей сборной второго столь невезучего силача, как Шарий. Пока он вновь удостоился чести соревноваться на помосте, в его весовой категории успели «поцарствовать» на мировом чемпионском троне рижанин Геннадий Иванченко, Борис Павлов из Донецка, москвич Владимир Рыженков, болгарин Трендафил Стойчев. Казалось, бесполезно с ними бороться. Но Валерий, верный цели стать чемпионом, выстоял, не склонил голову. На это безвольные, каким его кое-кто считал, не способны.

Он — чудак-человек! — из-за штанги не обзаводился семьей. Думал, помешает. Вот и «танцевал» до 27-летнего возраста только со штангой: то рекорд побьет, то в тартарары загремит... Не понимал Шарий, как важно для атлета быть семейным. Хорошо, что в конце концов понял.

В Феодосию на предолимпийский сбор Шарий приехал с женой и сыном — так на душе спокойнее. Потренируется

и к своим: сидят под душистой акацией вечером, тихо переговариваются. Сам-то он больше молчит да соломенного цвета усами щекочет пухлые Алешкины щечки. Сын научился ходить, и ему, понятно, не сидится на папковых коленях. Спускается и топает к штангистам — «свои ребята». Но чаще к «деду» — Павлу Яковлевичу Зубрилин. А у «деда», хотя он и бодрится, на сердце тревога: что-то ждет их, неразлучных, в далеком Монреале?!

— Это ж надо! — ворчал Зубрилин. — Какие рекорды установили болгары у себя дома! Ну, ничего, Валерий, ты все равно сильнее...

И Павел Яковлевич оказался прав, победил Валерий. Здорово «отыгрался» за Мюнхен...

...Счастливым, умиротворенным, Валерий стоял на пьедестале, и на его груди покоилась долгожданная золотая олимпийская медаль, к которой он, не щадя себя в тренировках, шел последние четыре года.

В воскресенье стартовали 90-килограммовые богатыри.

Наши тренеры, стремясь развить успех команды, выставили в полутяжелой весовой категории, кроме Давида Ригерта, второго призера чемпионата СССР киевлянина Сергея Полторацкого.

Полторацкий намеревался начать рывок минимум со 165 килограммов, поскольку его лучший результат — 175. Тренеры подстраховались и заказали 162,5. Увы, даже этот вес не покорился атлету. Так в нашей команде появилась нулевая оценка.

Неудача друга, видимо, отразилась на Ригерте. Если на чемпионате страны он с первой попытки легко взметнул 180-килограммовую штангу, то здесь не удержал над головой начальную — 165. А тем временем у него объявился конкурент — 24-летний американец из штата Пенсильвания Джеймс Ли, не известный знатокам тяжелой атлетики. Этот белокурый парень для начала поднял 152,5, затем 160 и 165.

Тренер Давида олимпийский чемпион Рудольф Плюкфельдер, обладающий завидной выдержкой, спокойной обстановкой ученику, какую он допустил ошибку: «Прими свой старт, тяни штангу спиной и держи ее...»

На этот раз рывок получился классическим. Затем Ригерт, к неопишуемому восторгу публики, поднял 170-килограммовую штангу. Он недобрал до своего мирового рекорда 10 килограммов. Но самое трудное было позади. Ведь именно рывок подвел Давида в Мюнхене.

Толчок Ригерт также начал осторожно. В Караганде он с первого подхода поднял 220 килограммов, а здесь стартовал с 202,5. Эту штангу Давид толкнул с улыбкой —

мол, видите, это не так уж и трудно. А потом ушел за кулисы, попросил помассировать ноги и снова взялся за штангу — разминочную. Так он ждал, когда другие атлеты — болгарин Атанас Шопов, американец Филипп Гриппальди — закончат состязания. Оба подняли по 205. И Шопов, который в рывке был шестым с результатом 155 килограммов, переместился на третье место. Потом Атанас атаковал 210, чтобы отвоювать серебряную медаль у Джеймса, но встать с весом не смог. И тогда Ригерт остался один. Уже завоевав титул олимпийского чемпиона, он попросил 212,5 килограмма. Ему хотелось увеличить просвет, отделявший его от второго и третьего призеров. Четко, по всем правилам, Давид поднял штангу!

На пресс-конференции Давида спросили: «Доволен победой на олимпийском помосте?» Другой бы ответил: «Да». А он отрицательно покачал головой и пояснил: «Мюнхенская медаль, которую я упустил четыре года назад, стоит двух». Что ж, Ригерт не собирается покидать помост. Впереди Олимпиада-80. Он еще может стать двукратным олимпийским чемпионом.

Этот удивительный Давид

Когда знаменитого советского штангиста Давида Ригерта спрашивают, откуда у него такая огромная сила, он, улыбаясь, отшучивается: «Сила на меня с неба упала!»

Однако сильными люди не рождаются. каким бы талантливым ни был спортсмен, он не добьется удачи, если не наберется терпения и не будет изо дня в день поднимать тонны металла. Большой спортсмен — всегда труженик. И непременно — одержимый. Одержимый страстным стремлением к прогрессу.

Каждый выдающийся атлет — личность незаурядная, И отдавать кому-то предпочтение — значит в какой-то мере ущемлять самолюбие остальных чемпионов и рекордсменов. И все же из многих знаменитых штангистов можно с полным основанием выделить Давида Ригерта, многократного чемпиона мира. Недаром Французская академия спорта назвала Давида лучшим спортсменом мира за декабрь 1974 года. Этой высокой чести его удостоили не только за фантастические рекорды, установленные в соревнованиях на Кубок СССР. На юри, как свидетельствует газета «Экип», огромное впечатление произвело то, что Ригерт благодаря изумительной технике рывка сумел поднять одним махом вес, вдвое превосходящий его собственный, — 178 килограммов!

Этот замечательный атлет красив и душой, и телом. С его лица не сходит сердечная улыбка. С ним дружат все атлеты сборной, каждый считает его своим другом, потому что Давид за всех готов, как говорится, пойти в огонь и в воду, не боясь опасности, не помышляя о личной выгоде.

Когда он, гераклоподобный, держит над головой рекордную штангу и при этом смеется, зрители в восторге. «Железный парень!», «Чудо природы!» — каких только эпитетов не услышишь. И никому в голову не придет, что атлет, которым восхищается весь мир, до пяти лет не мог ходить.

...Послевоенные годы были для советского народа очень трудными. Нелегкими они были и для семьи хлебобора Адама Владимировича Ригерта. Шутка ли — семеро детей, мал мала меньше. Жили они в селе Нагорном.

С пеленок Давид впитывал в себя теплый запах спелого зерна, слышал грохот молотилки и крики: «Сноп подавайте!» Еще до восхода солнца Елизавета Рудольфовна пеленала спящего сына и несла на ток.

— Видно, застудили мои ноги. До пяти лет не мог научиться ходить, — говорит о себе Давид. — Но пошел я все же, даже побежал... И знаете как бегал — всех в школе обгонял...

Может быть, в лице Ригерта легкая атлетика потеряла талантливого спринтера. Но не будем об этом жалеть. Вырос великий штангист.

Школьный учитель физкультуры Юрий Одинцов настойчиво советовал Давиду изучать технику спринтерского бега. А он возражал: «Чему тут учиться — бегать я и так умею. Штангу поднимать — вот это спорт!»

Он рано влюбился в тяжелую атлетику. Вскоре после Токийской олимпиады учитель показал школьникам фильм, рассказывающий о славных победах советских спортсменов. Поясняя содержание киноленты, Одинцов особенно взволнованно говорил о силе и мужестве штангиста Рудольфа Плюкфельдера. Ребята слушали учителя с удивлением: оказывается, олимпийский чемпион в юношеские годы тяжело болел, ему нельзя было заниматься спортом, и все же он сам, без тренера, стал таким сильным, каких в мире единицы.

— Вот с каких спортсменов вам нужно брать пример, — закончил Одинцов.

Тогда-то 16-летний Давид и сказал себе: «Я найду его и тоже стану чемпионом»...

Что было дальше, рассказывает сам Давид.

— В 1966 году закончил школу. Вскоре стал солдатом. Тут мне повезло: в армейском спортклубе были настоящие мастера спорта, у которых многому можно было научиться. Там я и начал серьезно тренироваться. 21 марта 1968 года выполнил норму первого разряда в полусреднем весе: жим — 100, рывок — 105, толчок — 135; 28 сентября — норму кандидата в мастера спорта, набрав в троеборье 372,5 килограмма. А через две недели, когда в Мехико шли Олимпийские игры, стал мастером — 385 килограммов поднял...

До Мюнхенской олимпиады оставалось четыре года. И сказал себе новый мастер спорта: «Через четыре года я буду олимпийским чемпионом». Сказал спокойно, с твердой верой в свои силы. Причем он уже тогда знал, что в полусреднем весе не удержится: станет средневесом, а может быть, даже полутяжеловесом. Значит, нужно было готовить себя к штурму 500-килограммового рубежа. А как? Тренера у Давида еще не было. Технику изучал по кинограммам, фотоснимкам. Все мечтал встретиться с Плюкфельдером, а когда увидел его на соревнованиях в Свердловске, неожиданно оробел и не решился подойти к знаменитому атлету и тренеру.

И отодвинулась на какое-то время мечта Ригерта тренироваться под руководством Плюкфельдера, однако идея стать олимпийцем не умерла.

Сейчас Рудольф Владимирович убежден, что это он нашел Давида. Но было это не так.

После демобилизации Ригерт искал такую работу, которую можно было бы совмещать с интенсивными занятиями тяжелой атлетикой. Поступил в Армавире на автобазу, так как за годы армейской службы освоил в совершенстве слесарное дело.

В армавирском «Спартаке» обрадовались молодому мастеру спорта, командировали даже на сбор силачей в Туапсе.

И опять Давид, увидев Плюкфельдера, не посмел попроситься к нему в ученики. Хорошо, что у Ригерта был надежный товарищ — Станислав Терехов. Поделится с ним Давид своей мечтой и попросил пойти к знаменитому тренеру, славившемуся крутым характером, замолвить за него словечко.

Это было весной 1969 года. Ровно через год Плюкфельдер привез на чемпионат Советского Союза в Вильнюс новичка, поразившего всех своим выступлением. Давид яростно бросался на штангу, с которой не могли справиться даже знаменитые мастера. Лишь Геннадий Иванченко устоял под натиском Ригерта. 495 килограммов

поднял неистовый Давид и стал серебряным призером чемпионата. За год он к своему прежнему достижению прибавил 105 килограммов!

Такого прогресса не знал еще ни один атлет.

Рудольфа Владимировича поздравляли с талантливым учеником, а он смеялся: «Это лишь начало. Вот увидите, какой он будет! Я не знаю, где край его силы».

Давида пригласили в сборную страны. И атлета, который еще ни разу не участвовал даже в небольших международных турнирах, повезли за океан, в американский город Колумбус на чемпионат мира. Верили в его успех, потому что видели в нем сильного бойца. Работники научной бригады предложили Давиду испытать силу ног и спины. Сначала силомер показал 360 килограммов (!), а при второй попытке цепь силомера лопнула...

Громкими победами на чемпионатах Европы и мира 1973 года Ригерт восстановил свой пошатнувшийся в Мюнхене престиж. Вершиной его богатырского восхождения стал триумф на мировом первенстве в Маниле осенью 1974 года, где он в третий раз завоевал титул чемпиона мира. Это о нем президент Кубинской федерации тяжелой атлетики Давид Мойя сказал: «Ригерт покорила меня не столько феноменальными результатами, сколько умением бороться с самим собой!»

Четвертый титул чемпиона мира неистовый Давид завоевал в Москве. И вот—пятый в Монреале. Но главное—добыта золотая олимпийская награда.

Живет этот сильный и красивый человек на донской земле, которая издавна славится силачами. Работает атлет на шахте и молодым спортсменам преподает тяжелую атлетику. РадуетсЯ тому, что у него есть наследник—сын Виктор. Хорошо живется ему, всем доволен. Шахтеры уважают Давида за богатырскую силу, за приветливость. Чего еще желать? Однако городская жизнь ему не по душе. Часто, очень часто Ригерт вспоминает казахстанское село Нагорное. Это и понятно: там он вырос, закалил свой характер, научился стойко переносить трудности. Иногда, размышляя, атлет говорит: «Уйду с помоста и уеду в деревню тренером...»

Главный соперник—штанга

Чаша весов в соперничестве с болгарскими штангистами склонялась в пользу советских спортсменов. Важно было избежать неприятностей, не отступить в последние два дня олимпийского турнира.

В первом тяжелом весе болгары выставили двоих—20-летнего чемпиона и рекордсмена мира Валентина Христова и Крыстю Семерджиева, что было для нас неожиданностью. Мы полагали, что слухи о болезни Христова Плачкова преувеличены, что он рискнет встретиться с Бонком и Алексеевым.

— Приболел здесь Плачков, так похудел, что соревноваться не может,—объяснил Иван Абаджиев.

Алексееву стало легче. Зато Юрию Зайцеву, 25-летнему скромнейшему силачу из казахстанского города металлургов Тимертау, пришлось бороться с двумя очень грозными соперниками.

К удивлению специалистов и журналистов, атлеты первой тяжелой весовой категории показали сравнительно невысокие результаты. Так, к примеру, рекорд в двоеборье Христова, установленный годом раньше, был равен 417,5 килограмма. А здесь, на арене «Сен-Мишель», герой Московского чемпионата мира набрал 400 килограммов, Семерджиев—385, как и Зайцев, но наш спортсмен был на килограмм с лишним легче и поэтому занял второе место.

Итак, сборная Болгарии финишировала, набрав 43 очка. Столько же было и у атлетов нашей команды, но еще не выступал Василий Алексеев.

* * *

В Мюнхене, когда Алексеев завоевал титул олимпийского чемпиона, его спросили: «Выиграете ли золотую медаль в Монреале?»

В ответ он отшутился:

— Если вы все этого очень желаете, я буду стараться.

И он старался. Своим выступлением Алексеев привел в неописуемый восторг всех любителей тяжелой атлетики.

Только что закончился ливень, бушевавший в Монреале с утра до вечера. Василия Алексеева я увидел в узком проходе, огражденном железными решетками, охраняемом вооруженными солдатами канадской армии. Ружья наперевес, палец на спусковом крючке. Словом, не подступить. Василий в сопровождении главного тренера сборной Игоря Кудюкова вышел в этот проход подышать свежим воздухом и, задумавшись, облокотился на ограду...

Да, казалось, ему есть над чем призадуматься. Был обладателем всех абсолютных мировых рекордов, шесть

раз побеждал на чемпионатах Европы и мира, добыл олимпийскую золотую медаль в Мюнхене и оказался в тени. Будто бы уже не он самый сильный, а Плачков или Бонк — новые рекордсмены мира.

Еще в Москве многие, даже очень далекие от спорта люди, озабоченно спрашивали меня: «Не проиграет ли Алексеев?» Тревога была понятной. Но я, зная характер Василия, не сомневался в его победе.

Алексееву очень хотелось стартовать со 180 килограммов — так велик был его соревновательный азарт, однако его уговорили в интересах команды начать со 175. И Алексеев, настроенный благодушно, согласился. В третьем подходе он легко поднял 185. Поднял с таким запасом сил, что мог бы вырвать 190 килограммов, но попытки были исчерпаны.

Вопрос о том, кому быть чемпионом, оказался предрешенным. Единственный, кто намеревался бороться с Василием, — Бонк был в рывке четвертым. Его опережали американец Уилхельм и Павласек из Чехословакии.

Неуверенно приступил Бонк и к толчку. Для первого подхода он заказал вес, который на 30 килограммов был меньше его мирового рекорда. Толкнул штангу. Потом поднял и 227,5, и 235, однако сумма получилась весьма посредственная для чемпиона Европы — 405 килограммов (его лучший результат — 432,5). Но и этого Герду было достаточно, чтобы стать серебряным призером.

Повинуясь указаниям тренеров, Алексеев сначала толкнул 230. Наши туристы, не жалея голосовых связок, скандировали: «Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!» Ну, а «молодец» рад стараться. После того как серебряный медалист Бонк исчерпал попытки, на табло появилась фантастическая цифра — 255.

Вопль восторга потряс зал. И вот я увидел того самого Алексеева, который 18 марта 1970 года, выступая на Кубке дружбы в Минске, открывал эру «шестисотников». Но тогда он стоял перед штангой весом в 217,5 килограмма. И сейчас он точно так же стоял, прикрыв веки, запрокинув голову, перед снарядом весом в 255 килограммов. Такую тяжелую штангу обыкновенному мужчине впору лишь покатавать по помосту. Василий же поднял ее над головой, причем сделал это так легко, что, казалось, смог толкнуть и 260. Но это было уже ни к чему. Он и так первый с рекордом СССР — 440. К тому же на 2,5 килограмма превысил мировое достижение Бонка в толчке.

Его долго не отпускали с помоста. Аплодисменты гремели и гремели. И в ответ Василий низко, по-русски, в

пояс, поклонился публике за поддержку. От третьего зачетного подхода исполин отказался.

В предыдущие дни состязаний в крохотном помещении пресс-центра, что под трибунами, было немногочисленно. Скучали призеры в ожидании вопросов корреспондентов, которые мучительно соображали, о чем же спросить спортсменов. В последние дни результаты были невысокие. И это не воодушевляло ни тех, ни других. А на этот раз еще шли соревнования, а все места в пресс-центре были уже заняты. Некоторые хитрецы заранее уселись в пресс-центре, попивая кофе, покуривая сигареты, и следили за состязаниями по телевизору. Когда же в это помещение хлынули лавиной журналисты с трибун, то пришлось беседу с призерами перенести в зал, где соревновались атлеты.

Алексеев, как был во время борьбы — в красном трико с забинтованными запястьями, — поднялся на сцену. Он попросил стул и, усевшись поудобнее, начал отвечать на вопросы журналистов. Его ответы то и дело сопровождались аплодисментами.

— Зачем вы пошли на рекорд после победы?

— Всегда хочется большего. Медаль есть, а рекорд — это плюс к медали. Думаю, получился хороший плюс.

— Долго ли будете соревноваться?

— А сколько бы вы хотели?

— Если бы выступал Плачков, то каким бы был результат?

— С этими килограммами, которые я показал, все осталось бы на своих местах. Добавлю: Плачков, конечно, силен. Но он еще не выигрывал и у Бонка. А килограммы, показанные Гердом, говорят сами за себя... (Бонка Василий усадил рядом с собой, по правую руку, попросив для соперника еще один стул.)

— Каков предел физических возможностей человека?

— Не знаю рубежа, пока я эти рубежи устанавливаю.

Василий Иванович (что особенно импонировало журналистам) шутил, пересыпал русскую речь французскими и английскими словами и целыми фразами, но вот посыпались вопросы покаверзнее.

— Почему на ваше психологическое состояние, на ваш результат не повлиял анаболический контроль? (Тут я должен пояснить, что на долю Алексеева (в числе 12 атлетов) выпал жребий пройти предварительно стероидный контроль. — Д. И.) Анализ дал отрицательный ответ.

— Кто чем живет, — ответил не задумываясь Алексеев.

— А следует ли атлетам принимать стероиды?

— Это уже решил МОК. И его решение правильное. Я

его одобряю. По моему выступлению, думаю, теперь ясно, что и другим не стоит принимать анаболики.

— Ваше хобби?

— С удовольствием слушаю музыку, садоводством увлекаюсь. Люблю также охоту, рыбную ловлю, литературу. Но самое для меня приятное занятие — что-нибудь мастерить.

— Планировали ли вы толчок в 260 килограммов?

— Да, но этого, как видите, не потребовалось.

— До Монреаля вы, вероятно, чувствовали, что ваш титул самого сильного под угрозой. Но оказалось, что у вас нет соперников, вам не с кем было соревноваться.

— Соперник был — штанга!

— Кто вы по профессии?

— Горный инженер.

— Какая ваша ближайшая спортивная задача?

— Выиграть чемпионат Рязани...

И тут начались расспросы о городе Рязани.

А потом его спросили:

— Что побуждало вас к победе?

— Знал, что этой победой будут гордиться Родина, весь наш народ.

Когда закончилась пресс-конференция, мне было интересно узнать, что пишут мои коллеги по перу. Вот что сказал Имаи Хироши, корреспондент японской газеты «Майнити».

— Послушайте, что я уже написал и передал в Токио, — сказал Хироши. — Алексеев — трудовой человек. Такого нельзя победить. Он закален жизнью. Хотя ему 34 года, его руки, ноги и спина не слабеют. У него не искусственная сила, у него все естественное. У нас в Японии он популярен.

Итак, олимпийский турнир штангистов завершился. Наши богатыри завоевали 8 медалей. На олимпийском пьедестале славы — сибиряк Александр Воронин, ростовчанин Николай Колесников, минчанин Валерий Шарий, Давид Ригерт из города Шахты и рязанский богатырь Василий Алексеев, львовянин Петр Король, Вартан Милитосян из Ленинакана, Юрий Зайцев из Темиртау.

Наша сборная завоевала и первый командный приз чемпионата мира. Эта победа — плод труда большого коллектива специалистов, беззаветно преданных тяжелой атлетике.

По заслугам была и честь: Давид Ригерт и его тренер Рудольф Владимирович Плюкфельдер удостоились орденов Трудового Красного Знамени; Василий Алексеев и Валерий Шарий — орденов Дружбы народов; Александр

Воронин и Николай Колесников — орденов «Знак Почета».

Все канадские газеты отмечали успех спортсменов Советского Союза, Германской Демократической Республики и других социалистических стран, завоевавших большую часть наград XXI Олимпиады.

На видном месте монреальская «Газетт» поместила фотографию советского тяжелоатлета Василия Алексеева, сопроводив ее подписью: «Русский богатырь подтвердил, что ему нет равных. В атмосфере высокого напряжения, которая всегда сопровождает олимпийские соревнования, Алексеев не только не оставил своим соперникам шансов на успех, но и сумел установить потрясающий мировой рекорд в толчке — 255 килограммов!»

Лицом к лицу со сборной мира

Вот и все! Казалось бы, чего еще желать Василию Алексееву, победителю Мюнхенской и Монреальской олимпиад, семикратному чемпиону мира?! Свидетелями его богатырских подвигов были Сомбатхей, Колумбус, Париж, Вена, София, Лима, Констанца, Мюнхен, Мадрид, Гавана, Верона, Манила, наконец, Монреаль, а также многие города Советского Союза — от Великих Лук до Москвы.

— Не мне судить — все ли я сделал, что мог. Но я трудился и тружусь не щадя себя, — сказал в беседе со мной Василий Иванович, находясь на олимпийской базе штангистов под Подольском. — Жизнь у меня не была спокойной даже тогда, когда побеждал с большим преимуществом. Всегда находились молодые и сильные соперники. И дома, и за рубежом. Поэтому я обязан постоянно поддерживать спортивную форму на рекордном уровне. И это мне удастся, хотя временами одолевают травмы. Все последние годы я испытывал колоссальное перенапряжение, часто работал на пределе, балансировал на грани возможного и невозможного, искал и ищу пути для развития максимальной силы. Организм постоянно находится под нагрузкой, но, пока, к сожалению, нет таких контрольно-измерительных приборов, которые сигнализировали бы об угрожающей ему опасности, предостерегали бы от травм.

Монреальский турнир существенно укрепил трон самого сильного. Редактор и издатель американского журнала «Интернэшнл олимпик лифтер» Боб Хайс писал о триумфе Василия Алексеева как о событии мирового значения:

«Большой русский, который способствует популярности тяжелой атлетики больше, чем кто-либо из живущих ныне или в прошлом, снова стал главной темой новостей во всем мире».

Вновь неоспоримо высоким стал авторитет всей советской тяжелой атлетики. Значительно возросло преимущество штангистов социалистических стран над представителями капиталистических государств. Из 27 разыгранных олимпийских наград они завоевали 22: СССР—8, Болгария—8, Польша—2, ГДР—3, Венгрия—1.

Американские и английские специализированные издания знакомили читателей с болгарской методикой подготовки рекордсменов. При этом ставились в пример такие тяжелоатлетические звезды, как Нораир Нурикян, Атанас Киров, Георгий Тодоров, Младен Кучев, Йордан Биков и Йордан Митков, Трендафил Стойчев и Благой Благоев, Недельчо Колев, Валентин Христов, Андон Николов, Христо Плачков и другие силачи, находившиеся на подступах к мировому пьедесталу.

Приводились в пример и поляки—их умение держаться до конца. Подчеркивался бурный прогресс результатов у атлетов ГДР. Но вот что ускользнуло от внимания обозревателей—выход на олимпийский помост юных богатырей Кубы. Может быть, потому, что они сумели взять лишь два очка и оказались в числе команд, поделивших 11—14-е места.

После каждой Олимпиады тяжелоатлетический спорт попадает как бы на распутье. Ведущие специалисты и лучшие спортсмены, стоя на «развилке», выбирают наиболее короткий и самый эффективный путь к достижению максимального успеха на предстоящих Олимпийских играх. При этом проверка правильности избранного пути, а также боеспособности молодых «новобранцев», проходит на чемпионатах мира, которые проводятся ежегодно осенью, когда начинается золотиться на деревьях листва.

Так вот, на мировом первенстве 1977 года в западногерманском городе Штутгарте выяснилось, что сборная СССР, обновленная почти наполовину, избрала верную учебно-методическую линию подготовки в Московской олимпиаде: семь из десяти штангистов победили в своих весовых категориях. На второе место переместилась команда ГДР. Наши постоянные соперники—силачи Болгарии где-то потеряли победную нить. Лишь Валентину Христову удалось завоевать первенство в категории до 110 килограммов.

Казалось, наши ведущие специалисты, ответственные за подготовку олимпийцев и олимпийского резерва, близ-

ки к достижению цели, которая заключалась в том, чтобы в каждой весовой категории иметь атлета, способного реально бороться за титул чемпиона. Однако на чемпионате мира 1978 года в американском городке Геттисберге сборная СССР понесла ощутимые потери. Она, правда, была вне конкуренции в борьбе за первый командный приз, но выиграла только пять больших золотых медалей из десяти. Два чемпионских титула завоевали атлеты Кубы, по одному—Болгарии, ГДР и Венгрии.

Всеобщее восхищение вызвали совсем еще юные кубинские силачи.

— С вашей помощью мы постараемся быть вторыми и на Олимпийских играх в Москве,—сказал мне по-русски один из тренеров Кубы энергичный Мануэль Гуи.

Что ж, возможно, так и будет. В кубинской сборной два чемпиона мира, которые на сегодня не имеют себе равных. Это Даниэль Нуньес и Роберто Уррутиа, названный лучшим спортсменом 1978 года Латинской Америки. За ними идут очень способные силачи, которые к Московской олимпиаде непременно увеличат свои достижения.

«Все еще нет никаких указаний на то, что какая-либо страна может догнать Советский Союз в борьбе за командную победу на чемпионате мира. В прошлые годы сборная Болгарии была серьезным соперником, но в последнее время болгары сильно снизили свой уровень и оказались на шестом месте. Самым сильным соперником советских атлетов стала Куба, занявшая второе место, наивысшее за историю ее тяжелоатлетического спорта. Важную роль играет то, что Куба—коммунистическая страна, она выделяет блага, создает благоприятные условия для своих спортсменов, оказывает им моральную поддержку. Куба, конечно, достигла прогресса во всех видах спорта, но ее подъем в тяжелой атлетике почти сенсационный,—так писал редактор и издатель английского журнала «Стрэнгс Атлет» Георг Киркли, особо акцентируя внимание на командных итогах чемпионата мира.—В Геттисберге Советский Союз получил 281 очко, Куба—221, ГДР—178... Все первые шесть мест заняли коммунистические страны».

Киркли—один из наиболее авторитетных журналистов, пишущих о тяжелой атлетике. Его обозрения, как правило, объективно отражают соотношение сил на мировом помосте. О советских штангистах он обычно пишет с большой симпатией. На этот раз Киркли из всех атлетов мира выделил нашу «суперзвезду»—Юрика Варданяна, назвав его величайшим штангистом, которого мы когда-либо видели.

Варданыян действительно выдающийся атлет. В Геттисберге Юрик удостоился высшей почести — дважды тысячи зрителей приветствовали его стоя! Наш средневес поднял в рывке 171 килограмм и толкнул — 210,5!

Есть замечательные штангисты и в Болгарии. Например, Янко Русев. Этот юниор, выступая в легком весе, выиграл у всех взрослых спортсменов. В сборной ГДР на олимпийское «золото» претендует Юрген Хойзер — новый соперник Алексева. В Геттисберге Василий сошел с дистанции — травма не позволила ему толкнуть начальный вес, и самым сильным был назван 26-летний Хойзер. Наш второй богатырь, рекордсмен мира в рывке Султан Рахманов проиграл ему потому, что был тяжелее Юргена.

Думаю, напомним о себе Алексеву и его давние знакомые Герд Бонк и Христо Плачков. Они вполне могут обрести веру в себя и тогда станут опасными конкурентами за титул абсолютного чемпиона Олимпийских игр.

После Геттисберга популярность Василия Алексева заметно поуменьшилась. «Не закатилась ли звезда восьмикратного чемпиона мира, победителя двух Олимпиад, обладателя 80 рекордов мира?» — спрашивали любители спорта. «Закатилась!» — заявлял обозреватель французской газеты «Экип», полагая, что Алексеев уже не сможет отвоевать трон самого сильного, которым владел с 1970 года.

Я же придерживаюсь иного мнения. Василий Алексеев всегда был загадкой. Неудачи — для него лучший допинг в тренировках.

— Чем сложнее обстановка, — говорит богатырь, — тем я сильнее расправляю крылья!

— Чем же объяснить ваше долгожительство в спорте?

— За годы, что я нахожусь в сборной СССР, сменилось не одно поколение атлетов. Некоторые сверкнули, как звезды, и «закатились». Каждый год команда обновляется на 30—50 процентов. Этому две причины: в нашей стране огромный интерес к тяжелой атлетике, все тренируются с настойчивым желанием стать чемпионами и рекордсменами. Отсюда частая смена чемпионов... Во-вторых, иным силачам не хватило упорства. Когда взбираешься на высшую ступень, то надо помнить, что завоевать титул чемпиона легче, чем его удержать. Многие уповают на талант, а нужен характер. Крепкий характер!

— Довольны ли вы своей судьбой? — спрашиваю Алексева.

— Все хорошо! Все здорово! Иначе в нашей стране и быть не может. Возможности у нас для гармонического развития и совершенствования человека исключительные.

Тот, кто любит трудиться добросовестно, непременно добивается успеха на избранном поприще.

— Несколько лет назад, точнее, в 1974 году в беседе с американскими журналистами вы сказали, что для вас самое главное — участие в Олимпиаде-80.

— Понятно, почему главное. У себя на Родине звание сильнейшего нужно выиграть обязательно! Чего бы мне это не стоило!

Вот он какой упорный — Василий Алексеев. Под статью ему и другие наши кандидаты в олимпийцы. Значит, будут у нас и победы, и рекорды!

АТЛЕТЫ НА ВЕСАХ ВРЕМЕНИ

Вместо послесловия

Нет-нет да можно услышать: «Вот раньше были силачи!!!» Да, были. Однако смею уверить, современный мир атлетов намного превосходит в силе самых прославленных чемпионов и рекордсменов прошлого, причем не такого уж далекого.

Первый олимпийский чемпион датчанин Вигто Йенсен поднял на Играх 1896 года штангу весом в 111,5 килограмма. Кстати, на афинском помосте соревновалось 11 атлетов из четырех стран. Они поднимали шаровую штангу, вес которой увеличивали тем, что досыпали дробь в полые шары.

На Антверпенской олимпиаде 1920 года медали оспаривали 53 штангиста из 13 стран. Абсолютным силачом стал французский атлет Эрнст Кадин. При весе 82,5 килограмма он толкнул 135 килограммов.

Спустя восемь лет на Олимпийских играх в Амстердаме самую тяжелую штангу поднял эстонец Арнольд Лухайер — 150 килограммов. Тогда чемпионом в троеборье стал немец Иосиф Штрассбергер, а Лухайер был вторым. Третий силач Олимпиады Ярослав Скобла из Чехословакии тоже осилил полтора центнера. Примечательно, что Ярослав через четыре года выиграл звание чемпиона на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. На этот раз ему удалось толкнуть 152,5 килограмма.

На XI Олимпийских играх 1936 года в Берлине немец Иосиф Мангер победил в троеборье — 410 килограммов, но он толкнул 155-килограммовую штангу, а занявший третье место Лухайер поднял 165 килограммов.

Лондонская олимпиада — абсолютный чемпион Джон Дэвис поднимает потолок олимпийского рекорда до 177,5 килограмма. В Мельбурне Пауль Андерсон толкает 187,5.

Как видим, не так уж быстро тяжелела штанга самых сильных. Дело пошло веселей, когда званием абсолютного силача завладел Юрий Власов. На Олимпийских играх в Риме он толкнул 202,5 килограмма, перед Токийской олимпиадой — 215,5!

В Токио новый олимпийский чемпион Леонид Жаботинский поднял 217,5 килограмма.

Новый рекорд Олимпийских игр был установлен через восемь лет в Мюнхене Василием Алексеевым — 230 килограммов. Он же толкнул в Монреале 255-килограммовый снаряд. Но и этот результат оказался не пределом богатыря. 1 ноября 1977 года, выступая на спортивном празднике в Лужниках, Василий Алексеев фиксирует над головой штангу весом в 256 килограммов.

Беспокойное племя атлетов не знает передышки. Ежегодно разыгрываются чемпионаты мира и континентов. Уже 107 стран объединяет Международная федерация тяжелой атлетики. И самое почетное место среди лучших штангистов занимают богатыри Советского Союза. Ныне мир атлетов учится поднимать штангу «по-русски». Наши тренеры имеют учеников в Бирме и Индонезии, в Мексике и Индии, в Боливии и Сирии, в Алжире и Монголии... А некоторые наши бывшие ученики — атлеты Болгарии, ГДР, Кубы, Польши, ЧССР бьют рекорды и завоевывают чемпионские титулы в состязаниях самого высокого ранга.

Национальный тренер Британской тяжелоатлетической ассоциации Джон Ли объясняет причины побед спортсменов стран социализма тем, что им созданы благоприятные условия для занятий спортом. Ли даже вывел свой «закон», который гласит: «Поднятый вес прямо пропорционален заботе государства о спортсменах».

«Исправить ситуацию в британской тяжелой атлетике — значит применить принципы, которыми руководствуется советская система», — считает Джон Ли и очень жалеет, что «догнать русских невозможно».

ПРИЛОЖЕНИЕ

На пьедестале почета Хельсинки-52

Категория до 56 кг. 1. И. Удодов (СССР)—315 (90+97,5+127,5); 2. М. Намдью (Иран)—307,5 (90+95+122,5); 3. А. Мирзаи (Иран)—300 (95+92,5+112,5). До 60 кг. 1. Р. Чимишкян (СССР)—337,5 (97,5+105+135); 2. Н. Саксонов (СССР)—332,5 (95+105+132,5); 3. Р. Уилки (Тринидад)—322,5 (100+100+122,5). До 67,5 кг. 1. Т. Коно (США)—362,5 (105+117,5+140); 2. Е. Лопатин (СССР)—350 (100+107,5+142,5); 3. В. Барберис (Австралия)—350 (105+105+140). До 75 кг. 1. П. Джордж (США)—400 (115+127,5+157,5); 2. Г. Граттон (Канада)—390 (122,5+112,5+155); 3. Я. Ким (Южная Корея)—382,5 (122,5+112,5+147,5). До 82,5 кг. 1. Т. Ломакин (СССР)—417,5 (125+127,5+165); 2. С. Станчик (США)—415,5 (127,5+127,5+160); 3. А. Воробьев (СССР)—407,5 (120+127,5+160). До 90 кг. 1. Н. Шеманский (США)—445 (127,5+140+177,5); 2. Г. Новак (СССР)—410 (140+125+145); 3. Л. Килгоур (Тринидад)—402,5 (125+120+157,5). Св. 90 кг. 1. Д. Дэвис (США)—460 (150+145+165); 2. Д. Бредфорд (США)—437,5 (140+132,5+165); 3. Х. Сильветти (Аргентина)—432,5 (150+120+162,5).

Командные результаты: СССР—40 очков; США—38; Иран—16.

Мельбурн-56

Категория до 56 кг. 1. Ч. Винчи (США)—342,5 (105+105+132,5); 2. В. Стогов (СССР)—337,5 (105+105+127,5); 3. М. Намдью (Иран)—332,5 (100+102,5+130). До 60 кг. 1. И. Бергер (США)—352,5 (107,5+107,5+137,5); 2. Е. Минаев (СССР)—342,5 (115+100+127,5); 3. М. Зелинский (Польша)—335 (105+102,5+127,5). До 67,5 кг. 1. И. Рыбак (СССР)—380 (110+120+150); 2. Р. Хабутдинов (СССР)—372,5 (120+110+137,5); 3. Ким Чанг Хи (Южная Корея)—370 (107,5+112,5+150). До 75 кг. 1. Ф. Богдановский (СССР)—420 (132,5+122,5+165); 2. П. Джордж (США)—412,5 (122,5+127,5+162,5); 3. Э. Пиньятти (Италия)—382,5 (117,5+117,5+147,5). До 82,5 кг. 1. Т. Коно (США)—447,5 (140+132,5+175); 2. В. Степанов (СССР)—427,5 (135+130+162,5); 3. Д. Джордж (США)—417,5 (120+130+167,5). До 90 кг. 1. А. Воробьев (СССР)—462,5 (147,5+137,5+177,5); 2. Д. Шеппард

(США)—442,5 (140+137,5+165); 3. Ж. Дебюф (Франция)—425 (130+127,5+167,5). Св. 90 кг. 1. П. Андерсон (США)—500 (167,5+145+187,5); 2. Х. Сильветти (Аргентина)—500 (175+145+180).

Командные результаты: США—42 очка; СССР—41; Иран—15.

Рим-60

Категория до 56 кг. 1. Ч. Винчи (США)—345 (105+107,5+132,5); 2. И. Миякэ (Япония)—337,5 (97,5+105+135); 3. И. Эльмхан (Иран)—330 (97,5+100+132,5). До 60 кг. 1. Е. Минаев (СССР)—372,5 (120+110+142,5); 2. И. Бергер (США)—362,5 (117,5+105+140); 3. С. Маннирони (Италия)—352,5 (107,5+110+134). До 67,5 кг. 1. В. Бушуев (СССР)—397,5 (125+122,5+150); 2. Дань Хао-лян (Сингапур)—380 (115+110+155); 3. А. Азиз (Ирак)—380 (117,5+115+147,5). До 75 кг. 1. А. Курынов (СССР)—437,5 (135+132,5+170); 2. Т. Коно (США)—427,5 (140+127,5+160); 3. Д. Вереш (Венгрия)—405 (130+120+155). До 82,5 кг. 1. И. Палинский (Польша)—442,5 (130+132,5+180); 2. Д. Джордж (США)—430 (132,5+132,5+165); 3. Я. Бохенек (Польша)—420 (130+120+170). До 90 кг. 1. А. Воробьев (СССР)—472,5 (152,5+142,5+177,5); 2. Т. Ломакин (СССР)—457,5 (152,5+130+170); 3. Л. Мартин (Великобритания)—445 (137,5+137,5+170). Св. 90 кг. 1. Ю. Власов (СССР)—537,5 (180+155+202,5); 2. Д. Бредфорд (США)—512,5 (180+150+182,5); 3. Н. Шеманский (США)—500 (170+150+180).

Командные результаты: СССР—40 очков; США—34; Польша—20.

Токио-64

Категория до 56 кг. 1. А. Вахонин (СССР)—357,5 (110+105+142,5); 2. И. Фёльди (Венгрия)—355 (115+102,5+137,5); 3. С. Исиносеки (Япония)—347,5 (100+110+137,5). До 60 кг. 1. И. Миякэ (Япония)—397,5 (122,5+122,5+152,5); 2. И. Бергер (США)—382,5 (122,5+107,5+152,5); 3. М. Новак (Польша)—377,5 (112,5+115+150). До 67,5 кг. 1. В. Башановский (Польша)—432,5 (132,5+135+165); 2. В. Каплунов (СССР)—432,5 (140+127,5+165); 3. М. Зелинский (Польша)—420 (140+120+160). До 75 кг. 1. Х. Здражила (Чехословакия)—445 (130+137,5+177,5); 2. В. Куренцов (СССР)—440 (135+130+175); 3. М. Оути (Япония)—437,5 (140+135+162,5). До 82,5 кг. 1. Р. Плюкфельдер (СССР)—475 (150+142,5+182,5); 2. Г. Тот (Венгрия)—467,5 (145+137,5+185); 3. Д. Вереш (Венгрия)—467,5 (155+135+177,5). До 90 кг. 1. В. Голованов (СССР)—487,5 (165+142,5+180); 2. Л. Мартин (Великобритания)—475 (155+140+180); 3. И. Палинский (Польша)—467,5 (150+135+182,5). Св. 90 кг. 1. Л. Жаботинский (СССР)—572,5 (187,5+167,5+217,5); Ю. Власов (СССР)—570 (197,5+162,5+210).

Командные результаты: СССР—43 очка; Польша—25; Япония—22.

Мехико-68

Категория до 56 кг. 1. М. Нассири (Иран)—367,5 (112,5+105+150); 2. И. Фёльди (Венгрия)—367,5 (122,5+105+140); 3. Г. Требицкий (Польша)—357,5 (115+107,5+135). До 60 кг. 1. Иосинобу Миякэ (Япония)—

392,5 (122,5+117,5+152,5); 2. Д. Шанидзе (СССР)—387,5 (120+117,5+150); 3. Иосиоки Миякэ (Япония)—385 (122,5+115+147,5). До 67,5 кг. 1. В. Башановский (Польша)—437,5 (135+135+167,5); 2. П. Джалайер (Иран)—422,5 (125+132,5+165); 3. М. Зелинский (Польша)—420 (135+125+160). До 75 кг. 1. В. Куренцов (СССР)—475 (152,5+135+187,5); 2. Оути (Япония)—455 (140+140+175); 3. К. Бакош (Венгрия)—440 (137,5+132,5+170). До 82,5 кг. 1. Б. Селицкий (СССР)—485 (150+147,5+187,5); 2. В. Беляев (СССР)—485 (152,5+147,5+185); 3. Н. Озимек (Польша)—472,5 (150+140+182,5). До 90 кг. 1. К. Кангасни-еми (Финляндия)—517,5 (172,5+157,5+187,5); 2. Я. Тальтс (СССР)—507,5 (160+150+197,5); 3. М. Голомб (Польша)—495 (165+145+185). Св. 90 кг. 1. Л. Жаботинский (СССР)—572,5 (200+170+202,5); 2. С. Рединг (Бельгия)—555 (195+147,5+212,5); 3. Д. Дьюб (США)—555 (200+145+210).

Командные результаты: СССР—39 очков; Польша—28; Япония—21.

Мюнхен-72

Категория до 52 кг. 1. З. Смальцеж (Польша)—337,5 (112,5+100+125); 2. Л. Сюч (Венгрия)—330 (107,5+95+127,5); 3. Ш. Хольцрейтер (Венгрия)—327,5 (112,5+92,5+122,5). До 56 кг. 1. И. Офёльди (Венгрия)—377,5 (127,5+107,5+142,5); 2. М. Нассири (Иран)—370 (127,5+100+142,5); 3. Г. Четин (СССР)—367,5 (120+107,5+140). До 60 кг. 1. Н. Нурикян (Болгария)—402,5 (127,5+117,5+157,5); 2. Д. Шанидзе (СССР)—400 (127,5+120+152,5); 3. Я. Бенедек (Венгрия)—390 (125+120+145). До 67,5 кг. 1. М. Киржинов (СССР)—460 (147,5+135+177,5); 2. М. Кучев (Болгария)—450 (157,5+125+167,5); 3. З. Качмарек (Польша)—437,5 (145+125+167,5). До 75 кг. 1. Й. Биков (Болгария)—485 (160+140+185); 2. М. Трэбулси (Ливан)—472,5 (160+140+172,5); 3. А. Сильвино (Италия)—470 (155+140+175). До 82,5 кг. 1. Л. Йенсен (Норвегия)—507,5 кг (172,5+150+185); 2. Н. Озимек (Польша)—497,5 (165+145+187,5); 3. Г. Хорват (Венгрия)—495 (160+142,5+192,5). До 90 кг. 1. А. Николов (Болгария)—525 (180+155+190); 2. А. Шопов (Болгария)—517,5 (180+145+192,5); 3. Г. Беттенбург (Швеция)—512,5 (182,5+145+185). До 110 кг. 1. Я. Тальтс (СССР)—580 (210+165+205); 2. А. Крайчев (Болгария)—562,5 (197,5+162,5+202,5); 3. С. Грютцнер (ГДР)—555 (185+162,5+207,5). Свыше 110 кг. 1. В. Алексеев (СССР)—640 (235+175+230); 2. Р. Манг (ФРГ)—610 (225+170+215); 3. Г. Бонк (ГДР)—572,5 (200+155+217,5);

Командные результаты: Болгария—38 очков; СССР—30; Венгрия—27.

Монреаль-76

Категория до 52 кг. 1. А. Воронин (СССР)—242,5 кг (105+137,5); 2. Д. Кёсеги (Венгрия)—237,5 (107,5+130); 3. М. Нассири (Иран)—235 (100+135). До 56 кг. 1. Н. Нурикян (Болгария)—262,5 кг (117,5+145); 2. Г. Чура (Польша)—252,5 (115+137,5); 3. К. Андо (Япония)—250

(107,5+142,5). До 60 кг. 1. Н. Колесников (СССР)—285 кг (125+160); 2. Г. Тодоров (Болгария)—280 (122,5+157,5); 3. К. Хирай (Япония)—275 (125+150). До 67,5 кг. 1. З. Качмарек (Польша)—307,5 кг (135+172,5); 2. П. Король (СССР)—305 (135+170); 3. Д. Сенэ (Франция)—300 (135+165). До 75 кг. 1. Й. Митков (Болгария)—335 кг (145+190); 2. В. Милитосян (СССР)—330 (145+185); 3. П. Венцель (ГДР)—327,5 (145+182,5). До 82,5 кг. 1. В. Шарий (СССР)—365 (новый олимпийский рекорд) (162,5+202,5); 2. Б. Благоев (Болгария)—362,5 (162,5+200); 3. Т. Стойчев (Болгария)—360 (162,5+197,5). До 90 кг. 1. Д. Ригерт (СССР)—382,5 (новый олимпийский рекорд) (170+212,5); 2. Л. Джеймс (США)—362,5 (165+197,5); 3. А. Шопов (Болгария)—360 (155+205). До 110 кг. 1. В. Христов (Болгария)—400 кг (175+225); 2. Ю. Зайцев (СССР)—385 (165+220); 3. К. Семерджиев (Болгария)—385 (170+215). Св. 110 кг. 1. В. Алексеев (СССР)—440 кг (185+255); 2. Г. Бонк (ГДР)—405 (170+235); 3. Х. Лош (ГДР)—387,5 (165+222,5).

Командные результаты: СССР—50 очков; Болгария—43; Польша—22; ГДР—19; Япония—15; Венгрия—12.

Примечание. Спустя несколько месяцев после XXI Игр решением Международного олимпийского комитета В. Христов и З. Качмарек были лишены званий олимпийских чемпионов, так как их пробы на анаболический контроль якобы дали положительные результаты. По этой же причине были аннулированы достижения еще шести штангистов, обвиненных в употреблении анаболических стероидов. Вместо Христова чемпионом был назван наш Ю. Зайцев, а Качмарека в списке олимпийских победителей заменил П. Король.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИР АТЛЕТОВ (Вместо предисловия)	3
Глава первая. ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ	5
Глава вторая. ТАК «ПРОРУБАЛИ ОКНО» В МИР	21
Глава третья. ЧЕМПИОНЫ САМИ НЕ УХОДЯТ	38
Глава четвертая. БОГАТЫРИ С ВОЛГИ НА БЕРЕГАХ ТИБРА ..	53
Глава пятая. СИЛА—ДЛЯ ДЕЛА ДОБРОГО	75
Глава шестая. С НОВОЙ ВЕРОЙ В СИЛЫ СВОИ	99
Глава седьмая. МЮНХЕН-72: ОЛИМПИЙСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ ..	126
Глава восьмая. МОНРЕАЛЬ-76: ВЛАСТЬ НАД МЕТАЛЛОМ	145
АТЛЕТЫ НА ВЕСАХ ВРЕМЕНИ (Вместо послесловия)	170
ПРИЛОЖЕНИЕ	172

Издание получило диплом
Оргкомитета «Олимпиада-80»

Дмитрий Иванович Иванов

СИЛА САМЫХ СИЛЬНЫХ

Тяжелая атлетика на Олимпиадах

Художник **Н. И. Шевцов**
Редактор **Л. П. Орлова**
Художественный редактор **Е. Ф. Николаева**
Технический редактор **Т. С. Маринина**
Корректор **Л. М. Логанова**

ИБ № 2066

Сдано в набор 20.03.79. Подписано в печать 11.07.79. А04680. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Вклейки—глубокая. Усл. п. л. 10,08 (в том числе вкл.—0,84). Уч.-изд. л. 11,76 (в том числе вкл.—1,41). Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Изд. инд. ОИ-41.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Отпечатано с диапозитивов ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова на ордена Трудового Красного Знамени фабрике «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ 4621

